

МОЛИТВА

СВЯЩЕННОМУЧЕНИКУ АЛЕКСАНДРУ (ТРАПИЦЫНУ),
АРХИЕПИСКОПУ САМАРСКОМУ

КОНДАК, ГЛАС 2:

Просиявше, священномучениче Александре, жипием святипительским, и в мире облистал еси печением спрадалвчества, разгнал еси мрачную прелеств безбожников воинствующих и расколбников злобствующих, показав истинную славу православных, сего ради моли Христа Бога спасися душам нашим.

ИКОС:

Яко волнами вод многих обуреваеся Церковь Православная, колеблема ложными учеными и безбожным поруганием враг ея. Веруем и уповаем купно с побоем, святипелю Александре, яко врапа адова не одолеют ея, и молим тя, испроси у Господа великия милости, да ниспослет нам в дни испытаний наших крепоств духа и птвердое стояние во истине Православия, да не явится кто из братии нашей сыном погибели, но моли Христа Бога спасися душам нашим.

НА ХВАЛИТЕХ СТИХИРЫ, ГЛАС 4:

Терпел еси гонение от неверных, радовался еси воздаянием, яже уготова Бог любящим Его. Сего ради, священномучениче, вепхаго совлекся еси человека, вепхаго же искоренив идола безбожия, благодапию мучений своих освятил еси град Самару, и в нем, яко солнце незаходимое, возсиял еси. Сего ради молим тя, отче Александре, моли Христа Бога спасися душам нашим.

Терпел еси от безбожных гонения, и радовался еси от Владыки Христа воздаянием, и к злобствующим вопиял еси: нужно спрадание, но радостно воздаяние, многи скорби, но сладок рай, и сего ради многи, остававша раскол, к тебе припекаху, глаголюще: моли Христа Бога, отче Александре, да твоими молитвами спасет души наша.

Терпя мучения кровавья, одежду священства своего, святипелю Александре, светло кровию украсил еси, и в Небесную Церковь введен быств, и со Ангелы всегда Богу предстоя, мудре, и ныне моли даровати мир душам нашим.

СЛАВА, ГЛАС 8:

Самарскому граду вся волжская страна спразднует днесь, в память честнаго сего архиерея, ибо концы земнии воспещуще веселятся нынешним торжеством священномученика. Тем же и мы песньми, яко цветы, венцы сплетше, возопим: радуйся, пастырю добрый, душу положивый за овцы своя, молимся тебе, богоносе отче Александре, моли стадо свое от безбожных волков избавити и небесныя ограды с тобою сподобитися.

Духовный Собеседник

2019 №1(99)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Тольяттинский

Редакционный совет:
Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Епископ Фома (Мосолов)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Дмитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексей Подмарицын
Д. В. Сивиркин
Монахиня София (Бельчикова)
Ю. В. Изъятский

Над номером работали:
Монахиня Феофания (Купер) – ответственный секретарь
Мария Винникова – редактор
Анна Коваленко – редактор
Евгения Летучая – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.

Эл. почта: redaktor@духовныйсобеседник.рф

Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

**МОЛИТВА СЯЩЕННОМУЧЕНИКУ АЛЕКСАНДРУ
(ТРАПИЦЫНУ), АРХИЕПИСКОПУ САМАРСКОМУ..... 1**

СВЯТИТЕЛЬСКОЕ СЛОВО

Архиепископ Александр (Трапицын)
«Совершилась воля Божия о мне» 4

В СВЕТЕ ИСТИНЫ

Архиепископ Александр (Трапицын)
Догмат и этика 10

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Архимандрит Георгий (Шестун)
Когда и почему началась гражданская война,
и когда она закончится 20

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

Митрополит Мануил (Лемешевский)
«Поминайте наставников ваших» 26

ТРИБУНА РУССКОЙ МЫСЛИ

Александр Панарин
От классового – к историческому неравенству:
пасынки «догоняющего развития» 54

РУССКАЯ ШКОЛА

Монахиня Александра (Захарченко)
На пороге зрелости 74

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАЗА

Алексей Солоницын
«Сердце болит» 86

ПОЮ БОГУ МОЕМУ

Алексей Солоницын
Спасти человека 100

«СОВЕРШИЛАСЬ ВОЛЯ БОЖИЯ О МНЕ»

СЛОВО АРХИМАНДРИТА АЛЕКСАНДРА (ТРАПИЦЫНА)
НА ХИРОТОНИИ ВО ЕПИСКОПА

Милостивейшие архипастыри и отцы! Неоднократно я видел в путях своей жизни явление милости Божией ко мне многогрешному. Вот и ныне опять Господь взыскал меня не по моим заслугам Своею великою милостию; чрез избрание вашего святейшества, с соизволения Благочестивейшего нашего Монарха, Он призвал меня к высшему в Церкви служению епископскому, которое святой апостол Павел называет *добрым делом* (1 Тим. 3, 1).

Приемля с благодарением сие возлагаемое на меня вашим святейшеством благое иго епископского служения, я священным долгом поставлю себе поведать вашему святейшеству, что мою душу объемлют ныне глубокое смущение и священный трепет: меня смущает крайняя немощь моих сил и мое великое недостойнство для епископского служения. Если уже святые и богоносные отцы Церкви – Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, при всей высоте своей духовной жизни, благоговейно страшились епископского служения, то как же я, немощный и недостойный, взойду на высоту сию? И я, святейшие отцы, глубоко страшусь этой высоты; страшусь, чтобы мне при моих немощах не оказаться на великом подвиге неблагопотребным рабом Домовладыки, – боюсь, *да не како, иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. 9, 27).

Но измлада наученный во всех затруднительных путях своей жизни возлагать упование на помощь Божию, я и ныне, в сей знаменательный для меня день и час жизни, нахожу для себя ободрение против страха пред своими немощами в вере и надежде на всеильную благодать Божию. Я исполнен глубокой веры, что в избрании меня вашим святейшеством к епископскому служению совершилась воля Божия о мне, и по сей вере твердо уповаю, что Господь, призвавший меня к епископству, и соделает меня, недостойного, *сосудом в честь, освященным и благопотребным Владыце, на всякое дело благое уготованным* (2 Тим. 2, 21). Имею утешительную надежду, что и любовь вашего святейшества не умедлит подать мне руку помощи во благовремени. Уповаю и надеюсь,

---

Печатается по: *Церковные Ведомости*. 1904. №51 – 52. С. 2012 – 2013.

Архиепископ Александр (Трапицын), портрет

что и ты, ангел Владимирской Церкви, преосвященный владыко, милостивейший архипастырь и отец, не оставишь меня своими мудрыми указаниями и советами и научишь меня ходить достойно высокого епископского звания. Смиренно предстоя пред вашим святейством в притрепетном ожидании возложения на меня ваших святительских рук, я усерднейше прошу и умоляю вас, святейшие архипастыри и отцы, помолиться обо мне недостойном, да Божественная благодать уврачуется во мне немощное и оскудевающее восполнит.

ЖИТИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА АЛЕКСАНДРА (ТРАПИЦЫНА), АРХИЕПИСКОПА САМАРСКОГО

Будущий священномученик и духовный писатель Александр (Трапицын) родился 29 августа 1862 года в селе Волма Вятской губернии в семье священника Иоанна Трапицына. Возрастал, как и все дети, в православной традиции и теплой вере, в которой его воспитала мать Клавдия. Он окончил Вятскую Духовную семинарию, а в 1888 году Казанскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. По окончании обучения Александра назначили надзирателем в Вятское Духовное училище, коим он являлся до 1897 года. Начальствуя в училище, Александр женился и 26 февраля 1889 года был рукоположен во священника Всесвятской церкви города Вятки. В 1892 году тридцатилетнего отца Александра посетило горе. Господь призвал к Себе его благочестивую и кроткую матушку. Будущий архиепископ горько оплакивал свое вдовство, но сердцеведец Господь промыслом Своим изменил уже известный, казалось бы, путь женатого священника на путь более высокого служения Церкви. Отец Александр, подобно Иову, полностью был предан воле Божией: *Господь даде, Господь отъят: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословено (во веки) (Иов. 1, 21).*

В 1897 году отца Александра назначают инспектором Вятской Духовной семинарии. В 1900 году 26 февраля, в субботу на первой неделе Великого поста, после Великого Славословия на всенощной состоялось пострижение в монашество отца Александра, которое совершил Преосвященнейший Алексий (Опоцкий), епископ Вятский. Этот случай был вторым за последние десять лет в Вятской семинарии, поэтому на постриг допустили учащихся старших классов. Новопостриженному оставили прежнее его имя – Александр. Сам постриг проходил в состоянии духовного подъема и произвел на всех присутствующих глубокое впечатление.

Господь наградил о. Александра добрым и отзывчивым сердцем. Воспитанники училища и семинарии, видя старание и усердие о. Александра, очень любили и уважали его, доверительно беседовали с ним на духовные темы, а иногда и спорили по самым разным вопросам, благодарные инспектору за его рассудительность и готовность помочь разобраться в грядущих событиях в Церкви и мире. Учительство и инспекторство было самым любимым временем будущего архипастыря. Он с любовью и нежностью вспоминал эти годы.

В 1894 году Господь, подавая утешение в скорбях, сподобил о. Александра посетить Святую Землю. О своей продолжительной поездке он написал ряд очерков и опубликовал их в Вятских епархиальных ведомостях¹. Будучи на Святой Земле, он молился в Гефсимании на том самом месте, где когда-то Господь зывал: *Да минует Меня чаша сия*², – и служил Божественную Литургию в Вознесенском храме на горе Елеонской. В годы гонений он часто вспоминал об этих событиях, видя в них предзнаменование своей дальнейшей жизни.

В 1901 году о. Александр возводится в сан архимандрита и назначается ректором Калужской Духовной семинарии. Двенадцатого декабря 1904 года в Свято-Троицком соборе Сергиевой Лавры о. Александра рукоположили во епископа Муромского – викария Владимирской епархии. В хиротонии принимали участие митрополиты:

¹ Опубликовано в «ДС» №1 (37) и №2 (38) за 2004 г.

² Мф. 26, 39.

Епископ Александр (Трапицын) в начале служения на Владимирской кафедре

Родители сщмч. Александра (Трапицына). Отец, диакон Иоанн, и его супруга Клавдия

Антоний Санкт-Петербургский, Владимир Московский – будущий священномученик, Флавиан Киевский и другие архипастыри. До 1912 года епископ Александр был викарием Владимирской епархии, а с 1912 года стал управляющим Вологодской епархией. Будучи епископом Вологодским, он в 1917 – 1918 годах участвовал в заседаниях Всероссийского Церковного Собора и был членом церковно-правовой комиссии и по делам монастырей.

Наступили очень трудные времена для Христовой Церкви. Уже на заседании Собора владыка Александр призывал паству к терпимости к чужим мнениям, все споры решая любовью в союзе мира. В своих воспоминаниях он писал, что удивлен, какая ненависть друг к другу царит на съездах приходских и благочинных, где тон задают женщины, призванные рожать и воспитывать детей, а не быть поучающими в храме. Его, строго держащегося древних канонов в делах управления епархией, «передовое» духовенство не любило, видя в епископе Александре опасного противника своим замыслам демократических реформ в Церкви. Против владыки началась массовая агитация на собраниях духовенства и мирян на всех уровнях, что привело к тому, что в 1921 году состоялись выборы нового архиерея, а владыка Александр ушел за штат как «реакционер». Это было первое испытание, посланное епископу Александру от Господа. За этим последовала ссылка, а в Русской Православной Церкви наступил период массовых расколов. Многие раскольники как правого, так и левого толка приезжали к Владыке и хотели привлечь его на свою сторону. Владыка был в глубоком смятении, усердно молился Пресвятой Богородице и своему небесному покровителю, князю Александру Невскому, с просьбой оградить от искушений, смущавших душу, и открыть путь к истине. В 1927 году ссылка закончилась. Вла-

дыка принял посланцев митрополита Сергия, заместителя Местоблюстителя, и признал его предстоятелем Русской Православной Церкви.

В 1928 году он получает титул архиепископа и направляется на Самарскую кафедру. Тогда это была одна из самых трудных кафедр в Русской Церкви. С 1924 года она не имела правящего архиерея, потому что там главенствовали обновленцы, которые завели своего лжемитрополита и захватили все храмы в городе. Когда Владыка прибыл в Самару, она произвела на его душу удручающее впечатление вавилонского столпотворения. Во всем обширнейшем городе не видно ни креста, ни верующего, ограждающего себя крестным знаменем, все запуганы. Духовенство, оставшееся верным Православию, переодевшись в штатское, собралось на окраине в древнейшем храме Самары – маленькой Спасо-Преображенской церкви, чтобы сослужить на первой службе новому Владыке.

С 1928 года эта церковь становится кафедральным собором, в штате семь протоиереев и семь диаконов. Владыка Александр деятельно принимается за возрождение Православия в Самаре и епархии. Видя невозможность победить обновленчество в городе, он направляет свою кипучую деятельность в сельские храмы. Владыка служит по две-три литургии в неделю, объезжает последовательно благочиния за благочинием. Архиерейские службы проходят торжественно и привлекают множество народа, Владыка произносит поучения, смысл которых прост и ясен крестьянскому населению – бежать раскола, держаться Православия. Заканчивались богослужения колокольным звоном и крестным ходом. Владыка старался за каждым богослужением рукополагать священников и диаконов из грамотных крестьян с целью сохранения и восстановления священства, поредевшего из-за расколов и репрессий. Труды владыки Александра не остались напрасными, хотя в Самаре православные имели один храм, но по губернии православных приходов стало большинство. Не забывал он и о монашестве, проводя тайные постриги достойных и тайно рукополагая их. Через своих духовных чад (Прасковью Никифорову и других) Владыка поддерживал духовную связь с бывшими насельниками Серафимо-Дивеевского монастыря и помогал им материально. Многие из монахинь нашли приют в Самарской епархии у владыки Александра. Поддерживал возвращавшееся из ссылки и тюрем духовенство, помогая священникам зарегистрироваться и получить разрешение на службу. Заштатным батюшкам благословлял антимины, чтобы они могли тайно служить Литургию в домах благочестивых христиан, преподавая им Тело и Кровь Спасителя. В своих многочисленных поучениях владыка Александр опирался на духовный опыт преподобного Серафима Саровского, призывая прихожан подражать ему.

В частной жизни архиепископ Александр был прост, скромен и милосерден, раздавал свои вещи вернувшимся из заключения неимущим священникам. Помогал он и семьям репрессированных, духовно укрепляя их. Был Владыка строгим постником и, поучая духовных чад, говорил: «Что от плоти убавишь – то душе прибавишь». Спал не более шести часов в сутки, свободное время посвящал молитве и чтению Святого Евангелия. При всем этом он не унывал и не падал духом, а призывал своих духовных чад усилить молитвы к Пресвятой Богородице как хранительнице Русской Земли, особо подчеркивая, что только Ее молитвами и заступничеством живет вера православная среди людей. Строго, под угрозой отлучения он запрещал православным посещать обновленческие храмы и сам отказывался идти с ними на любые контакты. Благодаря неунынным трудам Владыки к 1933 году на всей территории Самарской епархии православная жизнь в храмах восстановилась. В городе передали

православным Петропавловскую церковь, но активная деятельность архиепископа Александра вызвала резкое недовольство обновленцев и их покровителей. В ГПУ стали поступать доносы на Владыку и особо активных священников и мирян. В 1933 году за антисоветскую деятельность Владыку арестовали. Клеветники истолковывали призывы к стойкости за Православие как призывы против Советской власти, богослужения в селах и проповеди Владыки как антиколхозную агитацию, крестные ходы как антисоветские демонстрации, тайные хиротонии и постриги как подготовку контрреволюционных кадров на случай интервенции. Клевета удалась, и Владыку с духовенством и мирянами сослали на три года на строительство канала Москва – Волга. После окончания ссылки ему разрешили вернуться в Самару, где совместно с проживавшим в городе архиепископом Петром (Рудневым), архимандритом Палладием (Воробьевым) и несколькими священниками и мирянами он создал тайную семинарию – «институт научного тайного духовенства», где готовились кадры из интеллигенции для пополнения священства.

*Архиепископ Александр (Трапицын)
в последние годы жизни*

Архиепископ Александр был арестован по доносу 29 ноября 1937 года. Вместе с ним арестовали 26 священнослужителей и мирян, всем предъявили обвинение по статьям 58 – 10 и 58 – 11 – контрреволюционная деятельность и организация террористических групп. Владыка себя виновным не признал. Тройкой УНКВД по Куйбышевской области 21 декабря 1937 года его приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 30 декабря 1937 года. Место погребения владыки Александра неизвестно.

Архиерейским собором Русской Православной Церкви 2000 года архиепископ Самарский Александр (Трапицын) канонизирован в лике Святых новомучеников и исповедников Церкви Русской.

ДОГМАТ И ЭТИКА

Человек, не выработавший определенных принципов или правил для своей деятельности, считающий хорошим в одно время – одно, а в другое – другое, так что в любой момент его жизни нельзя наперед сказать о нем, как он поступит, – такой человек, подобный кораблю без кормчего, обычно не пользуется доверием и уважением со стороны окружающих его лиц. Все это ясно говорит о необходимости особых законов или основных начал для нравственной жизни человека. Утверждать противное – значило бы идти против самых очевидных фактов, представляемых жизнью.

Христианство, призывая нас к исполнению нравственного учения, возвещенного Иисусом Христом, в то же время требует от нас и веры в догматы или истины христианского учения. Святой апостол Иаков признает необходимыми для спасения как веру, так и добрые дела (см. Иак. 2, 24). Святой апостол Павел, поучая о тесной связи веры с добродетелью, говорит, что все, что не от веры, всякое действие человека, не стоящее в связи с верою, не озаренное и не одухотворенное живой верой в христианские истины, *грех есть* (Рим. 14, 23). Новейшие отрицатели нравственного значения догматов думают подкрепить свое отрицание ложным заявлением, будто бы в Евангелии даны нам лишь нравственные требования, заповеди, имеющие чисто практическое значение и объединяющиеся в одной основной заповеди о любви. Для выяснения ошибочности такого взгляда достаточно вспомнить, что Иисус Христос часто во время Своей земной жизни учил людей творить добрые дела и, в частности, молитву (см. Мф. 18, 19 – 20, ср. Ин. 16, 24) *во имя Его*, то есть с верой в Божество и Божественную истинность Его учения. После Своего воскресения Христос заповедал апостолам совершать крещение во имя трех лиц Святой Троицы и научать людей исполнению всего того, что Он заповедал (Мф. 28, 19). Наконец, что такое по своему содержанию всем известная молитва Господня «Отче наш»? В ней почти нет ни единого слова или звука о чем-либо земном, узкопрактическом. Вся она есть не что иное, как сокращение христианского вероучения, вся она при своей краткости преисполнена глубоко таинственных, необъятных по своему содержанию христианских истин. Если в ней и встречается краткое упоминание о земле и о земном, о хлебе насущном, то ясно, что это земное созерцается лишь как мимолетная, преходящая тень мироздания, как ничтожная песчинка пред океаном вечного, небесного, истинно высокого и прекрасного.

Предложив вам для духовного обновления, для освежения утомляемого житейскою суетою сердца молитву, почти всецело сотканную из догматических истин, Господь наш Иисус Христос уже этим одним достаточно показал не только связь догматов с нравственною жизнью, но даже более – их безусловную необходимость для нравственной жизни как неисчерпаемых источников утешительных созерцаний, светлой веры и непоколебимого упования. Святая Церковь, верная заветам своего Божественного Основателя, предлагает нам в своих глубоко умилятельных обрядах, священнодействиях, молитвословиях и песнопениях прекрасное, высокохудожественное и вдохновенное изложение христианских догматов.

Всем известные воскресные ирмосы Октоиха восьми гласов, составленные святым Иоанном Дамаскиным, суть не что иное, как прекрасное изложение христианских истин, только не сухое, школьное, а в их связи с жизнью нашего сердца и нравственными подвигами христианина. Канон святого Иоанна Дамаскина на Пасху есть не что иное, как дивно художественное изложение истины о Божестве воскресшего Христа и тех великих благ, какие люди получают от Светлого Воскресения Христова: наша литургия есть наилучшее живое и наглядное раскрытие истины искупления людей, совершенного Христом... Таким образом, углубление в истины христианского вероучения должно быть, по воззрению Церкви, такою же нашею насущною, непрестанною живою потребностью духа, как ежедневное принятие пищи необходимо для поддержания жизни тела. Посему-то каждая молитва, каждый обряд церковный есть, в сущности, раскрытие того или иного христианского догмата; посему-то знаменитый Вышенский затворник епископ Феофан в своих письмах часто советует ежедневно употреблять такую молитву, которая заключала бы в себе изложение всех христианских истин. Святитель сам предлагает составленный им образец такого рода молитвы и указывает на соответствующие произведения знаменитых богословов, созерцателей христианских догматов: святого Тихона Задонского и святого Димитрия Ростовского.

Тем не менее новейшие отрицатели догматов, признавая необходимость исполнения евангельских заповедей, отказываются придавать такое же значение и вере в христианские истины. Достаточно, говорят они, исполнять заповедь о любви к ближним, как то: воздерживаться от обид, помогать нуждающимся и тому подобное, не думая ни о каких догматах и откровениях свыше, – догматы, по их мнению, есть нечто чуждое, постороннее и излишнее для нравственности; человек, ознакомленный с требованиями христианской нравственности и еще присоединяющий

сюда глубокую живую веру в христианские догматы, подобен человеку, расходуящему большие капиталы на постройку трехэтажного дома, тогда как для него вполне достаточно было бы иметь двухэтажный. Нижний этаж – это нравственная жизнь, второй – моральные требования, а третий – догматы.

Наилучшим путем к критическому разбору такого ложного взгляда было бы уяснение связи между нравственной жизнью и тем или иным догматом в отдельности. Настоящее чтение мы посвящаем раскрытию тесной внутренней связи догмата о творении мира и человека с нравственной жизнью.

Прежде всего во избежание недоразумений ответим на следующий вопрос: учил ли где-либо Спаситель в Своем Евангелии о творении? Христос Спаситель неоднократно раскрывал Своим ученикам богооткровенную истину о творении мира и человека (Мф. 19, 4 – 5, ср. Ин. 17, 5). Обличая, например, фарисеев, заботившихся исключительно об одном внешнем, показном благочестии и мало думавших об очищении своего сердца, Христос говорит им, что Бог сотворил не только внешний видимый, но и внутренний, духовный мир (Лк. 11, 40). Посему, как внешняя деятельность, так и внутреннее настроение должны одинаково следовать законам суда, милосердия и веры (см. Мф. 23, 23). В посланиях апостольских мы найдем еще более подробное раскрытие истины о творении мира и человека. Впрочем, подробное указание мест Святого Писания, излагающих истину творения, собственно и не входит в задачу настоящего чтения. Наша задача гораздо важнее. Именно она требует от нас с особым вниманием остановиться на тех местах Библии, где не только говорится о творении мира и человека, но еще указывается связь этой истины с нравственной жизнью христианина.

Для удобства мы будем иметь в виду сначала нравственное значение истины творения мира, а потом – человека.

Всякий человек при своей нравственной деятельности всегда видит перед собой ту или иную обстановку, ту или иную окружающую его среду. Эта среда оказывает весьма сильное влияние на духовное развитие человека. Наша психическая жизнь, имея своим источником и первоосновой воздействие от невидимого мира, значительной долей своего развития и содержания обязана воздействию со стороны внешней среды. Отсюда всякий человек должен так или иначе считаться с окружающей его обстановкой, определить свое отношение к ней в том или ином смысле. Если человек смотрит на окружающий его мир только внешними плотскими очами и не умеет прочесть смысла явлений видимой природы, то он невольно подпадает влиянию этого необъятного моря явлений.

В самом деле, что такое человек, эта, по внешнему виду, ничтожная величина, пред необъятными громадами светил небесных, пред безбрежными водами океана? Невольно закрадывается мысль, что он – один атом, песчинка в этой по-видимому безпредельной массе мироздания. Отсюда может возникнуть, как действительно и возникало у язычников, не просвещенных истиной о творении мира, религиозное почитание природы, идолопоклонство, а затем идолопоклонство нравственное, необузданное служение плоти, своим страстям, обожествление телесной красоты и гнусный разврат. В книге Премудрости Соломона ясно установлена связь идолопоклонства религиозного с нравственным: *вымысл идолов – начало блуда, и изобретение их – растление жизни* (Прем. 14, 12). В Новом Завете святой апостол Павел, раскрывая с присущей ему богодохновенною глубиною религиозные заблуждения язычников, не знавших истины творения, указывает и печальные последствия этих заблуждений – религиозное почитание *твари вместо Творца* (Рим. 1,25) и идолопоклонство нравственное, служение постыдным порокам и гнусным страстям.

Жизнь справедливо сравнивается с морем по ее многочисленным опасностям для внешней и внутренней жизни человека, по ее многочисленным скорбям и тревожениям и, наконец, по ее громадному пространственному и временному протяжению. Человек, не знающий или забывающий об истине творения, невольно теряется пред волнами житейского моря, – волны эти так велики, а он с виду такое малое и жалкое существо!.. Современные люди, правда, чужды религиозного древнеязыческого идолопоклонства, но они едва ли не превзойдут древних язычников своим идолопоклонством нравственным, культом телесной красоты, культом золота и серебра и тому подобного. Этот блеск величия и красоты мира является тьмою, омрачающею человеческую душу, коль скоро она не озаряется верою в истину творения.

И наоборот, человек, познавший истину творения, глубоко сознает и живо ощущает свое невидимое духовное превосходство над миром, превосходство своей бессмертной души пред этой с виду необъятной материей. Памятуя о творении мира, человек смотрит на мир как на несамобытное бытие, имеющее свое начало и конец в Боге, считает мировую жизнь с ее благами и скорбями не целью, а лишь средством, путем к достижению иной, вечной жизни на Небе. Мы уже сказали о громадном значении окружающей нас среды для нашего нравственного развития. Внешняя среда и, в частности, телесная оболочка суть до некоторой степени орудия нашего духовного развития и совершенства, которые мы можем употребить на добро или зло – смотря по тому, как пони-

маем окружающую нас жизнь. Механик только тогда может что-либо успешно сделать при помощи своей машины, когда хорошо понимает ее устройство, когда отчетливо знает, что ему должно и чего не должно делать, чтобы машина не испортилась. Точно так же лишь при мысли о мире как творении Божиим и о Боге как Творце мира мы можем действовать на окружающую нас среду сообразно с нравственными законами, – мы не прельстимся счастьем жизни, помня, что истинное счастье в единении с Богом, а земное счастье есть лишь мимолетная тень: Бог ее дает, и Он же берет. Если наша внешняя жизнь будет полна скорбей и тяжких бедствий, мы опять не падем духом, памятуя, как ничтожны эти скорби пред тем неизреченным блаженством, какое может нам дать Бог, источник всех благ. Одним словом, все наши внутренние и особенно внешние нравственные действия, по их тесной связи с окружающим нас внешним миром, могут быть нравственными и сознательными лишь при памятовании о творении Богом мира, то есть при правильном воззрении на окружающую нас обстановку. Когда в древней Коринфской Церкви некоторые христиане, может быть, под влиянием ложных языческих идей о мире и теле как проявлениях злого начала, стали предаваться разврату, святой апостол Павел напоминал им, что тело, как и душа, есть творение Божие. Посему, заботясь о чистоте духа, надобно заботиться и о чистоте тела. *Тело, – говорит святой апостол, – не для блуда, но для Господа* (1 Кор. 6, 13); *посему прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии* (1 Кор. 6, 20).

Человек есть творение Божие, однако по своему внутреннему богоподобному достоинству он неизмеримо возвышается над прочими творениями видимого мира. Поэтому в библейском повествовании о творении творение человека выделено в особый отдел, предваряемый и заключаемый добавлениями, указывающими на недостижимое величие человека в ряду других существ видимого мира.

Поэтому и мы должны особо выяснить нравственное значение догмата о творении человека.

По учению Библии человек отличается от других тварей бессмертием и богоподобием своей души (Быт. 1, 27 – 2, 7), следовательно библейское повествование о творении человека ясно указывает нам в глубине человеческой души богоподобное начало, дыхание жизни божественной, – следовательно человек имеет своим началом и концом, источником и целью своего бытия не одну землю, не одну плоть, но и духовное благо, нравственное совершенство, богоуподобление. Так, чтобы добрые дела, совершаемые им на земле, служили к прославлению Отца Небесного (Мф. 5, 16).

Библейское повествование о творении запечатлено на самом существе, на самой жизни человека, запечатлено не мертвыми буквами, а доступными всеобщему наблюдению живыми явлениями. В самом деле, всматриваясь в свою внутреннюю жизнь, каждый человек легко заметит в ней два ряда явлений, часто вступающих между собой в борьбу: с одной стороны, тяготение к земному, низменному и чувственному, с другой – стремление к вечным благам, ко всему истинно высокому, святому и прекрасному.

Эта борьба плоти и духа, особенно усиливаемая наследственной и личной греховностью, едва ли не постоянно ощущается каждым человеком. Только при истине богоподобия своего человек может не запутаться и разобраться в массе разнообразных, иногда противоположных и с виду одинаково законных стремлений, чувствований и желаний. Истина творения укажет ему, что духовное выше чувственного, что только дух дает истинную жизнь, *а плоть не пользуется нимало* (Ин. 6, 63), что личность человеческая и ее идеал заключаются в высших стремлениях богоподобного духа, а не в чувственных греховных наклонностях. Таким образом, вера в образ Божий, данный человеку, углубляет и проясняет наше самосознание. При помощи истины творения человек может отличать свою личность, свое богоподобие от других второстепенных, низменных наклонностей, чувствований и желаний. Можно прямо утверждать, что самосознание, наблюдение за ходом своей нравственной жизни вовсе невозможны без веры в образ Божий, начертанный в душе человека. Как бы ни был кто-либо из людей научно или умственно развит, но по мере того, как он отрицает или забывает свое богоподобие, настолько же понижается ясность его самосознания, а вместе с этим понижается, конечно, и уровень его нравственной жизни. В самом деле, мы наблюдаем за последнее столетие прогресс науки и культуры, но наблюдаем ли уменьшение пороков и преступлений?! Увы! Нередко слышишь фразу, может быть, не совсем парадоксальную: «Чем человек умнее, тем он вреднее». Люди забывают про образ Божий, начертанный в их душе, а вследствие этого забывая они разучиваются читать и понимать книгу своей души, поддаются под влияние различных лжеучений, считая себя то продуктом материи, то произведением бессознательной воли, то потомками обезьяны... Отсюда отрицают нравственное значение догмата богоподобия, значит отрицают возможность самосознания, а вместе с тем и нравственную жизнь. Ибо нравственная жизнь не существует без самосознания¹.

¹ Когда, например, птицы ревностно защищают от нападения хищников своих неоперившихся птенцов, никто не подумает видеть здесь самоотвержение и какую-либо нравственную заслугу уже по тому одному, что в этой заботливости нет самосознания. Здесь

Далее, всем известно, как необходима в нравственной жизни совесть. Эта мысль не требует доказательств. Вера в образ Божий, данный человеку, и для совести имеет столь же великое значение, какое, мы видели, она имеет для самосознания. Только помня о нашем богоподобии, мы можем с надлежащим вниманием и уважением относиться к внушениям своей совести, как к гласу Божию, к небесному наставлению от ангела-хранителя. Правда, мы имеем готовое и наилучшее руководство к нравственной жизни в Священном Писании, в творениях святых отцов и учителей Церкви, тем не менее, в личной жизни каждого из нас возможны и такие запутанные случаи, при которых бывает необходимо обратиться к указаниям своей совести. Одни из древних отшельников на долгие годы удалялись в пустыню, не видя лица человеческого, другие, наоборот, ослабляли строгость своего уединения, чтобы давать наставления тысячам проходящих посетителей. Отшельники обоих указанных типов, одинаково основываясь на христианском учении, руководились и тем «гласом Божиим», тем лучом небесного света, который различно преломлялся в их сердцах соответственно различию индивидуальных оттенков. Не обращаясь совсем к совести, можно впасть в фарисейство, искусственно оправдывая свой поступок тою или иною христианской заповедью, подобно тому, как диавол пытался соблазнить Христа в пустыне ложно изъясняемыми местами Священного Писания. Значит необходимо сформироваться в нравственной жизни не с одним лишь писанным законом, но и с индивидуальными указаниями нашей совести; а это, опять-таки, возможно лишь тогда, когда мы будем считать совесть за проблеск богоподобия, сияющий в тайниках нашего сердца.

Прикрываясь мнимым благоговением пред Евангелием, новейшие отрицатели догматов часто обращаются к Евангелию, надеясь найти здесь подтверждение их взглядам. Посему и нам необходимо уяснить нравственное значение догмата о создании человека в связи с евангельским учением.

Евангелие призывает нас к безпредельному нравственному совершенству. Господь наш Иисус Христос сказал: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48). Так как существо Божие есть безпредельное вместилище многообразных нравственных совершенств, то и человек призывается к усвоению нравственных совершенств Божиих. Во-вторых, христианство отдает решительное преимущество внутреннему настроению пред его внешними обнаружениями, оно своими

заключается просто-напросто принудительное безсознательное проявление природного инстинкта: когда птенцы подрастут, родители забывают своих детей и прекращают с ними всякие родительские отношения.

нравственными началами как бы проникает в глубину нашей духовной природы, требуя от нас борьбы со страстями, очищения своего сердца и тому подобного. Безконечное нравственное совершенство, господство духа над плотью, – вот те существенные черты христианства, которые как-то остаются в тени у современных ложных толкователей Евангелия (равно как и у антидогматистов), и которые мы должны иметь в виду, чтобы выяснить нравственное значение догмата о творении человека по евангельскому учению. Новейшие моралисты, косвенно отрицая, отстраняя на отдаленный план призыв Евангелия к безконечному совершенству и очищению сердца, усиленно стремятся изъяснить нравственное евангельское учение в смысле призыва к внешней благотворительности, к воздержанию от убийств, насилий, разврата (Л. Н. Толстой и ему подобные) и чрез это прикровенно высказывают мысль о возможности полного, законченного осуществления евангельского идеала в пределах нашей земной жизни. Но чрез это ложное толкование Евангелия наносится величайшее оскорбление учению Христа: безконечно глубокое по содержанию, необъятное по своей широте Слово Царя неба и земли превращается в какой-то сборник правил внешнего благоповедения, в какую-то легко осуществимую школьную дисциплинарную инструкцию, исполнить которую ученику очень легко, и очень легко получить за это высший балл поведения. Ведь это ужасное кощунство над Евангелием!..

Если далее допустить мысль о возможности полного осуществления на земле евангельского идеала путем внешней благотворительности, то отсюда уже недалеко до нравственной разнузданности и разврата, ибо внешний масштаб нравственного совершенства очень эластичен и условен. Католическое заблуждение о возможности сверхдолжных заслуг проистекает именно от чисто внешнего, формального католического взгляда на евангельский идеал, от забвения про безграничное величие этого идеала...

Итак, идеал евангельского совершенства, во-первых, безграничен (мы должны стремиться к беспредельному совершенству), а во-вторых, духовен, то есть, требует не одних лишь внешних подвигов любви, но и внутреннего обновления духа. Такие черты евангельского идеала стоят в живой органической и логической связи с учением Евангелия о человеке как творении Божиим. Мы уже видели выше, что Иисус Христос неоднократно говорил о Боге как Творце мира. Остается лишь указать на связь между призывом Евангелия к безконечному нравственному совершенству и раскрываемой в Евангелии истиной творения.

Почему мы должны стремиться именно к безконечному совершенству, будучи сами людьми ограниченными, слабыми и немощными?!

Нет ли здесь противоречия?! Всякое противоречие здесь устраняется чрез истину богоподобия человека. Человек должен стремиться к безконечному совершенству потому именно, что он богоподобен. Вот почему Христос в Своей Нагорной проповеди, раскрывая идеал христианской нравственности, весьма часто говорит здесь о совершенствах Отца Небесного, – Его всепрощающей любви (Мф. 5, 45), Его правосудии (Мф. 6, 6) и прочем. Бог безпредельно совершенное Существо. Человек, как образ Божий, должен стремиться к отображению в своей жизни, именно божественных, именно безграничных совершенств; он не должен никогда останавливаться в своих нравственных подвигах, а все идти вперед... «Не идти вперед, – говорит блаженный Августин, – значит идти назад. Никогда не останавливайся, всё иди вперед. Если скажешь: довольно, ты погиб». Таким образом, чрез памятование о своем богоподобии укрепляется и поддерживается в нас стремление к безграничному совершенству, а это сильно будет препятствовать возникновению в нас горделивого фарисейского самодовольства. Человек, помнящий эти две тесно соединенные между собой истины, свою связь с Богом чрез богоподобие и свою обязанность вечно любить Бога и непрестанно стремиться к Нему, никогда не охладет в своей ревности к добродетели, подобно тому, как хорошие дети, помня свою кровную связь с родителями и свою обязанность быть вечно признательными к ним, никогда не прекратят своих сыновних отношений к отцу и матери.

Так как образ Божий начертан преимущественно в душе, а тело есть лишь отдаленное отображение образа Божия, то именно поэтому Евангелие призывает нас к внутреннему обновлению, внушает не довольствоваться одними внешними добрыми делами, но смотреть в глубину своего сердца. Спаситель, обличая фарисеев за наружное лицемерие, говорил им, что Бог есть Творец не только внешнего, но и внутреннего духовного мира (Лк. 11, 40) и что духовное выше чувственного (Мф. 6, 25; Ин. 6, 63).

Значит, чрез непрестанное памятование о богоподобии, данном человеку в творении, возвышается и углубляется внутреннее настроение христианина в его нравственных подвигах. Христианские подвижники, помнящие о своем богоподобии, не будут обольщаться одною наружною добродетелью, а непрестанно будут взирать в глубину сердца и всегда будут возвышаться по ступеням нравственного совершенства. Если в наше время часто говорят о любви и ежедневно говорят в газетах про убийства, хищения и тому подобные преступления, то потому, что ложно понимать евангельский идеал любви, изъясняя его преимущественно с внешней стороны, а это ложное понимание евангельского идеала

любви возникает от забвения про догмат творения и прочие догматы, тесно связанные с Евангелием. О таких суетных и греховных попытках изъяснить евангельскую нравственность без руководства тесно связанных с нею догматов должно сказать словами апостола Павла: *не разумея праведности Божией и усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией* (Рим. 10, 3).

По изъяснению приснопамятного митрополита Филарета Московского, «Промысл Божий есть непрестанное действие всемогущества, премудрости и благодати Божией, коим Бог направляет бытие и силы тварей, всякому добру вспомоществует, а возникающее чрез удаление от добра зло пресекает или исправляет и обращает к добрым последствиям» (Пространный Катехизис). Таким образом, Промысл Божий есть проявление непрестанной деятельности Божией в мире, проявление живой связи Бога с миром. Создав творческим Своим Словом вселенную, даровав бытие и жизнь безчисленному множеству существ, начертав для Своих творений премудрые законы, Господь Бог не оставил мир на произвол судьбы, но непрестанно печется и заботится о Своих творениях, поддерживает их бытие, способствует всякому добру и Своею божественною силою ограничивает влияние зла или и вовсе пресекает оное.

Эта утешительная и духовно живительная истина, подробно раскрытая в Священном Писании Ветхого и Нового Заветов, была и догматически изложена Церковью в первом члене Символа веры, в словах: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя». Бог именуется здесь Вседержителем в том смысле, что Он обо всем промышляет и печется, все содержит в Своей власти. Эта истина символически изображается Святой Православною Церковью на иконе Бога Вседержителя, держащего в Своей деснице земной шар, а также и на иконе трех лиц Святой Троицы, где Бог Отец изображен в виде седовласого, ветхаго денми Старца с земным шаром в десной длани.

Вера в Промысл Божий, одушевляя и поддерживая христианина среди скорбей его земной жизни, являясь целительным бальзамом для сердца, уязвляемого терниями житейского пути, эта вера, очевидно, тесно связана с нашею нравственною жизнью... Утратить веру в Промысл Божий значит почти то же самое, что утратить бодрость и энергию наших нравственных сил.

Задача настоящего чтения и сводится к выяснению тесной нравственной связи между верою в Промысл Божий и нравственною жизнью человека.

«ВРЕМЯ БЫЛО ТАКОЕ...»

КОГДА И ПОЧЕМУ НАЧАЛАСЬ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА,
И КОГДА ОНА ЗАКОНЧИТСЯ

Время течет непрестанно и неостановимо, то ускоряя, то замедляя свой бег. Во времени и со временем разворачивается и наша жизнь. Всматриваясь в свою жизнь, пытаюсь перед голосом совести оправдать себя, повторяя: «Время было такое...»

А что может время? Оно может только отсчитывать сроки жизни мира и человека от сотворения мира или от рождения человека. В этих границах мы и живем. Живем в истории, дарованной нам нашими родными, далекими и близкими, нашими родами, прорастающими во времени, соединяясь своими корнями в единое дерево, которое мы и называем народом. На поле жизни рождаются не только благородные люди – наследники благих, благодатных родов, но и занесенные ветром времени, не укорененные в нашем Отечестве, жители. Они населяют землю и называются населением.

История, как и время, неостановима. При наблюдении за ее развитием со стороны все в мире кажется переменчивым, изменяемым, непостоянным. Но это только на первый взгляд. Неизменной остается земля, народ и вера, питающая и животворящая корни народа, сохраняющая его целостность и единство в истории. Переменчивы только внешние условия, организация внешней жизни, ее формы, которые принято называть государственностью.

Государственность как проявление народной жизни приносит благодатные плоды. При изменении ее форм – княжество, царство, империя – есть общее, что их объединяет. Это единоличное правление, а впоследствии и самодержавная монархия.

К началу XX века под рукой святого царя Николая II самодержавная Россия достигла наивысшего своего развития. Прирост населения за годы его правления превысил пятьдесят миллионов человек. Одна из первых экономик мира, высочайшие достижения в области культуры, науки и техники. Реализация больших проектов в области транспорта (Транссиб), энергетики, самолетостроения. Можно дальше

Архимандрит Георгий (Шестун), доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН, заведующий межвузовской кафедрой православной педагогики и психологии Самарской Духовной семинарии, настоятель Заволжского мужского монастыря в честь Честного и Животворящего Креста Господня.

Пощение с Конвоем. Худ. Павел Рыженко

перечислять, но и так написано много книг и статей об этом периоде нашей истории: имеющий уши – слышит, имеющий глаза – видит¹.

Движение истории нельзя остановить, но можно через внешнее воздействие изменить ее ход. Так произошло и в 1917 году. Февральское предательство, арест Царя его окружением и вооруженный захват власти большевиками в октябре стали такими попытками. Говорю «попытками», потому что Царь был жив, а значит, Россия – еще связана с Богом через Помазанника невидимой благодатной нитью. Жив Удерживающий, народ оцепенел от внезапных перемен, а большевики, страшась, совершали преступления, но еще не сорвались со своей демонической цепи. Все можно было исправить, пока был жив Царь. Господь дал России и народу на это целый год.

Пытался найти точную дату начала гражданской войны, дату, которая стала точкой невозврата к прежнему ходу истории. Называются разные события, начиная с 1917 года, связанные с пролитием крови и вооруженным противостоянием. В любом мятеже проливается кровь, но не это определяет перелом истории. Называется и 1918 год, в котором даты приводятся различные, все зависит от количества жертв.

История России всегда определялась тем, как народ служил Богу и предстоял перед Его лицом. Предавая Царя, народ предавал Бога. 17 июля 1918 года перерезана последняя нить, связующая Россию, ее народ, с Богом: убит Царь...

¹ Парафраз из Книги пророка Иеремии (5, 21).

Воины-сибиряки

Это и есть историческая веха, точка невозврата, дата начала гражданской войны, когда все погрузилось в кровавый хаос. Что убившим Царя большевикам мешало теперь убивать простых людей, убивать народ? Население уничтожало народ. Выкорчевывалась корневая система России, ее благие роды, благородные люди. Уничтожались царский и все княжеские роды, священство, офицеры, казаки, крестьяне. Лишились Родины многие лучшие умы нашей культуры и науки. Россия потеряла свое имя, получив взамен странную аббревиатуру из четырех букв. Искоренялась вера. Верующие находились под страхом смерти, но в городах, селах, в горах и пещерах молилось *малое стадо*¹.

Почти 80 лет большевики пытались оправдать свое злодеяние клеветой на самого великого Самодержца в мировой истории. Ложь и клевета почти век насаждались в головах наших соотечественников. Архивы сейчас открыты, документы опубликованы, книги изданы. Верные почитают святость Царя, а клеветники подтверждают свою причастность к царевбийству и разрушению России, причастность как согласие и оправдание преступления. Во всем мире поддержка террористов и преступников является преступлением. Эти люди не боятся пока ни человеческого суда, ни суда истории, ни Божиего суда.

¹ Лк. 12, 32.

Невозможно полностью уничтожить тысячелетнее древо. Из его корней проросли новые побеги и деревца. Попытка уничтожить русский народ не увенчалась успехом. Как его ни назови, он всегда оставался русским народом. «Советский народ» – это русский народ, живущий в условиях советского строя. Вся культура была русская, трудолюбие, жертвенность, мужество, героизм – черты русского народа. Замечательные советские песни – это русские песни советского периода. Даже величайшие достижения в области космонавтики и самолетостроения – дело рук русских людей, живших и трудившихся ещё при Царе. Циолковский, Королев, Туполев... этот список велик. Сидевшие в тюрьмах, выжившие после гонений, они служили не строю, а России.

Святой Царь не оставил свое Отечество. Своими делами и молитвами он помог России выстоять в последней Отечественной войне. В первые дни и месяцы войны были убиты или взяты в плен миллионы комсомольцев, воспитанных в советское время. Родина оказалась в опасности. В бой вступили те 50 миллионов, кто родился ещё при Царе. Забыв все обиды, они воевали и трудились, помня о вечной жизни, безстрашно заслоняли собой своих братьев и родную землю. По Транссибу, построенному при Царе, за неделю было переброшено под Москву большое подкрепление из бойцов Сибирского военного округа. Среди них было множество сосланных в Сибирь крестьян и их дети. Они совершили перелом в ходе войны. И потому так радостно было видеть икону святого царя Николая II в рядах Безсмертного полка. Он, как никто другой, заслужил перед Богом и народом это право.

Гражданская война продолжалась, но обретала иные проявления. Постепенно уменьшалось кровопролитие, но гонения не прекращались. Традиционный образ жизни находился под подозрением. Верующие люди лишались возможности получать образование и занимать многие должности. Атеизм был единственной идеологией.

В 1988 году торжественно отмечалось Тысячелетие Крещения Руси. Православная история возвращалась в наше время, в нашу жизнь. Праздник был церковно-государственный, это событие предвещало большие перемены.

В 1991 году в одночасье рухнул Советский Союз. Великим результатом этого события стало возвращение России ее имени. В течение трех лет атеизм заменен светским характером государства. Ветер перемен безжалостно разрушал все, что было построено людьми без Бога. Население, оторванное от корней и жившее в безверии, в полной мере испытало на себе весь ужас и лишения такого существования.

Царский Крестный ход от Храма на Крови до монастыря в честь святых Царственных страстотерпиц в Екатеринбурге

Народ, оставшийся верным Богу, вернулся к своим корням, стал восстанавливать историческую Россию – Святую Русь. Население же бросилось зарабатывать деньги и распродавать Родину. Народ строил храмы, восстанавливал монастыри, крестился, исповедовался, причащался Святых Христовых Тайн, молился и приводил в храм своих детей и внуков. Это время называют вторым крещением Руси.

С Божией помощью жизнь постепенно входит в свое спокойное течение: не голодаем, армия восстановлена, духовная жизнь для всех желающих стала возможной. Царь Николай II вернулся в Россию, но уже в святом величии, в молитвах, иконах, храмах. Разделение, порожденное его расстрелом и ставшее причиной гражданской войны, как бы уже ушедшее в прошлое, вспыхнуло с новой силой. Атеисты присвоили себе понятие светскости, считая его синонимом атеизма. Клеветники продолжают клеветать, забывая, что Царь святой, и это усугубляет их участь.

Русь вышла из своего почти векового заточения, но многие советские люди так и не желают в нее возвращаться, не желают становиться

русскими. Странно, Советского Союза уже нет, а советские люди еще есть. Время неумолимо приближает каждого человека к границе земной жизни. Болезни и скорби совершают свое преобразование человеческой личности. Все больше и больше советских людей в последние дни и минуты своей жизни рождаются¹ и уходят в вечность русскими православными людьми, исповедовавшими свои грехи и причастившимися Святых Христовых Тайн.

История нашего Отечества неразделима, ничего нельзя вычеркнуть или забыть, это наша история. Но можно сравнивать разные эпохи этой истории до и после и делать для себя выбор, на какой период ориентироваться. Каждой эпохе следует возратить то, что создано в её время. Городам, построенным при Царе, следует возратить их прежние названия, вернуть наименования улиц и площадей, поставить памятники на прежнее место.

Мы воочию увидим тогда красоту Царской России: города, названные в честь святых, улицы, носящие благородные названия, а не имена террористов и разбойников. Сравним красоту старых городов и спальные районы новых окраин. Возрадуемся названиям сёл, нареченных в честь престолов своих храмов и носящих святые имена. Люди возвратятся на освященную землю.

Всё, что создано в безбожный период, пусть несет свои имена. Можно будет сравнить количество городов, построенных в царские времена и в безбожные пятилетки, нас в сравнении будут смущать безликие названия улиц: «Стандартная», «Шестой тупик», «Третий проезд». Мы сами всё увидим на лице нашей земли и тогда решим, как нам лучше жить – при Царе-батюшке или без него. Возможно, тогда и закончится гражданская война.

¹ См. Евангелие от Иоанна (3, 3 – 7): *Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше.*

«ПОМИНАЙТЕ НАСТАВНИКОВ ВАШИХ»

Блаженная Мария Ивановна Дивеевская

Блаженная Мария Ивановна Дивеевская

Блаженная Мария Ивановна Дивеевская¹ умерла 25 августа 1931 года, прославляться начала после открытия ее мощей. Если Мария Ивановна куклу вымоет, значит кто-то умрет. Была она одну сестру по отнявшейся руке, которая не чувствовала даже боли, и после этого сестра начала ощущать свою руку.

Одна барыня очень много курила и никак не могла отвыкнуть. Приехала к Марии Ивановне, та ей и говорит: «Давай мне табак!» – и все побросала в печь. После этого у барыни пристрастие к табаку как рукой сняло – курить она совершенно перестала и прислала

старнице благодарственное письмо. О Москве Мария Ивановна в 1930 – 31 годы говорила: «Все верующие побегут отсюда по всей стране!»

Недели за две до ареста дивеевских монахинь (приблизительно в январе – феврале 1931 года) Мария Ивановна стала перебирать пшеницу, приговаривая: «Всю пшеничку выбирают, выбирают: наилучшую, налитую, крепкую». Вскоре после этого около двадцати ди-

---

Публикуется впервые. Продолжение. Начало в «ДС» № 1 (81). Воспоминания подготовлены к печати кандидатом исторических наук А. П. Семеновой по материалам архива митрополита Мануила (Лемешевского), предоставленным А. С. Ивановой.

¹ Блаженная Мария Ивановна Дивеевская, по рождению Мария Захаровна Федина, на вопрос, почему она зовется Ивановной, отвечала: «Это мы все, блаженные, Ивановны по Иоанну Предтече». Родители ее, Захар и Пелагея Федины, умерли, когда ей минуло тринадцать лет. Много обид претерпела она в сиротстве; гонимая, полунагая, голодная, странствовала Мария между Саровом, Дивеевом и Ардатовом. Уже тогда обличала она людей в тайных грехах, за что ее особенно не терпели. Никто никогда не слышал от нее ни жалобы, ни стоны, ни уныния. Духовное окормление получала она у блаженной Прасковьи Ивановны Дивеевской, она же, предчувствуя свою кончину, благословила её остаться вместе себя в монастыре на подвиг юродства. † 26 августа/8 сентября 1931 года.

веевских сестер были взяты и переселены в Арзамас, в трудовой арестантский дом.

Когда черкизовские были в Дивееве, пришли они к старице. Одной женщине она сразу сказала: «Для чего ты удавила своего младенца?» Большую Матрешу повязала платком, как послушницу, и послала сидеть в темную комнату: «Ну, ступай в тюрьму», – говорит. Потом позвала и спросила: «Немножко ведь я тебе велела посидеть?»

Лизе Р. прозорливо сказала о болезни ног: взяла куклу, стала с ней играть, потом легла на кровать: «Болят ноги!» – жалуется. «Одна из вас будет монахиня, все остальные певчие», – сказала она девушкам, бывшим с Лизой. Слова ее исполнились в точности. Мария Ивановна ходила к Пашеньке, которая жила в лесу.

*Записано со слов Лизы Р.
и других 19 октября 1931 года*

Когда в 1918 году я собралась в свою родную деревню Пензенской губернии, побывала я в Дивееве у блаженной Марии. В первый раз в жизни встретила я с таким человеком, странным для меня и непонятным. Все, что она говорила, все подходило к моей жизни. Собираясь уходить, я сказала: «Не могу быть долго в Дивееве, надо ехать». Блаженная на это отвечает: «Поезжай, поезжай с Богом! Тебя ждут, ждут!» – «Никто меня не ждет, я даже не писала, что еду!» – «Ждут-ждут, поезжай!» – повторила она. Даже ее послушница удивилась: кто же это меня ждет? Тогда блаженная перечислила всю деревенскую родню. А я опять в голову ее слова не взяла, зная, что меня не ждут.

Блаженная Параскева Дивеевская. Икона

Домик-келья блаженной Паши Дивеевской

Побывала я в Сарове, приобщилась и поехала в деревню. В деревне я в первый раз увидела мальчика Борю. Он был круглый сирота. Его мать была крестной моего покойного сына. Жил Боря у тетки, и хотя она его любила, но от окружающих ему доставалось и было там ему очень тяжело. Тетка убедительно просила взять сироту. Без совета с мужем я не могла этого сделать и написала блаженной Марии, чтобы она помолилась Господу, и Господь приютил Борю. Блаженная ответила, что я сама должна взять мальчика. Когда она диктовала мне ответ, ей сказали: «Как Мария Михайловна может воспитать сироту, – она же сама больная?» А Мария Ивановна возражает: «У нее душа здоровенькая, она в Господа Бога верит и в Его Пречистую Матерь, а тело нам не нужно, оно в земле сгниет!»

Но мы долго колебались: сначала муж согласился, потом раздумал. Зима прошла, Боря в деревне истосковался и изождался, и родные тоже, пока мы с мужем медлили, не решаясь брать мальчика. Муж не соглашался, а из деревни шли письма одно за другим: «Что же вы его не берете!? Боря измучился!» Тут я и вспомнила слова блаженной, что меня ждут. Накануне получаем благословение духовного отца взять Борю, и муж сразу согласился. Написали в деревню, что я еду. По дороге заехала в Дивеево. Блаженная узнала, что я за Борей еду, да и говорит: «С Богом, пусть едет! Боря до шестнадцати лет проживет, а там – и на высокую гору». Я подумала, что, наверное, Боря умрет, и сохранила эти слова в своем сердце. А тут и вы на мое сообщение ответили, прислав свое благословение и предупредив, что впоследствии Господь призовет Борю на служение Церкви.

Июнь 1918 год

Блаженная Матрона Черкизовская

Блаженная Матрона была раньше очень богата. В городе Серпухове имели они с мужем свою рыбную торговлю. Но тяготило блаженную это имение, горячо молилась она Богу, горячо просила: «Господи, отними у меня богатство, дай мне жить только для Тебя, как Ты Сам заповедал, ничего не имея!»

И Господь внял ее мольбам. Вскоре забрались к ним в дом жулики, мужа ее связали и дочиста их обобрали, а блаженная только благодарила Бога. Вскоре ее муж умер, сама она заболела. Потом умер их сын, а через некоторое время Господь взял к себе и ее последнее дитя. Осталась Матрона совсем одна, больная и нищая. Но этого-то и ждала ее душа, к этому-то только и стремилось в молитвах её сердце...

Стала она работать поденно у добрых людей, а на выручку покупала масло и отдавала в церковь. А по ночам блаженная Матрона молилась. Но враг не дремал: со страшной силой обрушился он на нее. Как только

станет она на ночную молитву, так отверзается перед ее очами глубокая яма, и диавол, показывая в нее, говорит: «Молись не молись, а за грехи все равно туда попадешь». Сказала она об этом отцу Михаилу Польскому¹, а он советует: «Молись Богу и проси Иоанна Предтечу о помощи и никогда больше не увидишь врага!» Стала она молиться, – и с тех пор вместо ямы во время молитвы оказывалась на зеленой траве.

Отец Михаил Польский очень ее уважал, никогда ничего не делал без ее совета и называл матерью. Блаженную Матрону люди часто спрашивали, как поступить в том или ином деле. Одна девушка спросила ее, идти ли ей замуж. Она ответила: «Ты за этого не выходи замуж. Одна вот так пошла за него, и он ее прогнал». А другой женщине, у которой дочь была на выданье, сказала: «А ты за свою дочь молись: когда она шла в церковь, я видела, как Матерь Божия на нее венец надевала, выйдет она у тебя замуж». И действительно, сбылись ее слова.

Протоиерей Иоанн Кронштадтский

Записано со слов Л. Р. 1 декабря 1931 года

Блаженная Феклуша молчальница

Блаженная Феклуша родная сестра блаженного Фомушки². Отец Иоанн Кронштадтский благословил ее на подвиг молчания, и лет семь она совсем не говорила. Жила Феклуша больше у Евдокии Григорьевны, которая любила принимать блаженных и странников. Лет ей было около пятидесяти. Незаметной внешности, небольшого роста, знала блаженная одну только церковь...

Записано со слов м. Евпраксии 1 октября 1931 года

¹ Польский Михаил Афанасьевич (1891 – 1960) – протопресвитер, из семьи духовенства, в 1921 году поступил в Московскую Духовную академию, был назначен третьим штатным священником Преображенской церкви в Москве в 1922 году, арестован, осужден на три года заточения, сидел в Соловецком лагере, затем был сослан в Зырянский край, откуда сбежал через Сибирь, принят в юрисдикцию Русской Зарубежной Церкви.

² Читайте о нем в «ДС» №2 (94) за 2018 г., стр. 14 – 15.

БЛАЖЕННАЯ ЛЮБОВЬ АНТИПЬЕВНА

Блаженная Любовь Антипьевна была небольшого роста, худенькая, старенькая. Носила плохую, рваную, порыжевшую от солнца и дождя тальму¹ и подвязывалась платочками. Постоянно ходила в церковь, большей частью в Кремль. Часто посещала Новодевичий, Спасский и другие монастыри. Года за три говорила она проезжавшему мимо Великому Князю Сергею Александровичу: «Убьют тебя! Убьют тебя! Наездился, наездился! На этом месте будешь убит!²» И грозила ему своей палкой. За эти слова она была сослана на три года из Москвы, и только когда Великий Князь действительно был убит, ее выпустили на свободу.

Записано со слов схимонахини Алексии 21 октября 1932 года

БЛАЖЕННАЯ АННА АФАНАСЬЕВНА ВЕНЕВСКАЯ

Анна Афанасьевна была дочерью известного иерея отца Афанасия Веневского³. Она жива и сейчас. Лет ей около пятидесяти с небольшим. Роста она невысокого, худенькая, строгая девица. Творит Иисусову молитву. Народу к ней ходит очень много. Несколько раз власти приезжали ее забирать, но лошади или взбесятся так, что ехать нельзя, или как вкопанные стоят и ни с места. Так и не смогли ее взять. Пришел ее арестовывать один коммунист, да так раздобрел после разговора с ней, что даже хотел ей хлеба дать. «Да я так ведь просто говорю, людям помогаю», – сказала блаженная.

А одного человека, который знал ее отца, не приняла: «Раз вы знаете о. Афанасия, то должны были отслужить панихиду о нем». – «Я болен», – отвечал он. «Ну что же, Бог всех милует!» – ответила блаженная.

Жила у меня прислуга Матреша, вдруг стала она бесноваться, все не по ее, – поссорилась со мною и уехала в деревню. Вдруг через

---

¹ Тальма – старинная женская длинная накидка без рукавов.

² Великий князь Сергей Александрович Романов (1857 – 1905) – генерал-губернатор Москвы и главнокомандующий войсками Московского округа – был убит 17 февраля 1905 года террористом И. Калевым взрывом бомбы в самом сердце Москвы – в Кремле, среди великих русских святых. Он был сыном Царя-Освободителя, братом Царя-Миротворца и дядей последнего Российского Царя-Страстотерца. «Русский народ потерял в Нем своего родного по духу человека», – сказал митрополит Трифон (Туркестанов) в речи, посвященной памяти Великого князя. Останки Сергея Александровича Романова с воинскими почестями были перезахоронены в Новоспасском ставропигиальном монастыре в сентябре 1995 года.

³ Реутов Афанасий Дмитриевич (1828 – 1904) – священник при Успенской церкви с. Венев-монастырь Тульского уезда. Старец, безребренник, обладал даром исцелений и прозорливостью. Похоронен с северной стороны алтаря Успенской церкви с. Венев-монастырь. † 30 октября.

некоторое время приезжает и просится назад, говоря: «Была я у Анны Афанасьевны, а та как закричит на меня: “Ты зачем ушла от хозяйки!?” – “Да вот руки болят!” – “Нигде цветы не цветут, поезжай назад!” – сказала она мне. Вот я и приехала».

И опять стала Матреша жить у меня, и все у нас наладилось: ссор и недовольства больше не было.

Записано со слов м. Сергии в Черкизово в сентябре 1931 года

+ + +

Блаженная Анна Афанасьевна Веневская ходит в красном платке с сумочкой и палкой. Юродствует. Часто ходит в церковь и на могилку к отцу.

Когда пришел к ней коммунист в первый раз арестовывать ее, она говорит ему: «Сходи домой, дети плачут, я-то никуда не денусь от тебя! Иди скорей домой». Он вернулся домой, а там, и правда, дети плачут: умерла его жена. Больше он не приходил за старицей.

Пришли арестовывать Анну Афанасьевну во второй раз. А она сама к ним выходит: «Вы за мной? Я собралась, идемте!» Сели все в повозку, а лошадь ни с места. Как ее ни гонят, ничто не помогает. «Жалко лошадь-то», – сказала старица и слезла, а лошадь сразу стрелой помчалась. Опять ее оставили в покое.

Много к ней ходило народа за утешением, а она только всем и говорила: «Как хорошо жить!» А тем, кто жаловался на скорби, открывала их причину: «Сами виноваты, сами виноваты, – Бога забыли!»

Записано со слов неизвестной 4 декабря 1931 года

БЛАЖЕННАЯ МАТРЕША БОЛЯЩАЯ

Блаженная Матреша и сейчас жива¹. Лет ей около восьмидесяти. Живет она в Рязанской губернии близ г. Касимова в с. Погост. Много ходит к ней народу за советом и утешением, но не всех она принимает. Например, женщин, ходящих по знахаркам и ворожеям, духом чувствует и отсылает назад. Старенькая она, болящая и слабенькая.

С семи лет лежит Матреша на постели. Болезнь ее заключается в расслаблении ног и рук, которыми она не владеет. Произошло это от испуга. Мать чем-то напугала ее, и девочку словно парализовало. С тех пор она безропотно, терпеливо несёт свой крест. Обладает

¹ Блаженная Матрона Анемнясевская (Белякова) (1864 – 1936) – прославлена в г. Касимове Рязанской епархии, 9/22 апреля 1999 г. как местнотимая святая Рязанской епархии на Юбилейном Архиерейском Соборе канонизирована в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской для общецерковного почитания в 2000 году.

Матреша даром прозорливости. Известный подвижник, игумен Филарет из с. Срезнево¹, часто посылает приходящих к нему за советом к блаженной. «К Матренушке нужно вам съездить», – говорит он в таких случаях.

Незадолго до смерти схимонахини Серафимы² прислала она в Павловский посад три свечки.

Священнику Феодосию из села Тума, сыну покойного о. Стефана Остроумова, такому же молитвеннику, как и его отец, на вопрос его: ехать ли ему в Москву, чтобы скрыться от множества приходящих и знавших его людей, или остаться на своем месте, сказала через девушку, которую он к ней послал: «В одном месте было большое озеро, бурное, глубокое. Пошел мальчик купаться, плавал, играл с волнами: ничего, не утонул, жив остался. А недалеко от этого места была неглубокая лужа, окунулся он туда – и что же? Захлебнулся сразу и в луже-то малой и утонул. Передай этот ответ о. Феодосию». Понял о. Феодосий, что нечего ему страшиться народа, и остался на своем месте.

Вообще, блаженная Матреша говорила всегда иносказательно, притчами. Как-то приехали к ней женщины и спросили: «Скажи, какая наша жизнь будет?» Она дала им луковицу и велела ее разрезать, тут-то и поняли они, какое горькое будет их житьё.

Случится ли в окрестных деревнях у крестьян какое несчастье, – куда бежать за помощью, за советом? К Матреше болящей. Поднялась как-то страшная буря, испугались крестьяне, что погибнут все их труды и придется оставаться на зиму голодными, прибежали к Матреше. Она говорит: «Не бойтесь, берите святые иконы и идите с ними в поле молиться». Они так и сделали. Спустя некоторое время буря утихла.

В последние годы блаженная замечательно точно и в подробностях предсказывала закрытие одной местной церкви. Часто она говорит про остальные церкви так: «А все церкви закроют, когда Матрона умрет». Хотя она и неграмотная, но, обладая замечательной памятью,

---

¹ Преподобномученик Филарет (Пряхин) (1880 – 1942) – в крещении Иоани, в 17 лет поступил в Спасскую Пронскую пустынь близ г. Пронска. В 1913 году пострижен в монашество с именем Филарет, в том же году рукоположен во иеродиакона, а затем иеромонаха. В 1919 году пустынь была закрыта и о. Филарет перенес главную святыню – чудотворную икону Божией Матери «Споручница грешных» в храм села Срезнево Шиловского района Рязанской губернии, где он служил. В 1926 году о. Филарет был возведен в сан игумена. В мае 1931 года игумена Филарета арестовали и приговорили к пяти годам концлагеря. В 1936 году он вернулся из заключения, переехал в Тверь. В марте 1940 года Особое совещание при НКВД приговорило игумена Филарета, как участника монархической группировки, к заключению. 7 марта 1942 года игумен Филарет (Пряхин) скончался в Ново-Ивановском отделении Марининского лагеря. Погребен в безвестной могиле, прославлен на Архиерейском Соборе в 2002 году.

² Схимонахиня Серафима скончалась в Павловом Посаде 19 июня 1919 года. Читайте об этой великой подвижнице в «ДС» №3 (89) за 2017 год, стр. 20 – 56.

наизусть читает стихи, особенно любит Псалтирь и очень удачно текстами из Слова Божия разрешает недоумения и скорби приходящих к ней. Простая крестьянка, знает она, какие на каждый день года читать Евангелия.

За несколько дней до отдания Пасхи в 1931 году, когда по всей Рязани и ее окрестностям производились массовые аресты монашествующих, к ней приехала инокиня Агнесса. «Нечистый хочет всех испалить!» – сказала Матреша в беседе с инокиней. Агнесса просила благословения на поездку к о. Филарету, а Матрона говорит: «Там все красно. Где ты его увидишь? Вот ему на дорогу поесть!» И больше ничего не стала говорить об о. Филарете. А другому батюшке из того же села велела передать свечку, сказав: «Ему будет посветлей». Дальнейшая участь этих священников неизвестна.

Как-то ехали к блаженной богатые посетители с подарками. «Скорее, скорее запирайте ворота, ветер дует очень!» – приказала Матрона и не приняла их. У одной женщины сильно пьянствовал муж. Пришла она со своей скорбью к Матроне. «Потерпи, потерпи, скоро конец будет...», – сказала ей блаженная. И правда, муж той женщины вскоре умер. Другую женщину обижал сын. «Ну потерпи, скоро он заболлеет». И он действительно вскоре захворал.

Записано со слов монахини Елены и инокини Марии в августе 1931 года

БЛАЖЕННАЯ МАРИЯ

Блаженная Мария жила в Страстном монастыре. Белая, румяная, дружила с Варварой Терентьевной. Раньше была послушницей в игуменской Рождественского монастыря, потом все раздала, что имела, и начала юродствовать. Кого принимала к себе, кого нет. Один архимандрит хотел к ней пойти, она сказала, что не примет его. Он не послушал и все-таки пошел, но она так ругала его, что насилу тот от нее ушел. Матушке Досифее из Головинского монастыря сказала:

Блаженная Матрона Анемисская. Икона

«Своя Авдотья есть», – когда та сунулась к ней в дверь, будучи в Страстном монастыре.

Записано по рассказам Головинских монахинь 6 октября 1931 года

Блаженная Акулина Анисимовна

Блаженная Акулина Анисимовна была послушницей Новодевичьего монастыря. Жила она при церкви. Взяла на себя подвиг юродства, сядет, бывало, и начнет писать перстом по земле или говорить так, что никому непонятно. Наденет то красный платок, то шапку и сидит на кладбище. А то начнет шуметь. Были у нее кошки, которых она любила. Имела дар слез. И как-то видели, как она молилась, стоя на воздухе... «Пока не помру, никому не говори это», – сказала она видевшей это сестре. Умерла еще до революции.

Записано 24 октября 1931 года со слов монахини Евпраксии

Блаженная Матрена Петровна

Блаженная Матрена Петровна жила на Рыночной улице, всегда ходила в Алексеевский женский монастырь¹. Ходила разукрашенная, с цветами на голове и на груди. Роста она была среднего, говорила притчами. Все предсказывала верно. Если закутается – тепло будет, если едва оденется – холодно. Писала Богу письма на небо: «Возьми, возьми меня!» – а ответа оттуда все не было. Желала быть похороненной в Алексеевском монастыре. Предсказала она кончину себе и игумении Антонии²: «Матушка Антония, корабль пристанет, как матушка поедет, и я поеду, когда она за мной корабль пошлет...» Так и случилось. Игуменья Анто-

---

¹ Алексеевский женский монастырь основан в 1360 г. свт. Алексием, митрополитом Московским, на Остоженке, где ныне находится Зачатьевский монастырь. В 1836 году перенесен в связи со строительством храма Христа Спасителя в Красное село. Храмы монастыря: Воздвижения Креста Господня, прп. Алексия, человека Божия, св. Архангела Михаила, Всех святых. В 1924 году монастырь закрыли. В настоящее время богослужения возобновлены только в храме прп. Алексия, человека Божия.

² Игуменья Антония (Троиллина) родилась 23 мая 1821 года в Москве в семье купца, почетного гражданина Троиллина Н. И. Получила прекрасное образование, в том числе религиозное. По благословению митрополита Филарета (Дроздова) в девятнадцать лет поступила в число сестер Спасо-Бородинского монастыря; в 1841 году была пострижена с именем Антония и стала келейницей игумении Марии (Тучковой). В тридцать семь лет приняла постриг в мантию, в 1859 году переведена в Аносин Борисо-Глебский монастырь. В 1861 году произведена митрополитом Филаретом в сан игумении и назначена настоятельницей Страстного монастыря. В 1871 году матушку Антонию перевели в Алексеевский монастырь, где она открыла училище для южнославянских девочек. За заслуги в просвещении славян сербский князь Милан Обренович пожаловал игумении Антонии государственную награду – орден Такова второй степени. За выдающиеся заслуги по оказанию помощи раненым воинам она награждена двумя знаками Красного Креста. Похоронена игуменья Антония у южных дверей Крестовоздвиженского храма, возле алтаря Симеоновского придела.

ния умерла 5 октября 1897 года, а Матрена – в марте 1898 года на Великом посту. Схоронена на кладбище Алексеевского монастыря.

Записано 27 сентября 1931 года

БЛАЖЕННАЯ ВАРВАРА

Блаженная Варвара родом была из мест, расположенных вблизи от Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Отца ее звали Терентий Кириллович, мать Татиана Филимоновна. Говорила всем, что ей тридцать лет, а на самом деле было лет шестьдесят-семьдесят. Роста она была среднего, полная, ходила покрытая платочком, обутая. Всегда она была мокрая, грязная, усеяна насекомыми до такой степени, что ходила по ночам к колодцу, – так они ее донимали.

Сначала все сторонились ее, но вскоре, увидев силу, таившуюся в грязном, неприятном с виду человеке, начали принимать и прислушиваться к ее советам. Ухаживала за ней в Головинском монастыре, где она недолго жила, по рассказам келейницы м. Софии, монахиня Августа. Очень она любила фотографироваться, особенно с цветами. Некоторые считали, что если Варвара придет, так непременно радость будет.

Начнет иногда ругаться нехорошими словами, по-черному, а потом скажет: «Я тебя не ругала». А то сидит, вздыхает: «Ох, как всем трудно! Всем человекам трудно! Ох, какое море большое! Какое широкое и бурное...» «А я-то, переплыву его, Варя?», – спрашивала матушка Евтихия. «Переплывешь», – отвечала блаженная.

Ночевала часто в монастыре, и летом и зимой под открытым небом. Некоторые звали ее пророчицей, извозчики – Терентьевной, а кто просто Варей – по-разному. Последнюю ночь в Головинском монастыре в конце 1917 года провела у матушки Дионисии. Было это летом. Сказала Варварушка ей: «Я поеду в Киев, надоел мне народ, привезу тебе образок», – побежала к воротам, села на извозчика и с тех пор пропала. Последнее время пряталась по кельям или на могиле матушки Филареты¹.

Незадолго до Германской войны начала Терентьевна блажить: то вдруг за глаза схватится: «Ох, глаза болят, глаза болят, ничего не вижу!» – то руку завяжет, то голову, то захромает. После уж только сестры поняли, что так изображала она раненых. А то придет на кухню или в просфорную, схватит ухват, кочергу и начнет «воевать». Все летит, трясется, а она сестер выгоняет, шумит, стучит и приговаривает: «Тут генералы да полковники придут!»

¹ Игуменья Филарета (Смирнова) была настоятельницей Казанского Головинского монастыря с 1887 по 1893 год. Читайте о ней в ДС №2 (88) за 2017 год, стр. 28 – 34.

Мыла ее матушка Августа. После мытья она засмеялась и в ладоши захлопала.

Лет за пятнадцать до разгона монастыря блаженная говорила: «Была в Головине, никого там нет – все убежали, никто не остался». Бегала часто по коридорам, плясала, звонила в колокол, махала белым платочком. После сестры, вспоминая все ее выходки, поняли значение их: и правда, когда, например, отбирали лошадей, зазвонили на колокольне. Лет за пятнадцать выгоняла она из игуменской сестер и саму мать игумению: ругается, выгоняет всех, а тем, которые упираются, грозит: «Если не пойдешь сейчас, так после в окно вылетишь».

Как-то пришла Терентьевна в игуменскую и говорит: «Здесь скоро кудрявенькая девочка будет жить». И верно, через некоторое время выгнали игуменью, приехал Степан из земельного отдела и жил с дочкой в игуменских покоях. Вот блаженная начнет, бывало, бегать по церкви, воевать, стучать, бушевать. «Да что ты, Варвара, делаешь!» – крикнут ей. «Не так еще будут воевать, и плюнут на вас, и выгонят», – отвечала она. После, когда стали сестер из монастыря выгонять, вспомнили это. А мать казначея, и правда, в окно со страха вылезла, когда пришли закрывать монастырь.

Пришла как-то Терентьевна к матушке Иларию в покои. А та занимала четыре светлые большие комнаты: хорошо жила. Вот выгнала сначала ее Варварушка из столовой, та в залу, а она и из залы гонит, та в спальную, а Терентьевна вскочила туда, да и завернула лампочку, оставила ее там в темноте. После, когда изгнали м. Иларию из ее покоев, вспомнила она всё. Действительно, прожила целый год в темноте, потому что в тот год не было керосина в монастыре.

Купила себе как-то молодая послушница новый диван. Было это еще до революции. А Терентьевна уселась на него и говорит: «Как хорошо на нем солдату спать!» И правда, диван потом отобрали в казну. Матушке Дионисии за пятнадцать лет до закрытия монастыря предсказала блаженная трудную жизнь: «Возьмешь три копейки, будешь жить у дороги, учишь суп варить», – сказала Терентьевна. И верно, не знавшая нужды мать Дионисия испытала на себе в точности ее слова.

Отец молодой монахини Паши Морозовой был богатым, зажиточным человеком. Ни в чем Паша не нуждалась. Вот приходит как-то Терентьевна и начинает примерять на неё сумку да приговаривать: «Вот как хорошо по миру-то ходить!» А тогда и подумать об этом никто не мог. И что же? Пелагея первая из монастырских сестер по закрытии монастыря пошла побираться по миру.

Часто ругала Варвара Головинских сестер¹: «Артельные девки!» Все недоумевали: что бы это значило? И только когда образовалась в монастыре трудовая артель, вспомнили ее слова. А Страстной монастырь² называла казармами. «Я еду в казармы», – бывало скажет блаженная, когда туда соберется.

Как-то м. казначея сказала ей: «Не уходи, Варвара, никуда от нас. Мы тебе дадим комнату». А та говорит: «У тебя у самой ничего нет. Ходишь вокруг монастыря, а никак туда не войдешь». И правда, когда м. казначея через шесть лет после этого вылезла из монастырского окна, жить там уж больше не могла, и верны были слова Терентьевны: «Походишь, походишь, а в ограду не войдешь!»

За две недели до смерти м. Евгении предсказала м. Дионисии об этом. Было это под праздник Казанской иконы Божией Матери. Мать Дионисия собралась в Москву на богомолье. «Нет, тебе не придется идти в Москву в собор Казанской [иконы Божией Матери на Красной площади], а будешь после Казанской ходить к Казанской». Так и случилось. Умерла схимонахиня Евгения, и пришлось м. Дионисии ходить каждый день к обедне в храм Казанской иконы Божией Матери, а в Москву на праздник не смогла из-за этого поехать.

Пришла раз Терентьевна в трапезу. Подскочила к игуменскому столу, взяла его и отнесла к печке у двери. «Варвара! Варвара! Ты что же это делаешь!» – набросились на нее. «Да он ей больше не потребуется теперь», – спокойно ответила она. И с того дня игумения Филарета³ заболела (17 октября), слегла в постель от удара и в трапезу больше не ходила, и не выносили ее.

Пришла вдруг Терентьевна и стала на кафедру игумении Серафимы, а ей говорит: «А ты у печки стань!» И верно, в этот год отставили игумению Серафиму от должности и назначили на ее место Филарету. Племянница схимонахини Иоанны, матушка Рафаила, спросила Варвару: «Как мне спастись?» Та и говорит ей: «Ты еще в Сибири побываешь, молись только, чтобы большой лес был!» Она попала в тот край, где ни дерева нет. А там была засуха. Хоть верно, пришлось ей в Западной Сибири жить.

¹ Казанской иконы Божией Матери Головинский общежительный монастырь располагался у с. Головино Московского уезда. Преобразован из общины в монастырь в 1886 году. Закрит в 1929 году.

² Страстной монастырь находился на Страстной площади (ныне Пушкинский сквер). Построен царем Алексеем Михайловичем в 1654 году во имя Страстной иконы Божией Матери. В монастыре было четыре храма. Упразднен в 1919, снесен в 1937 году.

³ Игумения Головинского Казанского женского монастыря с 1887 по 1893 год Филарета (Смирнова). † 21 ноября.

Когда схимонахиня Евгения была сильно больна, и все думали, что она больше не встанет, пришла к ней в покои Варвара Терентьевна. Мать Дионисия говорит ей: «Варвара Терентьевна! Налей матушке чайку-то и снеси ей!» А та говорит: «Зачем ей нести чаю, она сама придет!» И правда, матушка Евгения встала на второй день своей болезни.

Племяннику матушки Дионисии нужно было ехать в Ленинград на место. А Варвара Терентьевна поглядела на него да и говорит: «Там и без него народу много!» Так и оказалось. Хотя он все-таки поехал туда с письмами рекомендательными, но место было занято, и пришлось ему тут же вернуться.

Блаженная Варвара сказала сестрам: «Вот к вам скоро матушка Филарета вылезет из могилы живая и купит всем вам по красному платью!» И вскоре случилось открытие мощей. Однажды благочинная, матушка Евтихия, сказала Варваре: «Варя! У нас такую-то в монахини постригают!» А она отвечает: «Ну что же! Да она и была уже монахиня-то!»

Пришла как-то в келию матушки Павлы и развоевалась, расшумелась вовсю: «Келья-то новая, да гроб-то дубовый! Прилетят грачи и выгонят галок!» – кричит. И верно, матушка Павла умерла, матушку Филарету сменили, а матушку Олимпиаду поставили. Когда умерла Саша, Варварушка говорила о ней: «Эта с Богородицей служит!»

Как-то причащалась она у о. Виктора, стала подходить к Святой Чаше, остановилась и погрозила ему пальцем. Вскоре была на него опала и хотели отдать его под начало в Аносино.

Матушка Евтихия служила два года в просфорне. Вот как-то на Рождество бежала она и роптала: «Что за послушание мое – вечно меня одну везде посылают!» Вдруг, откуда ни возьмись, Терентьевна. Вышла в сени и говорит: «Я к вам иду!» Подошла к матушке Евтихии, хлопнула ее по спине да и говорит: «Плохо служишь!» И с тех пор роптать она больше не стала. В это время матушка Евтихия жила уже у Параскевы Павловны в Благовещенском монастыре. Наступил Троицын день. Опять заявила Терентьевна. Сели чай пить. Она и говорит матушке Евтихии: «Скоро тебя отсюда переведут». «Что так?» – спрашивает та. «Тебя скоро отсюда выведут, а посадят другую». И верно, через день перевели м. Евтихию к сестрам, а на ее месте стала другая. Перед тем, как перевести м. Евтихию в просфорню, заявила туда Терентьевна со всякой одеждой – откуда только набрала столько! И говорит: «Это я к вам пришла!» И верно, вскоре же перевели туда и м. Евтихию со всем ее хламом.

Матушка Евтихия очень уважала владыку Мисаила из Симонова монастыря¹. Вот спрашивает как-то Варю: «Варвара, я собралась в Москву, увижу я там владыку-то?» «Поезжай поезжай, всех там апостолов увидишь!» И верно. Успела побывать м. Евтихия в пяти церквях, видела там пять архиереев и от каждого получила благословение. А однажды сказала: «Варя! Я еду в Симонов монастырь, благослови!» А она отвечает: «В лес, да за лес, далеко...» – и про дачу что-то упомянула. Потом взяла и повернула назад м. Евтихию. Поехала все же она в Москву. Приезжает, а владыка Мисаил уехал на дачу в лес. Так и сбылись Варины слова.

Епископ Мисаил (Крылов)

Однажды справляли пятьдесят лет служения владыки Мисаила. А м. Евтихия этого не знала. Идет она от обедни из своей церкви, а дорогу ей переходит Терентьевна. «До Симонова-то и не дойдешь!» – сказала она, повернулась и пошла. А после уж узнала м. Евтихия, какое там было торжество.

Одна монашенка собралась ехать к родным. «Варя, благослови! Я еду к родным», – сказала она. «Ну как Бог благословит, как придется-то съездить», – уклончиво ответила та. И что же? Сделался с ней паралич, и она умерла.

Одна из сестер очень уважала о. Николая и любила бывать на его службах. Вот приходят сестры домой, ей так хочется узнать, служил он или нет, да совестно. Ввалилась Варварушка, да и говорит: «Да весь причт сегодня в церкви служил». Так узнала сестра то, что ей было нужно, без оглашения присутствующим.

Ходила она раздевшись, без теплой одежды, опутив глаза, и все разговаривала сама с собой. Роста была небольшого, полная. По голове ее ходили вши, но она говорила: «Время еще не пришло их оставить...» Приедет в монастырь на извозчике то в большом платке, то

¹ Епископ Мисаил (Крылов) с 21 ноября 1908 г. уволен на покой с назначением управляющим ставропигиальным Симоновым монастырем в Москве.

в тальме. Однажды повстречалась она одной монахине, которая пила тайком церковное вино от болезни, и прямо в лицо говорит: «Хочешь жри вино, хочешь – нет, а все равно не вылечишься!» – «Прости меня, Варвара Терентьевна, у меня желудок очень болит!» – начала оправдываться та в смущении.

Ругала одну девушку Матрешу нехорошими словами так, как ругала ее мать. Зимой иной раз под колодцем голову мыла. Одну монахино выгнала из кельи, хохотала, не впускала войти. И верно, выгнали ее оттуда рабочие. «Как Варвара побывает, обязательно что-нибудь случится!» – говорили монахини. Если блаженная скажет: «Варвара будет певчая», – значит, той, кому это говорится, быть певчей. В Новодевичьем монастыре (до закрытия монастыря в 1917 году) выгнала всех из келлий. Матушка Серафима была очень больна, лежала без памяти, а Варвара Терентьевна говорит: «Жива будешь, матушка, жива будешь, а вот Даша умрет!» И верно, исполнились ее слова в точности.

Блаженная Мария Ивановна Волоколамская

Мария Ивановна Волоколамская всех удивляет своими подвигами. Ходит совсем раздетая, всегда разутая, только прикрыта нагота, волосы распущены по обеим сторонам. Как только наступит 12 часов – она берет железку и палку и ходит вокруг деревни, стуча в железку палочкой, и ворчит что-то, никому непонятное, себе под нос. Ходит раздетая и разутая по сугробам в поле. Днем все такая же раздетая и разутая садится на загородку и сидит, а как завидит людей, сейчас же уходит.

Дома ее стараются одеть в платье, но она сейчас же разорвет и останется нагая. Шили ей из брезента, но она так же рвала на части. Когда приходили к ней посетители и что-то приносили с собой, то она от одних принимала, а от других – нет. Была она очень красивая: лицо белое, щеки румяные, глаза черные и сама черная, волосы длинные, черные. Лет ей всего 28.

Записано со слов Л. Рет., июль 1932 год

Девушка Мария

Девушке Марии из Волоколамска сейчас лет около сорока. Живет она всецело для пользы других, и очень многое сбывается по ее словам. Одной рабе Божией сказала: «Брата твоего здесь скоро не будет, а невестке все здесь достанется». Вскоре в точности исполнились все ее слова: брата выселили, отобрали дом и угнали, а невестка осталась жить, как жила.

Записано со слов Татьяны Петровны из Черкизова 1 октября 1931 года

БЛАЖЕННАЯ МАРИЯ

Блаженная Мария, родом неизвестно откуда, зашла под праздник свт. Николая ненадолго в Кирсановский Тихвинский женский монастырь и пошла прямо к просфорне. Взяла подушку и говорит: «Сейчас выпорю, и вы все разлетитесь вскоре, как пух!» Было это в 1918 году, и в этом же году разогнали монастырь. Лет ей было около 50-ти. Наружностью была она очень приятная, кроткая, нежная, хорошенькая с лица. Ходила с сумой в руках. С виду на блаженную ничем не походила.

Записано 26 июля 1932 года со слов инокини Анастасии

БЛАЖЕННАЯ МАША БОСОНОЖКА

Блаженная Маша босоножка, белоруска, жила в Тверской губернии, была великая старица, чудотворица: исцеляла людей, приходящих к ней за помощью. Великая была она прозорливица. Ничего не боялась – смело обличала пристава. Перед революцией говорила: «Все сгорит, все сгорит, и не будет царя». Одной девочке, которая потом умерла, сказала: «Ах ты безприданница моя!» А девушке, бросившейся под поезд, сказала незадолго до этого: «Ах ты погибшая!» Одна женщина дала ей сапоги, но неудобны они были Марии. Взяла она их, снесла в сарай к этой женщине и зарыла их под сено, а где был дом этой женщины – не знала раньше. Та полезла в сарай: «Батюшки, как это они сюда попали?!»

Записано 22 сентября со слов странницы Анны

БОСОНОЖКА ДАРЬЮШКА МОЛЧАЛЬНИЦА

Босоножка Дарьюшка жила во Владимирской губернии, часто ходила в монастырь к матушке игумении и сестрам. Крутлый год ходила она босиком. В платочек были положены всякие гостинцы, которыми она радовала сестер. Все время сама молчала: во рту были камешки. Только иногда отвечала на вопросы. «Испытывала», – как говорили о ней сестры. Раз дала она игумении деревянные деньги, а м. Алексия тоже захотела получить от нее подарок. Пошла ее провожать из игуменской келии (было это постом) и попросила у нее четки на память, а она в ответ пролепетала: «Твои четки – послушание...»

Записано со слов схимонахини Алексии 21 октября 1931 года

Странницу Дарьюшку благословил на подвиг странствования о. Иоанн Кронштадтский. Она имела дар прозорливости и юродствовала.

Рассказ странницы Анны. Киев, 8 сентября 1931 года

Блаженная Марфа Царицынская

БЛАЖЕННАЯ МАРФА ВЕДЬМЕДЯНСКАЯ

Блаженная Марфа была родом из Царицына. Родители ее были торговцы, зажиточные люди хорошей жизни. К Марфе относились они очень хорошо, только сначала сильно скорбели, когда взяла она на себя подвиг юродства. Лет ей было сорок, когда она умерла. Была она полная, красивая. На подвиг юродства благословил ее отец Иоанн Кронштадтский. Поехала она к нему в Петроград, а оттуда прислали ее к родителям этапом. Повязала она голову полотенцем и начала блажить. Все, что ей давали, за пазуху клала: и просфоры, и деньги, и камни... Все это делала она, чтобы унижить себя

в глазах людей. Или возьмет и в трескучий мороз пойдет в баню, наденет мокрую рубашку и пойдет гулять по городу. Зайдет к кому-нибудь в дом и ляжет. Выйдут хозяева и начнут ее бить, да так, что домой придет вся в крови. Тогда-то и выстроили ей родители отдельный сарайчик, и она стала там жить. У них в роду был такой же блаженный, дедушка Марфы. Последнее время она все хлеба пекла и раздавала всем. Когда началась Германская война, она сказала монахиням Казанского монастыря Воронежской губернии: «Сидите-сидите, никто вас не тронет», — и все в монастыре было спокойно. Перед революцией пришла к иконе Божией Матери «Скорбящая» и всю ее и кругом в красное обрядила. Много к ней ходило народа и многие получали помощь в своих нуждах и скорбях. Умерла около 1916 года¹.

Записано со слов м. Анисьи и других сестер 16 октября 1931 года

БЛАЖЕННАЯ АЛЕКСАНДРА

Блаженная Александра была из села Бусиново, недалеко от станции Ховрино. Снился ей однажды сон: Божия Мать повелела ей вырыть

¹ Марфа Царицынская, настоящая фамилия Медведская (1880 – 1925). Готовится прославление блаженной в лике святых.

Свою икону с определением места. Проснулась Александра, не может послушаться Богоматери и пошла на то место, что указала ей Царица Небесная во сне. Стала копать и обрела икону. Снесла она ее местному батюшке, а тот выругал ее, не поверил словам блаженной и бросил икону на колокольню. Вскоре постиг его за это гнев Божий: утонула его девочка, когда плавала, и отнялся у него язык. Тогда опомнился он, послал принести икону, а она опять ушла в землю, на то место, откуда ее вырыла Александра. Тогда написал он об этом губернатору. Тот приехал сам и, поговорив с блаженной Александрой, ударил ее по щеке, так же не поверив ей. А она говорит: «И тебя скоро так же будут бить, скоро ты будешь посрамлен...» Через несколько дней началась революция, и его свергли с поста губернатора.

На том месте, где скрылась икона, открывались все новые и новые чудеса: нашли просфоры. И когда икону вторично обрели, то двенадцать человек порченных исцелились от нее. И выстроили на этом месте храм в честь преподобного Сергия Радонежского. А икона эта оказалась чудотворной, «Молченской». На месте её обретения забила вода, образовалось озеро и все вокруг затопило. Устроили купальни, огородили озеро, и много больных приезжали туда и исцелялись. Однажды на этот источник привезли бесноватую. Она сильно кричала, когда ее опускали в купальню. Как только ее опустили в святую воду, бес вышел из нее в виде паука. И тут же она сказала: «Сноха испортила меня на яйцах».

Записано со слов С. А. Волковой 2 ноября 1931 года

Чудотворная икона Божией Матери «Молченская». XIV – XVI вв. Шитье бисером и жемчугом. Бусиново

Храм прп. Сергия Радонежского в селе Бусиново

АННА-БОСОНОЖКА НОВГОРОДСКАЯ

Анна-босоножка была очень плохо одета. В мороз ходила с голыми руками. Монахиню Ксению на неделю отвела в избу, просила никуда не ходить, сама ухаживала за ней, все ей приносила...

Записано со слов м. Ксении 28 июня 1931 года

БЛАЖЕННАЯ АННА ЧУДОВСКАЯ

Блаженная Анна всегда ходила в Чудов монастырь. Имела она дар слез: бывает разведет руками, всхлипнет, а слезы так и польются.

Записано со слов странницы Анны 22 сентября 1931 года

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА ПЕТРОВА. ЮЛИЯ БОЛЯЩАЯ

В мире иногда появляются люди, из ряда вон выходящие по своим исключительным способностям к созерцанию и восприятию явлений невидимого мира, по своей живой связи с областью сверхчувственного, духовного, таинственного. Таковы ясновидящие и прозорливые, имеющие дар во внутренних созерцаниях переступать в той или иной мере границы пространства и времени, видеть духовным взором, что творится вдали от них и что будет совершаться впоследствии, причем и то и другое представляется им в ярких образах и картинах или как бы в отображениях совершающихся вдали или могущих совершиться в будущем действий или событий.

Ровно пятьдесят лет тому назад, 26 ноября 1853 года, скончалась в Москве Юлия Николаевна Петрова, известная более под именем Юлии болящей. Это была ясновидящая, имевшая живое и близкое общение с невидимым миром и предсказывавшая будущее, которое она могла созерцать как настоящее. Некоторые сведения о ней уже имеются в печати. В «Русском Архиве»¹ за 1898 год опубликованы записки покойной игумении Московского Страстного монастыря Евгении, в миру Евдокии Семеновны Озеровой², в которых немало места отведено этой замечательной личности, оказавшей сильное влияние на автора записок. Позже эти записки были изданы отдельной книгой.

Так как Юлия болящая одно время жила и в нашем Воскресенском на Остоженке приходе³, то в этом обстоятельстве мы находим для себя

---

¹ «Русский Архив» – историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год.

² *Памятные записки игумении Евгении (Озеровой) // Русский Архив. 1898. №3. С. 321 – 357.*

³ Церковь Воскресения Словущего на Остоженке в Москве – приписной требный храм Зачатьевского женского монастыря.

Игуменя Евгения (Озерова)

Церковь Воскресения Слоущего на Остоженке

основание посвятить ей, по поводу пятидесятилетия со дня ее кончины, статью по материалам частью уже напечатанным, а частью еще не изданным.

Происхождение и жизнь Юлии Николаевны Петровой окружены большой тайной. По сообщению игуменнии Евгении подробности о жизни Юлии болящей изложены в записках Екатерины Алексеевны Мухановой. Эти записки покойной Прасковией Алексеевной Мухановой вместе с другими бумагами, касавшимися митрополита Филарета, были переданы Преосвященному Тверскому Савве Тихомирову¹, а от него перешли к его наследникам.

Известно впрочем, что Юлия Николаевна происходила из высокого рода, как говорят, «из семьи царевичей Грузинских»². Вероятность ее грузинского происхождения подтверждается тем, что она носила обыкновенно грузинский костюм, в котором, согласно ее желанию, и была похоронена, что известно из рассказа почтенной Елизаветы Алек[сандровны] Васильевой, жившей у Мухановых и скончавшейся в 1900 году в Мухановской богадельне.

Тщательно скрывая свое происхождение, Юлия Петровна вела жизнь очень уединенную. Ближе знали и посещали ее только немногие, в выс-

¹ Архиепископ Савва (Тихомиров) (1819 – 1896) – с 23 апреля 1879 г. по 18 сентября 1896 г. – архиепископ Тверской и Кашинский.

² *Памятные записки...* С. 330.

шей степени достойные и высоко уважаемые лица: Е. В. Новосильцева, дворянки сестры М. Н. и А. Н. Павловы, А. И. и Е. И. Поздняковы, семейство Мухановых, из которых она особенно дружна была с Екатериной Алексеевной, Спасо-Бородинская игумения Мария (Тучкова), Евдокия Семеновна Озерова, впоследствии игумения Страстного монастыря Евгения, практиковавший в лучших домах столицы доктор Блументаль, известный своею опытностью в духовной жизни протоиерей храма Вознесения у Серпуховских ворот С. Г. Терновский, бывший духовником семейства де Бриньи и Корсаковых, и некоторые другие. Сам великий святитель Филарет Московский вел прямо с ней переписку и иногда даже под скромным видом лаврского инока посещал ее, как и она бывала у него, обыкновенно в сопровождении своего доброго друга Екатерины Алексеевны Мухановой¹.

Всех их привлекали в Юлии Николаевне, с одной стороны, ее высокие нравственные качества: кротость, смирение, терпеливое безропотное перенесение житейских невзгод и тяжких болезненных страданий, которым она почти постоянно подвергалась, доброта, нищелюбие, самая пламенная вера и глубокое благочестие в духе Православной Церкви, а с другой – ее чрезвычайные дарования по проникновению в область таинственного, в мир сверхчувственный и духовный. Последнее обстоятельство делало ее личность совершенно незаурядной.

Вот что, «весьма секретно», писал об Юлии болящей, уже после ее кончины, митрополит Филарет архимандриту Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Антонию: «С нею бывало такое состояние, что она видела в духовном мире, сохраняя сознание видимого чувственного мира, и тогда скрывала видимое в духовном мире. Но иногда теряла при сем сознание видимого мира, и ее необыкновенное состояние могло быть примечено»².

Итак, по объяснению митрополита Филарета, случаи ясновидения Юлии болящей бывали и в естественном, бодрственном, и в безчувственном состоянии. В первом случае она становилась сосредоточенной, самоуглубленной или, наоборот, взволнованной и встревоженной, так что, собственно, и такое состояние ее не могло не быть «примечено». Слова митрополита Филарета, что при этом Юлия «скрывала видимое в духовном мире» подтверждаются и игуменией Евгенией, которая пишет, что в естественном положении своем Юлия Николаевна весьма редко, и то разве только для пользы душевной, что-либо рассказывала,

¹ Там же. С. 332.

² Письма митрополита Филарета архимандриту Антонию (Медведеву). Ч.3. С. 351.

а обычно хранила постоянное молчание о всем сверхъестественном¹. Тем более любопытны эти весьма редкие случаи, когда Юлия свои ясновидения в бодрственном состоянии открывала другим для каких-либо нравственных целей.

Однажды приходит к болящей Юлии ее духовник С. Г. Терновский. Она спрашивает: «Батюшка! Вы не испугаетесь, если я скажу вам нечто ужасное для вас?» Он ответил: «Я – священник. И своим самообладанием и покорностью воле Божией должен подавать пример другим. Постараюсь выслушать то, что вы мне скажете». Тогда Юлия Николаевна сказала: «Я вижу вашу жену умершею. Вот-вот она мертвая лежит предо мною!» Видение оправдалось: дня через три жена протоиерея действительно скончалась.

В другой раз произошло следующее. Юлия Николаевна, до того находившаяся в спокойном состоянии, вдруг заволновалась: «Поедемте сейчас в Успенское (имение Михайловых в Александровском уезде Владимирской губернии)! Там случилось несчастье: я сейчас видела, как Екатерина Алексеевна упала, пораженная ударом!» Действительно, как потом оказалось, в тот самый час в селе Успенском с Екатериной Алексеевной Мухановой, возвращавшейся из церкви, случился солнечный удар, так что стоило больших трудов привести ее в чувство, опасались за ее жизнь. Оба случая приведены со слов юной Е. А. Васильевой, жившей в доме Мухановой.

Но чаще ясновидящая сила проявлялась у Юлии Николаевны в состоянии безчувствия. Это происходило с ней после страшных болезненных припадков: сначала ее ломало, корчило так, что сводило голову с ногами и кости хрустели от напряжения, а потом, придя в полное изнеможение, она засыпала. Сон этот, по объяснению игумении Евгении, «был не что иное, как благодатное состояние»². В это время Юлия

Святитель Филарет Московский

¹ *Памятные записки...* С. 334.

² Там же. С. 330.

Николаевна, не чувствуя, что делается вокруг, внутренне созерцала явления духовного мира и картины событий или совершавшихся в данный момент вдали, или должных произойти в будущем, беседовала с являвшимися ей и невидимыми для других лицами, говорила предсказания.

Игуменья Евгения вспоминает, что еще года за два до решения поступить в монастырь она посетила болящую Юлию, которая в безпамятстве воскликнула: «Дуня! Дуня! Да ведь ты будешь игуменья: я вижу тебя в мантии и с посохом! Вот уж не похоже на тебя!» Игуменья Евгения пишет: «Все мы знали ее из ее бесед с разными лицами во время ее благодатного безчувствия». По словам митрополита Филарета, в это время старались удалять от нее посторонних, но одна христианская подруга ее, по всей вероятности, Екатерина Алексеевна Муханова, имела к ней безпрепятственный вход. Таким образом, однажды войдя к Юлии, она услышала, что та уговаривает султана не начинать войну с Россией. Это было гораздо раньше посольства князя Меншикова, когда никто и не думал о войне с Турцией. Года за два или за три до кончины императора, она говорила, что жизнь его не продолжится, и что враг не без вины будет¹.

Бывали случаи, когда у Юлии при ясновидении в естественном и особенно в безчувственном состоянии оказывались вещественные доказательства действительности ее общения с миром таинственным. Невидимой силой через отдаленные пространства доставлялись ей различные предметы, преимущественно такие, которые ее особенно заботили, или в которых в данный момент она нуждалась. Доктор Блументаль рассказывал В. Е. Чертовой следующее происшествие, очевидцем которого он стал. Однажды во время его визита Юлия Николаевна вдруг стала с чувством глубокого сочувствия говорить об одной своей знакомой: «Ох, как она, бедная, волнуется, как беспокоится и скорбит! У нее большое горе: она потеряла с шеи крестик!» Через несколько минут Юлия вдруг что-то схватила в воздухе и радостно вскричала: «Да вот он!»

Что же такое случилось? Оказывается, одна знакомая ей дама, стоя за богослужением в Успенском соборе, заметила исчезновение с шеи золотого креста, которым особенно дорожила. В сильной скорби дама эта поспешила к Юлии сообщить ей о своем горе. Юлия протянула к ней свою руку и сказала: «Вот он! Возьмите его!» Действительно, это был тот самый крестик, потерянный дамой в соборе.

Во время благодатного безчувствия она «часто в нашем присутствии получала медные и серебряные старинные копеечки, которые были ей подаваемы невидимой рукою в минуты скудости, чтобы не дать ей упа-

¹ Письма митрополита Филарета к архимандриту Антонию (Медведеву). Ч. 3. С. 351.

дать духом. Иногда, постом Великим, когда она не вкушала пищи и страдала безпрестанно, ей приносили святой антидор»¹. В записках игумении Евгении неоднократно указывается на то, что разные предметы невидимо подаваемы бывали Юлии болящей именно «Святым Старичком», как она уклончиво называла Николая Чудотворца, которого с особенным благоговением чтит с самого младенчества и который был постоянно ее небесным покровителем, помощником и заступником.

Увидав в первый раз Евдокию Семеновну Озерову, искавшую утешения в житейских невзгодах, Юлия Николаевна сказала ей: «Он перед вами приходил ко мне и просил принять и утешить вас, вот вам от него благословение», – и с этими словами подала ей образок Спасителя. А когда Евдокия Семеновна собралась поступать в монастырь, Юлия при прощании с ней в благословение сняла с шеи крест, который ей был дан «Святым Старичком» во время благодатного безпамятства, и сказала, что «это дело рук Святого Николая и доселе она его с себя не снимала»².

Ясновидения и предсказания Юлии болящей были предметом серьезного внимания митрополита Филарета, который при ясности взгляда на вещи и трезвости суждений обладал известной долей мистицизма, сообщавшего оригинальность его умственному облику³. Как смотрел он на внутренние созерцания Юлии Николаевны, можно судить по следующему отрывку из его письма к наместнику архимандриту Антонию, видимо скептически к ней относившемуся: «О Петровой мало я вам говорил потому, что вам ее состояние не казалось хорошим, а мне казалось хорошим, хотя и не совершенным, и я не хотел опираться на свое мнение. Но я знал о ней много примечательного»⁴.

Первое время Юлия Николаевна жила за Москвой-рекой, в приходе Иоанна Воина; в глухом переулке около церкви, в доме Рыженкова. Там, по выражению игумении Евгении, «укрывалось сокровище, неведомое миру»⁵. Через некоторое время Юлии Николаевне пришлось оставить это место жительства вследствие одного чрезвычайного обстоятельства, которое описано в воспоминаниях м. Евгении: «Прихожу [во второй раз к Юлии]; все тихо, она в постели; подхожу к ней, едва говорит. “Что с вами?” – “Я едва жива”. И начала мне рассказывать ужасное происшествие. Дня за два явилась к ней странница, вся обвязанная, просит ноч-

¹ *Памятные записки...* С. 331.

² Там же.

³ *Митрополит Филарет в его отношении к миру таинственных явлений // Душеполезное чтение.* 1883. Май. С. 333.

⁴ *Письма митрополита Филарета...* С. 351.

⁵ Там же.

лега; она не в силах отказывать просящему; пустила ее, накормила, уложила спать в зальце. Вдруг в полночь тихо растворяется дверь и является уже не больная обвязанная странница, а мужчина с ножом, требует денег и всего, что она имеет. В ужасе больная отдает кошелек, часы, а более, говорит, у меня ничего нет. Он приступает с ножом, и Господь покрывает Свою рабу: она видит внутренним оком, что покровитель ее, Святитель Николай, около нее и не допускает руке убийцы поразить ее. Так продолжалось всю ночь; наконец злодей опустил нож и говорит: «Что ты за человек? Не могу убить тебя; меня одолевает страх. Скоро утренняя, я опять переоденусь, а ты вели своей прислуге выпустить меня» <...> Я, кажется, первая пришла к ней после страшного происшествия; при мне приехала Е. А. Муханова и предложила переселиться к ним в дом... С этих пор дружба их, основанное на чувстве благодарности и желании Екатерине пользы душевной, а с другой – удивления, благоговения и безотчетного влечения к болящей, сделалось теснее и теснее. И я ходила в дом Мухановых к Юлии... с Екатериною сошлись сердцем, сосредоточив любовь нашу в общем сокровище»¹.

Дом Мухановых находился на углу Остоженки и Ильинского переулка, в приходе церкви Воскресения. После отъезда братьев Николая и Владимира Мухановых в заграничное путешествие для Юлии Николаевны были отведены их освободившиеся комнаты наверху. По рассказам лиц, живших в доме Мухановых и помнивших Юлию болящую, она жила там очень замкнуто и только в редких случаях показывалась. Лицо ее никогда не могли распознать, потому что она покрывала его густым вуалем. Она была так худа, что лакей ее, как ребенка, сносил с крыльца или принимал из кареты.

В письмах братьев Мухановых к сестрам из путешествия очень часто встречаются упоминания об Юлии Николаевне (письма эти находятся в собрании материалов для истории Воскресенского Остоженского прихода: письма В. А. Муханова из Остенде от 17 августа 1846 г. и письма Н. А. Муханова из Парижа от 24 сентября 1847 г.). В них они или спрашивают о ее здоровье, или выражают заботу о ее материальном обеспечении, поручают сестрам просить ее молитв за них и за других лиц или передать ей поклонны и благодарность за благорасположение. «Вы мало пишете о Юлии Николаевне. Каково ее нынче здоровье? Поклонитесь ей и скажите, что мысль моя часто завертывает в ее светлый уголок» (письмо В. А. от 17 августа 1846 г.). «Дорогая К.! Вы мне ничего не ответили относительно денег Юлии. Я вам задал ряд вопросов по этому поводу и хотел

---

¹ *Памятные записки...* С. 332.

бы знать: обеспечена ли она деньгами до моего возвращения? Если нет, то я могу прислать вам денег отсюда, напишите. Передайте ей с моей стороны все мое расположение и добрые пожелания и чтобы не забывала в своих молитвах». «Теперь попрошу вас передать убедительную просьбу мою Юлии Николаевне, особенно прошу об этом милую Екатерину. Один приятель наш черств и сух духом, и от того в унынии. Он просит, чтобы о нем молились. А у кого просить молитв, как не у нашей благочестивой страдальницы? Пускай же помолится о рабе Божиим Александре и о упокоении душ его родителей Петра и Марии. Бог наградит ее за это» (1846 г.).

Для предоставления Юлии Николаевне большего спокойствия Е. А. Муханова купила для нее на свое имя недорогой, но весьма приличный домик на Молчановке, в котором и поселилась болящая: «Это был большой праздник и утешение видеть ее спокойно помещенную... Муханова ежедневно от 7 до 10 часов вечера проводила с ней... я, грешная, как выпадет свободная минутка, бегу к ней же. Часто, слушая мои рассказы о семейных наших столкновениях, она журила меня за нетерпение и раздражительность... Советы ее всегда были полны рассуждения и мудрости»¹. В последние три года болезненное состояние Юлии Николаевны усилилось. У нее развилась чахотка. Лето 1857 года Юлия Николаевна провела на даче в Перерве, купленной на средства митрополита Филарета. Дачная жизнь не поправила ее здоровье: в Москву её привезли умирающей и 26 ноября 1857 года Юлия болящая скончалась.

Близкие к Юлии Николаевне лица понесли тяжелую утрату. Монахиня Евгения вспоминала: «Описать трудно, что чувствовало мое бедное сердце! во мне как-то все замерло, и мне казалось, что и не слишком жаль ее. А везде было пусто и ничтожно, ни от кого ничего я не ожидала, ко всему я равнодушна! Когда явилась с поздравлением от обители ко святителю [Филарету] и едва успела его увидеть, я восчувствовала всю скорбь свою, ибо знала, что он поймет ее, сама не помню, как упала к стопам его с горькими слезами, говоря, что теперь он один у меня отец и наставник...»².

Юлия Николаевна Петрова похоронена в Новодевичьем монастыре. Там, против алтаря соборного храма, среди богатых мавзолеев находится скромный памятник из черного мрамора в виде высокой четырехугольной плиты с полуциркульным верхом с крестом. На одной стороне памятника, обращенной к востоку, вырезана следующая надпись: *По множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 3, 19). «Помяни, Господи, многоболезненную Юлию».

¹ *Памятные записки...* С. 333.

² Там же. С. 350.

Р. S. Мать Евгения, тогда еще монахиня Аносина монастыря, прибыв к погребению Юлии Николаевны, читала над нею Псалтирь (из воспоминаний Е. А. Васильевой).

Краткая записка о болящей Юлии, составленная близко знавшей ее Прасковьей Алексеевной Мухановой

В начале сороковых годов, не помню хорошо, в 1841 или 1842 году, приехала из Харькова бедная больная, здесь никому не известная, под именем Юлии Николаевны Петровой и поместилась за Москвой-рекой в очень небольшой квартире. При ней был младенец, мальчик Николай, незаконнорожденный, мать которого уговорила Юлию взять его на воспитание, обещая давать средства на содержание своего сына, что, однако, не исполнила. Эту помощь она передавала тайно, потому что была известного круга и скрывала свой поступок. Отказаться Юлии не было возможности, потому что бывши еще до приезда своего из Харькова на Кавказе, на водах, она встретила с этой дамой, гораздо старше ее годами, и она значительно помогла ей денежно и тем дала ей возможность доехать с Кавказа до Харькова. Юлия, объявляя ей свою глубокую благодарность, сказала, что рада была бы и со своей стороны оказать ей какую-либо услугу, но находясь в бедности и не имея ни знакомых, ни покровителей, ничем не может явить ей свою признательность. Та на это отвечала, что кто знает? Может, иногда и бедные люди могут тоже помочь богатым, если истинно возымеют на это усердие. Больная и молодая Юлия, не имея еще никакой опытности в жизни, признала это за деликатное уклонение от изъявленной ей благодарности. Позднее, уже в Харькове, она получила письмо, где вышеупомянутая дама убедительно просила ее не отказываться принять на воспитание ее новорожденного сына, напоминая ей ее собственные слова, сказанные на Кавказе.

Этот младенец причинил Юлии много горя, навлекая на нее самые неприличные подозрения, тем более, что при нем и бумаг-то никаких не было, так что в Москве многие, кто прежде покровительствовал ей, отвернулись от нее. Не знаю, сколько времени оставалась она в Харькове, но лечилась у многих докторов от ужасных судорог и корчей, с которыми она и сюда приехала и которые приводили ее в такое состояние, что она часто падала с кровати на пол и здесь начиналось ясновидение и разговор с невидимыми благодатными силами, что частью пересказано в дневнике покойной сестры моей Екатерины, познакомившейся с нею в 1843 году. В Ахтырке она была на духу у игумена Сергия (Измайлова)¹, впоследствии архимандрита, и принесла ему полную исповедь свою. Она

---

¹ Первый настоятель возрожденной Ахтырской обители Сергий (Измайлов), с 1859 г. архимандрит. †1863 г.

без умиления впоследствии не могла о нем вспоминать. Он советовал ей, чтобы она никому не открывала тайну сверхъестественного своего положения, говоря, что многие священники не поймут этого состояния.

В Москве она избрала себе в духовники Сергея Григорьевича Терновского, который в течение десяти лет ее здесь жительства был постоянным ее духовником. Мы ее узнали за Москвой-рекой, в приходе Иоанна Воина, но через некоторое время покойная сестра моя Екатерина, которая очень с нею сблизилась, купила ей маленький домик на Молчановке, где Юлия скончалась в 1853 году.

За несколько лет до смерти она взяла второго ребенка, девочку, которую ей подкинули на крыльцо в глубокую осень. При втором младенце была Иверская икона Божией Матери, тонкие пеленки, часы дамские и письмо, где обещали вскоре взять младенца обратно, надеясь на счастливый брак, но это никогда не состоялось, а хлопот с ребенком было много, хотя нарекания и клевета уже не так преследовали болящую Юлию, потому что те, кто ее знал, видели, что это была мученица-страдалница, часто не владевшая ногами.

Наконец, по мере уменьшения судорог и корчей, у нее развилась скротечная чахотка, соединенная с водянкой, что и прекратило дни ее.

Ее отличительными христианскими чертами были незлобие и благотворительность: все, что получала от пожертвователей, она разделяла с неимущими, оставляя себе только самое необходимое, говоря, что данное ей – не ее, а дар Божий, принадлежащий беднейшим. Скончалась она в 1853 году 26 ноября. Последнюю исповедь ее принял священник Иоанн Михеевич Борзеновский (прихода святого Иоанна Воина, что за Москвою-рекою), находившийся при ней в последние минуты, ибо за близостью кончины не успели бы послать к Серпуховским воротам за ее духовным отцом. Отпевали ее в приходе Ржевской иконы Божией Матери, где мы были всей семьей. Похоронили в Новодевичьем монастыре, около алтаря летней церкви. Памятник черный с крестом.

Еще должна прибавить, что в минуты облегчения от страданий она занималась живописью. У меня и у некоторых лиц сохранились образа ее письма, большей частью изображения благословляющего Спасителя и святителя Николая.

Москва, 22 ноября 1903 г., священник Миловский

ОТ КЛАССОВОГО – К ИСТОРИЧЕСКОМУ НЕРАВЕНСТВУ: ПАСЫНКИ «ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ»

Важно не то место, которое мы занимаем,
а то направление, в котором мы движемся.

Л. Толстой

Современная социальная философия парадоксальным образом возвращается к старому гегельянскому делению народов на исторические и неисторические. Это связано с кризисом прежней формационной теории, по-своему утвердившей историческое достоинство народов тем, что признавался универсальный, действующий независимо от культурнорегиональных и этнических различий вселенский формационный код.

Сторонники нового социокультурного детерминизма установили, что способностью к закономерной внутренней динамике обладает лишь одна из множества существовавших на Земле цивилизаций – западная. Только ей удалось вырваться за пределы циклического времени «вечных возвращений» в линейно-кумулятивное время, получившее название исторического прогресса. Одновременно только за нею признана способность ко всемирному распространению и образованию единого планетарного пространства.

Но это означает, что другие, незападные народы стоят перед жесткой дилеммой: они либо обречены на тотальный застой, который может быть приемлемым и не сознаваться как недостаток в изолированном существовании, или рядом с себе подобными, но становится невыносимым в ус-

---

Панарин А. С. (26.12.1940 – 25.09.2003) – русский философ, критик глобализма. Окончил философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и аспирантуру, достиг значительных высот в научной сфере: доктор исторических наук, заведующий отделением теоретической политологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, директор Центра философских исследований Института философии РАН, действительный член 5 академий, в том числе Нью-Йоркской Академии Наук.

А. С. Панарин написал более 250 научных работ, в т.ч. 18 крупных монографий и книг. Наиболее значимые из них: «Политология», «Глобальное политическое прогнозирование», «Православная цивилизация в глобальном мире», «Агенты глобализма» (позднее эта работа целиком вошла в книгу «Искушение глобализмом», за которую учёный удостоился Солженицынской премии) и, наконец, «Стратегическая нестабильность в XXI веке».

Печатается по: *Панарин А.С.* Россия в циклах истории. М.: Изд-во МГУ, 1999. 288 с.

ловиях присутствия динамичного и процветающего «другого»; либо на то, чтобы следовать путями чужой истории, проторенной западным авангардом. В чужой истории мы, разумеется, не у себя дома. В этом смысле встреча других цивилизаций с Западом означает роковое отчуждение – обязанность жить по чужой, заемной мерке.

Такая история неизбежно оказывается затратной и волюнтаристичной, ибо следование чужим образцам требует интерпретации, всегда несовершенной и произвольной. Эту интерпретацию, как правило, осуществляют реформационные элиты, направляющие процесс модернизации. Зачастую они запрашивают непомерную власть, ибо если пребывание в собственной истории является естественным и безыскусным, то следование чужой дается лишь перманентными усилиями и понуканиями.

Н. С. Трубецкой одним из первых раскрыл всю драматичность догоняющего развития и всю тщету его: «...оказывается, что культурная работа европеизированного народа поставлена в гораздо менее выгодные условия, чем работа природного романо-германца. Первому приходится искать в разных направлениях. Тратить свои силы над согласованием элементов двух разнородных культур, над согласованием, сводящимся большей частью к мертворожденным попыткам; ему приходится выискивать подходящие друг к другу элементы из груды ценностей двух культур – тогда как природный романо-германец идет верными путями, проторенной дорожкой, не разбрасываясь и сосредоточивая свои силы лишь на согласование элементов одной и той же культуры... Как человек, пытающийся идти в ногу с более быстроходным спутником и прибегающий с этой целью к приему периодических прыжков, в конце концов неизбежно выбьется из сил и упадет в изнеможении, так точно и европеизированный народ, вступивший на такой путь эволюции, неизбежно погибнет, безцельно растратив свои национальные силы. И все это – без веры в себя, даже без подкрепляющего чувства национального единства, давно разрушенного самим фактом европеизации»¹.

Александр Сергеевич Панарин

¹ Трубецкой Н. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 91, 97.

Кроме того, следование концепции догоняющего развития всегда сопровождается скрытым комплексом неполноценности и вины. Это может быть и вина перед собственной, прерванной и поруганной традицией (реформаторы не могут просто оставить ее в покое, им надо ее дискредитировать), и вина, связанная с несовершенством интерпретации и заимствованием чужого опыта. Словом, печать трагической искусственности лежит на мировой истории с тех пор, как в нее включился плагиаторский механизм заимствования. Такая история сопровождается метафизическим сомнением, а в случае тяжелых жертв и периодическими протестами. Прежде эти протесты носили характер классового бунта тех, за счет кого затратный исторический процесс осуществляется. Ален Турен описал его на примере так называемых «исторических обществ». Согласно ему, отличие исторических обществ от неисторических напоминает различия простого и расширенного воспроизводства. Простое воспроизводство стереотипно, тогда как расширенное требует усилий накопления. Этого же требует историческая модель: она означает переход от спонтанности потребления к вынужденности накопления. Естественная установка означает: я произвожу столько, сколько могу потребить и я потребляю столько, сколько произвожу. Историческая установка требует производить больше того, что требуется для поддержания существования, а потреблять значительно меньше того, что произведено, а нередко и меньше того, что требуется для нормальной жизни. Отчужденный излишек отдается Молоху накопления или прогресса.

Отсюда и новый характер власти исторических (т. е. модернизирующихся) обществ. Власть нужна для того, чтобы обеспечить этот переход от спонтанности потребления к искусственности накопления. В отличие от классической политической экономии, устанавливающей зависимость накопления от роста производительности, теория модернизации устанавливает зависимость накопления от возрастания насилия: чем выше власть класса модернизаторов над обществом, тем большая доля общественного богатства может быть изъята из народного потребления и отдана накоплению. Следовательно, между благополучием Повседневности и запросами Истории устанавливается своего рода игра с нулевой суммой: чем больше затребовано Историей, тем скуднее и безрадостнее Повседневность.

В социальной философии мы наблюдаем кризис классической картины мира, связанной с историческим процессом. Классика основывалась на следующих постулатах, которые можно назвать постулатами исторической рациональности:

а) историческое развитие является имманентным процессом, следовательно, в истории мы – у себя дома. Это не означает, что история лишена

коллизий и даже трагедий, но эти коллизии и трагедии заслужены нами – они суть проявления нашего характера и нашей судьбы;

б) в истории действует механизм согласования общественной эволюции: разные сферы общественной жизни развиваются как согласованный ансамбль. В школах классического эволюционизма эта согласованность интерпретируется по аналогии с целостностью живого организма, в детерминистских – как соответствие надстроечных форм основополагающим, базисным;

в) история разумна, ее движение имеет законченный антропоморфный смысл. Во-первых, это проявляется в том, что историческая драма имеет счастливый финал, возникающий не в форме чуда, а в форме неуклонного телеологического продвижения, согласно объективной программе. Во-вторых, в том, что исторический прогресс проявляется не только в своей высшей финальной точке; он верифицируется и как последовательное улучшение нашей повседневности (уровня и качества жизни). Прогресс, таким образом, объединяет два жанра: жертвенно-героическую коллективную эпопею и мещанскую драму, благодаря которой в истории реализует себя и маленький человек, ориентированный на цели повседневного благополучия. Поэтому вера в прогресс объединяла и революционных апокалиптиков и реформаторов, адептов теории малых дел;

г) Большая История словно Господь Бог равно благосклонна и к большим и к малым народам, и к центру, и к периферии: в ней действует не ветхозаветный принцип избранного народа, а новозаветный принцип спасения всех. Эта этническая нейтральность прогресса предопределила тот факт, что он стал прерогативой философов, экономистов и социологов, а не культурологов, религиоведов и этнологов.

История XX века разрушила эту гармонию классики и поместила нас в принципиально иную картину мира, до сих пор не выраженную в согласованных терминах новой социально-исторической теории.

Первая из травм, которую нанес XX век гуманистическому историзму классического типа, – это выяснение неимманентного характера исторического процесса. Он не является ни закономерным итогом внутренних противоречий, ни результатом выстраданного народного решения. В свое время В. Ленин сформулировал принцип нового неравенства людей перед Историей. Оправдывая захват власти большевиками – партией меньшинства, получившей на выборах в Учредительное собрание всего 24,5% голосов, он заявил: «Сколько бы мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами., не разбивали себе лба перед богинями “равенства”, “всеобщего голосования”, “чистой демократии” или “последовательной демократии”, от этого не исчезнет экономи-

ческий и политический факт неравенства города и деревни... Город не может быть равен деревне... Город неизбежно ведет за собой деревню»¹.

Учитывая, что русский народ в большинстве своем был представлен деревенским населением, лидер большевизма тем самым устанавливал новые, неведомые классике отношения между народом и историческим прогрессом: прогресс не представляет собой самореализацию народа в историческом времени и осуществление его чаяний, его механизмы выходят за рамки народного здравого смысла и народных стремлений. И в теоретическом, и в практическом смысле прогресс становится делом особой элиты.

Появляется особая научная теория, которая носит эзотерический характер (рабочий класс не может выработать «правильное социалистическое сознание», оно привносится в его среду извне). На практике прогресс становится делом авангарда, роль которого быстро перецпала от пролетарского меньшинства к куда более узкому меньшинству – к партии нового типа.

Ленинскую теорию относят сегодня к тоталитарной «экзотике», противостоящей нормальному либерально-демократическому взгляду на историю. Однако в одном очень существенном пункте ленинизм и либерализм совпадают: в своем понимании процесса модернизации как навязанного народу сверху просвещенческим авангардом. Еще раз вспомним постулаты классики (и либеральной, и марксистской): она предполагала, что прогресс есть не что иное, как жизнь народа в истории. Чаения народа и требования прогресса – это разные формы выражения одной и той же сути. Поэтому-то и в политическом отношении народ выступал сувереном: его воля, выраженная в электоральной или какой-то другой форме, не может оспариваться от имени прогресса – она и есть субъективная форма выражения объективных требований последнего.

Но вскоре теория прогресса подвергается антидемократической деформации, причем независимо от того, имеем ли мы дело с его революционаристской версией, ориентированной на социальные перевороты, или с технократической версией, ориентированной на научно-технические перевороты. В обоих случаях прогресс становится делом авангарда – революционного или технократического, навязывающего свою модернизаторскую волю косному меньшинству. В частности, теория модернизации, получившая особое развитие во Франции как социальная философия Пятой республики, прямо постулирует новый статус народа как объекта модернизаторской воли реформаторов.

Чаения народа и желание Прогресса далеко разошлись в стороны, и поскольку авангард отныне служит не народу, а Прогрессу, его отноше-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 5.

ние к народу откровенно портится. Надежды возлагаются на элиту, которая знает «подлинные» интересы народа лучше, чем сам народ, и которую поэтому надо вывести из-под контроля народа. В этом – причина той критики, которой подвергли русские большевики «формальную демократию», а французские модернизаторы – «республику депутатов», призывая заменить ее «республикой экспертов».

Отношение обоих типов «авангарда» к народу непрерывно ухудшается. Если демократическая классика видела в народе политического и исторического суверена, сознание которого не противоречит «историческому разуму» или высшим императивам Прогресса, то постклассическая теория прогресса в лучшем случае видит в народе объект своей благотворительной воли, в худшем – темную неразумную массу, менталитет которой является главной помехой прогрессивным преобразованиям.

Следует сказать, что такое изменение отношения к народу отражает динамику идеологии Прогресса не только во времени, но и в пространстве. Можно говорить в этой связи о специфической геополитике Прогресса, отделяющей пространство либерально-демократической классики от постклассического «демократического тоталитаризма». Именно в англо-американском регионе конфликт между народным «молчаливым большинством» и механикой исторического прогресса минимален. Прогрессистские учения здесь меньше напоминают эзотерическую мистику «авангарда» и больше сближаются с эмпирикой обыденного народного здравого смысла, пользующегося такими всем доступными критериями, как динамика заработной платы и доходов, социальное страхование и пр.

И марксисты и либералы находят в этом регионе свою референтную группу: рабочий класс для одних, средний класс – для других. Повседневная жизнь и чаяния этих групп в целом совпадают с интенцией самого Прогресса (соответственно в социалистическом и либеральном его истолковании). Но чем дальше мы уклоняемся от этого благодатного региона, где плоды Прогресса растут в открытом грунте повседневности, не требуя высоких технологий модернизаторства, тем больше расходятся в стороны Большая История и народная повседневность.

Уже во Франции и в Германии Прогресс демонстрирует свой авторитарно-эзотерический характер, больше проявляясь в инициативах просвещенного элитизма, чем в повседневных народных инициативах. А как только мы пересекаем границу Центральной Европы, Прогресс начинает демонстрировать нам свою геополитическую и этническую избирательность. Он теряет характер этнически нейтральной общедоступной механики и все больше выступает как импортируемый продукт, культивация которого в местной почве требует особого реформационного искусства.

Поэтому идеология и практика Прогресса обретают все более авторитарный характер: они все менее совпадают со стихийными народными устремлениями и все больше выступают как элитарная социальная инженерия – искусство выращивания из туземного сырья новых людей и новых порядков.

В России этот разрыв между местным этническим материалом и тем, чего требуют высокие технологии прогресса, достигает максимальных величин. Носители прогрессизма, как революционно-пролетарского, так и либерального, все больше проявляют черты внутреннего расизма и колониализма: они чувствуют себя полшредами Прогресса в чужой и иногородной стихии. Поэтому они не стесняются периодически заявлять, что главный враг – в своей собственной стране, а противостоящее им большинство народа называть то антисоциалистической мелкобуржуазной стихией, то красно-коричневой антидемократической массой.

Сама всемирная история, взятая в этой парадигме, обретает форму планетарной геополитики авангарда – пролетарского или либерального. Для такого авангарда окружающий мир народов и культур выступает не иначе как объект переделки в заранее определенную форму, характер которой раскрывает очередное великое учение. Социально-политическая и историософская эволюция авангарда, взявшегося осчастливить тот или иной народ, имеет типологические черты. Сначала марксистский или либеральный авангард преисполнен оптимистического благодушия. Он обещает своей пастве, что воздвигнет новый строй – социализм или либерализм – в кратчайший исторический срок, что предначертано самими законами истории. Этот период общедемократических иллюзий авангарда отмечен известными побрякками и кредитом доверия в отношении народного большинства.

Но очень скоро – после первых провалов своих социальных экспериментов – общедемократические иллюзии испаряются, и авангард преисполняется ненавистью и презрением к большинству населения собственной страны, оказавшемуся непригодным для столь высоких замыслов. После этого авангард замыкается в себе, его решения все больше обретают эзотерическую форму закрытых партийных собраний или масонских лож, а для публичного озвучивания заранее принятых решений привлекается масса пропагандистов-имиджмейкеров. Не имея надежной социальной базы внутри страны – ибо вместо осчастливленного народа имеет перед собой экспроприированное и разочарованное большинство, – авангард ищет опору на стороне. Так постепенно формируется идеология пролетарского интернационализма или либерального мондиализма, неустанно изобличающая «социал-шовинистов» или «национал-патриотов».

Деятельность авангарда, достигшего стадии внутреннего расизма, становится прямо-таки социально опасной. Видя в большинстве ненавистную реакционную («мещанско-мелкобуржуазную» или «антидемократическую») массу, авангард всеми силами стремится расчлнить ее, лишить способности к самовыражению и политической самодеятельности. Исторический опыт показывает, что авангард в известных случаях способен и на прямой геноцид в отношении большинства – в особенности, если его нетерпимость подпитывается какими-то старыми социальными или национальными обидами.

Примечательно, что экспроприаторские инициативы авангарда в отношении собственного народа далеко выходят за рамки того, что позволяли себе прежние социальные угнетатели и даже иностранные порабитители. Авангард не довольствуется тем, что перекладывает социальные издержки своих умопомрачительных экспериментов на плечи незащитного населения. Он посягает не только на имущество и экономическую независимость подопечных слоев, но и на их личное и национальное достоинство, подвергая всяческому поношению уклад, историческую традицию, менталитет, образ жизни. Словом, он посягает на идентичность и достоинство – ценности, которые всякий возмужавший народ ставит выше материальных благ и гарантий.

И поскольку речь идет в данном случае о противостоянии прогрессистского меньшинства, задумавшего монополизировать самое Историю, и большинства, которое лишают права самоопределяться в истории в соответствии со своими культурными традициями и интересами, то впору говорить о коллизии всемирно-исторического характера. Классический либерализм в свое время поставил задачу политической демократизации власти – ее подотчетности электоральному большинству. Социалистическое и синдикалистское движения поставили другую задачу – демократизацию собственности и обеспечение социальных гарантий. Сегодня же стоит задача демократизации самого исторического процесса – освобождение народов из-под опеки «авангардов», навязывающих им тягчайшие социальные эксперименты от имени очередного «великого учения».

Негодование против узурпаторов исторического процесса затрагивает не только социальное тираноборческое чувство; оно служит источником и теоретико-методологического беспокойства: можно ли снизить опасный волонтаризм новейшей истории, оказавшейся столь подвластной доктринерским вывертам политико-идеологических элит? Можно ли найти в современном историческом процессе более основательную и в то же время более человечную логику, чем умозрения старого и нового прогрессизма?

Как говорил Гегель, «в принципе развития содержится и то, что в основе лежит внутреннее определение, существующая в себе предпосылка, которая себя осуществляет»¹. Данный императив гегелевской историософии имеет и нравственное содержание, относящееся к защите исторического достоинства народов, имеющих право на собственную историю, и теоретико-методологический характер.

Сегодня жертвой навязанной извне истории чувствует себя практически весь не-Запад, испытывающий на себе историческое давление Запада, вовлекшего мир в собственную прометееву авантюру и с порога отвергающего всякие попытки переосмысления исторического процесса с других позиций. Теперь движения за национальное самоопределение и суверенитет народов далеко выходят за рамки тех объяснений, которые предлагали экономикоцентричные теории западного происхождения: борьба против колониальной эксплуатации, империализма и пр. Ибо Запад, объявивший всемирный поход за окончательную вестернизацию мира, посягает тем самым не только на ресурсы других континентов. Он посягает на капитал, носящий сверхэкономический характер, – на неохватное культурное достояние, обретенное народами в ходе их тысячелетней истории.

Мышление, чувствительное лишь к материальным обретениям и потерям, может посчитать эту проблему второстепенной по сравнению с проблемами экономической недоразвитости. Однако если отдавать себе отчет в том, что культура есть кладовая таких богатств, источник таких спасительных альтернатив и новшеств, о которых современное поколение может даже не подозревать, то посягательство на заложенную в истории народов многообразную логику культуры может быть оценено как опаснейшая из всех исторически известных экспроприаций. Похищенное богатство может быть восстановлено, если культура сохраняется; напротив, любое богатство не спасет народ от банкротства, если иссякли культурные источники его бытия и подорвана его идентичность.

Ален Турен, размышляющий над противоречиями и конфликтами периода новейшей модернизации во Франции (1958 – 1970 гг.), пришел к выводу, что классовая борьба нового типа – это борьба за право направлять исторический процесс: «Таким образом, классовый конфликт не может быть определен иначе, чем борьба за самую высокую из всех возможных ставок – право определять направление исторического процесса»².

Ясно, что такая борьба за историю неминуемо будет обостряться по мере того, как идеология и технология (социальная инженерия) Про-

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. М; Л., 1935. Т. 8. С. 52.

² Tourain A. *Produktion de la société*. P., 1973. P. 12.

гресса начинают питаться не из собственных национальных, а из внешних источников. Вот почему она так обострена в современной России. Одним из ключевых понятий философии истории является историзм. Сегодня, при идеологической гегемонии либерализма, историзм получил значение бранного слова, выражающего утопическую веру в большую Историю и связанную с ней необходимость жертв во имя призрачного будущего. Тяжесть исторического финализма и вытекающей из него психологии жертвенности во имя «светлого будущего» мы испытали на себе в течение 70 лет. Мы теперь знаем, какими последствиями чреват соблазн исторического финализма, – хотя это вовсе не дает гарантий от того, что мы снова поддадимся ему, если он явится к нам в какой-то обновленной форме. Возможно, исторический финализм является столь же необходимой антропологической иллюзией, как и юношеская вера в счастье у каждого нормального человека. Народам приходится действовать и рисковать в истории: можно ли это делать без веры в успех? [...]

Прежний историзм страдал неизлечимым преформизмом – он полагал, что будущее уже заложено в прошлом. Современная постклассическая картина мира открывает нам совсем другие процессы, при которых будущее вовсе не является предопределенным итогом предшествующих событий (причин). Здесь делается акцент как раз на том, что в точках бифуркации детерминистское описание вообще становится непригодным: одно и то же событие (причина) способно стать толчком развития альтернативных сценариев. Многие роковые неудачи и трагедии XX века были связаны именно с тем, что реформаторы действовали так, будто находятся на эскалаторе гарантированной истории: с каждой новой ступенью плохие события становятся все менее вероятными, хорошие – все более вероятными. Они полагали, что главное – расправиться с проклятым прошлым, а будущее гарантировано непреложными закономерностями прогресса. Если бы они знали, что на самом деле пребывают не во Вселенной Маркса, а во Вселенной Винера, где наиболее вероятным состоянием является не порядок (в моральном и социальном смысле), а хаос, тогда бы они не были так беззащитны в своих расправах с прежним, обжитым порядком. Итак, как же происходят перерывы нормального хода вещей – исторические сдвиги?

Воспользуемся образом классической механики: чтобы вывести тело из состояния покоя или равномерного прямолинейного движения, необходимо приложить силу. В обществе такой силой является власть. Европейская социальная теория различает три вида власти: духовную, политическую, экономическую. Когда эти власти были нерасчленены (случай древних восточных цивилизаций), исторические процессы, если не считать иноземных вторжений извне, совпадали с космическими. Только

истощение ландшафта приводило к тому, что прежние усилия не давали привычных результатов и, таким образом, в общественную жизнь вторгался механизм изменений.

Но уже в «осевое время» появления великих мировых религий происходит разделение политической и духовной власти. Центры мировых религий – в отличие от прежних, племенных – не совпадают с местными центрами политической власти. Как показал А. Тойнби, мировые религии становятся зародышами цивилизаций – систем, соединяющих многочисленные этносы данного мирового региона в единое пространство. И в первую очередь это пространство является духовным – относящимся к единым морально-религиозным нормам и ценностям. Между политической и духовной властью возникают противоречия.

Духовная власть, высвобожденная из-под влияния местных авторитетов, получает гигантский импульс в своем развитии. Возникают понятия высших целей, высшего долга, высшей справедливости – всего того, что выходит за рамки возможностей и забот политической власти. Так в истории закладывается продукт духовного брожения: между целями, касающимися нормального функционирования общества, и высшими целями появляется роковой зазор.

Следующий шаг в формировании механизма общественно-исторического самоопережения человечества был сделан в античности, где впервые появляется институт частной собственности – гарантированных от государственных экспроприаций владений частного лица. Так формируется еще один тип человеческой мотивации, связанный с целями личного обогащения. В обществе появляются три автономно действующие силы: духовная, политическая и экономическая. Разумеется, эта автономия относительна: без известной согласованности действий этих сил нормальная социальная жизнь была бы нарушена. Она и в самом деле периодически нарушается, как только развитие любой из указанных сил выходит за рамки минимальной согласованности. [...]

Но если это так, то не следует уповать на то, что вышеуказанный компенсаторный механизм в истории утратит свою силу. В самом механизме человеческого целеполагания заложена неизбежность отрыва высших целей от низших. Как пишет А. Тойнби, «парадоксальным, но глубоко истинным и важнейшим принципом жизни является то, что для того, чтобы достигнуть какой-то определенной цели, следует стремиться не к самой этой цели, но к чему-то еще более возвышенному, находящемуся за пределами данной цели»¹.

---

¹ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 515 – 516.

Большого воодушевления вообще нельзя достичь, оставаясь в плену сугубо эмпирических целей. Можно, разумеется, поставить вопрос о самой необходимости такого воодушевления. Но здесь следует напомнить: если мы согласны с тем, что в обществе непрерывно возрастает значение творческого труда, то нам придется реабилитировать воодушевление, ибо без него творческий труд невозможен. Пожалуй, можно согласиться с тем, что воодушевление увеличивает рискованность нашего бытия, как увеличивает его и само творчество. Такой тип риска вообще указывает на отличие человеческого существования от гарантированной стереотипности животной жизни. [...]

Нам представляется, что так называемые переходные эпохи – периоды интенсивного творчества «новой истории» – являют собой одновременно и результат усилившейся рассогласованности духовной, политической и экономической властей, и их чрезвычайное усиление. Парадокс исторического творчества, по-видимому, состоит в том, что, когда указанные типы власти действуют согласованно, настоящее творчество исключается; когда же растущая рассогласованность отпускает на волю связанные с ними силы, творчество вступает в свои права, но при этом порождает результаты, которые в принципе не совпадают с ожидаемыми.

Дело в том, что рассогласованность трех типов власти провоцирует нередуцируемый эффект неопределенности – бифуркационные вихри. Сценарий любой переходной эпохи можно представить таким образом. Достигшая степени чрезмерной автономии, духовная власть вступает в оппозицию с двумя другими. Такая оппозиционность обусловлена не только конкретными социальными причинами, но принадлежит в принципе к имманентным предпосылкам данного типа власти. Те представители духовной власти, которые исправно служат социальному статус-кво, могут пользоваться большими материальными привилегиями и покровительством власть имущих, но их духовный авторитет неминуемо падает: им не внемлют, они не воодушевляют, а вызывают скуку или раздражение. [...]

Но как только духовная власть – эта церковь современного мира – отлучила режим, он теряет своих нелицеприятных приверженцев, а поддержка конъюнктурных прагматиков имеет свои понятные границы. Духовная власть легитимирует перемены, снабжая ниспровергателя прежнего порядка великим моральным алиби. Но настоящего мобилизующего эффекта она достигает тогда, когда ее великому моральному негодованию соответствует и масштаб исторического обетования: ради мелких приобретений в авантюру Большой истории люди обычно не ввязываются. [...]

В такой логике действует духовная власть. Но к реальному историческому процессу подключаются две другие силы, иницирующие, соответ-

ственно, образование новых собственников и новых власти предержавших. Их логика и их интересы весьма редко – и то лишь на время – совпадают с вдохновительными целями, заявленными «клиром». Драма истории разворачивается как столкновение высоких страстей, разбуженных духовной властью, и низких страстей, связанных с присваивающими инстинктами. Последним только в редких случаях (как, например, сегодня в России) бывает позволено раскрыться в собственном виде. Чаще всего они обретают превращенные формы. [...]

Но сюда еще добавляется третий вектор, связанный с логикой самоутверждения политической власти. Политическая власть балансирует между двумя предыдущими. Политика лишается вдохновляющих идей и ярких характеров, если не питается из высших духовных источников.

Сильная политика – та, что вдохновляется защитой слабых. Но это диктуется и прагматическими соображениями политической власти. Экономически сильные часто тяготеют к ее опеке и стремятся низвести ее до роли собственного департамента. Поэтому своих головокружительных высот политическая власть достигает тогда, когда нейтрализует сильных, эксплуатируя чувства и ожидания слабых. В то же время реальная инфраструктура и ресурсы власти формируются при соучастии «сильных», представляющих не ее идейную, а ее функциональную сторону. [...]

Так, политическая власть не может просто реализовывать исторические программы власти духовной. Если политика устремляется в заоблачные дали того или иного вдохновительного мифа эпохи и подвержена соответствующему максимализму, она теряет реалистический характер и может стать по-настоящему опасной. Собственно тоталитарные движения XX века и основаны на всецелом подчинении политики великому мифу: те, кто претендуют, ни больше ни меньше на то, чтобы устроить рай на земле, непременно увлекут нас в ад.

Политика, таким образом, должна строиться на здоровом прагматизме и эмпиризме. Она, с одной стороны, не теряет из виду великих целей, заявленных духовной властью века («великими учениями», идеологиями, принципами социальной справедливости), с другой – не должна терять твердой почвы и быть искусством возможного. Утрата политикой своей автономной логики и ее всецелое подчинение духовной власти чревато срывами в фундаменталистскую архаику новых теократий.

Другую крайность представляет превращение духовной власти в служанку двух других властей, в особенности экономической. В истории эта тенденция нередко рождается в ответ на крайности предыдущей фундаменталистской фазы. [...]

Из мира исчезает столь необходимое ему духовное измерение, что ведет к чудовищной духовно-нравственной деградации жизни. Порок отныне не маскируется, а громогласно заявляет о своих правах. Ясно, что это грозит подрывом самих основ цивилизованного существования, провалом в социал-дарвинизм. Поэтому обществу предстоит восстановить статус духовной власти как мобилизующей и нормообразующей силы, корректирующей действие других социальных сил.

Надо сказать, что духовная власть стала мишенью современной либеральной критики не только за ее тоталитарно-фундаменталистские соблазны. Она вызывает и методологическое раздражение сторонников рациональной истории. Дело в том, что именно она в первую очередь усложняет исторический процесс, искривляя его логику, связанную с превосходством экономически и политически сильных над слабыми, передовых – над отсталыми, развитых – над развивающимися. От духовной власти исходят источники тех парадоксов мировой истории, когда именно «кроткие» наследуют землю, когда великие формационные инициативы и новации исходят не от центров, а от мировой периферии, а отставшие и побежденные опережают преуспевших победителей.

Драма современного либерализма состоит в том, что он сегодня выражает позицию победителей, а в сфере духа это – сомнительное преимущество. Либерализму изменила великая интуиция всех больших идеологий, связанная с парадоксами христианского обетования «нищих духом». Он стал откровенно служить сильным и преуспевшим и тем отлучил себя от источников великого духовно-религиозного вдохновения. Либерализм постоянно клянется в верности индивидуализму. Но не мешает всерьез задуматься: какие именно факторы обеспечивают статус личности как «держателя мира» – первоисточника социального развития?

Тогда и обнаружится, что этот статус предопределен парадоксами, лежащими в духовной сфере. Вне духовного измерения личность всегда будет выглядеть слабым, подчиненным звеном социальных «мегамашин». По-настоящему на ее стороне – только духовные энергии, тогда как на стороне окружающего мира – все вещественные преимущества. И пока мы верим, что духовная сторона важнее, наши упования на человеческую личность имеют достаточные основания. В той мере, в какой духовное измерение уменьшается, постчеловеческий мир промышленной и социальной машинерии торжествует над человеческим. Поэтому следует признать самоубийственной ту критику духа, веры и воодушевления, которую предпринял современный либерализм под предлогом борьбы с тоталитарными искушениями. [...]

Почему общество накрыла новая либеральная волна, под которой оказались погребенными и сознание-память и сознание-опыт, подмененные новыми обязательствами не рассуждающей идеологической веры? Почему такой репрессии заново подверглись опыт и здравый смысл, оставшиеся уделом «маргиналов и неадаптированных»?

Не поняв механизмов этого победоносного доктринерства, мы не поймем, почему Россия в XX веке дважды потерпела поражение, сначала капитулировав перед западниками-марксистами, затем – перед западниками-либералами. Некоторый свет на эту загадку может пролить современное религиоведение, изучающее механизмы господства великой письменной традиции над малой народной (устной) традицией. Парадокс здесь состоит в том, что носителем первой является просвещенное меньшинство (иногда ничтожное), тогда как носителей второй – явное большинство.

Почему большинство повинуетя меньшинству, если у последнего есть в распоряжении средства физического насилия – понятно. Но идеологическое господство меньшинства над большинством нельзя объяснить физическим насилием. Духовная власть – только тогда власть, если практика убеждения довлеет над практикой принуждения. Вероятно, переход от безыскусной народной культуры к социальному конструктивизму цивилизации совершается не без помощи самого народа. Народ идет за пастырями, если чувствует в них фанатизм подлинной, нестилизованной веры.

Вопреки расхожему стереотипу, фанатизм – детище интеллектуалов, а не наследие «темных масс». Каковы же источники этого фанатизма?

Историософская теория должна знать их, ибо они лежат в основе одной из самых тяжелых несправедливостей истории – в основе этноцида (понимая под этим не столько уничтожение людей, сколько уничтожение национальных культур и укладов). Великие письменные традиции – не столько продукт просветительских усилий, сколько новых типов коллективной веры. Не просветительские максимы, а максимы веры запечатлеваются в текстах великих письменных традиций. Эти тексты помещают этносы в новое единое духовное пространство, где переплавляется множество малых этнических традиций.

Почему народы не оказывают эффективного сопротивления этой переплавке? Не отстаивают свою традицию с надлежащим упорством? Из каких источников черпают свою невиданную энергетику носители новых письменных текстов? Откуда проистекает это право на этническое насилие, сознанием которого несомненно преисполнены фанатические пропагандисты текста?

Здесь мы в самом деле сталкиваемся с совершенно неожиданным парадоксом: интеллектуалы – ревнители нового текста – выступают как фана-

тики, тогда как народ скорее в роли скептика, который не демонстрирует ни по-настоящему упорной приверженности этнической старине, ни прозелитического энтузиазма перед лицом нового учения. Не языческое большинство, а христианское миссионерское меньшинство демонстрировало фанатическую непреклонность в годы крещения Киевской Руси. Не адепты московской старины, а их яростный оппонент Петр I и его «немецкое» окружение проявляли пассионарную энергетику непреклонного реформаторства. Не темное крестьянское большинство, а красные комиссары – адепты «великого» учения – оказались настоящими фанатиками, развязавшими гражданскую войну и уничтожившими жизнь во имя буквы.

Да и сегодня не консервативное в политическом и социокультурном отношении большинство промышленных регионов России, а меньшинство националистически настроенных «филологов» или западнических либералов выступает в роли одержимых догматиков нового учения. В чем причина этого скептического уныния большинства на фоне самоуверенного доктринерства новых прозелитов? Почему ни традиция, ни здравый смысл и опыт не становятся опорой настоящей твердой позиции, а никем не проверенные модные учения – становятся?

Эти вопросы чрезвычайно важны в историософском отношении, ибо историю делают не осторожные эмпирики и скептики, а фанатики, вооруженные априорно «безошибочной» теорией. И когда впоследствии обнаруживается, что безошибочная теория завела в тупик, берут реванш опять-таки не прежние скептики, а новые фанатики (в том числе и те, кто вчера еще выступали проводниками прежней «веры»). Почему, в самом деле, опыт так мало ценится и так мало влияет на исторический процесс по сравнению с порой дикими экстравагантностями тех или иных учений?

Доктринеры новых учений то и дело сетуют на народный менталитет как на помеху их миропотрясательных начинаний. На самом деле народная субстанция служит хранительницей скорее реального опыта, чем каких-либо априорных ментальных структур. Вся история великих переворотов и эпохальных сдвигов – это история поражения эмпирического опыта перед напором новых форм веры, насаждаемых активным меньшинством.

Возможно, состояние веры вообще обладает для человека самоценным значением – помимо тех позитивных социальных и моральных эффектов, которые она в самом деле оказывается способной дать. Но дабы не становиться на скользкий путь априоризма, нам предстоит выяснить то позитивное, что способны дать великие учения народам, нередко расплачивающимся и социальной стабильностью, и приобретениями целых веков, и даже собственной идентичностью. И только после этого мы

попытаемся ответить на вопрос: какими средствами можно улучшить баланс этих потерь и обретений и вообще оспорить отчужденный характер исторического процесса, связанный с эффектами «навязанной истории» – неравноправным положением авангарда и массы, центра и периферии в социально-историческом развитии.

Если в самом деле пользоваться эмпирическими критериями, относящимися к человеческой повседневности, а не абстракциями прогрессистских теорий (считающих коллективную собственность самоценной, безотносительно к тому, что она реально дает, или столь же самоценным рынок), то затратный характер прогресса выступит с ужасающей наглядностью. Реальный уровень жизни сегодняшних масс в России ниже, чем в 1913 году, и это несмотря на колоссальные усилия миллионов и неслыханные жертвы во имя светлого будущего. Если же сюда добавить некоторые критерии качества жизни, в особенности касающиеся экологических, политических и морально-психологических гарантий существования, то исторический баланс XX века для России будет, несомненно, отрицательным.

Наиболее надежный суммарный показатель – демографический: он свидетельствует о возможностях человека как вида в данном историческом пространстве. Объективно демографическая статистика неумолимо свидетельствует о депопуляции: жесткие социально-политические и промышленные технологии, взятые на вооружение крайне левыми, а затем крайне правыми реформаторами в России, произвели неслыханное обмеление человеческой популяции.

Человечеству как виду изначально был отпущен громадный планетарный срок – при традиционном использовании ресурсов Земли их хватило бы на сотни миллионов лет. Но принципом такого существования должен быть аскетизм: подчинение индивида интересам вида, краткосрочных целей – долгосрочным. Способность безропотно выносить все тяготы повседневного существования воспитала в человеке религия. Только в качестве «животного религиозного» (Фейербах) человек оказывается способным отвергать краткосрочные индивидуальные выгоды ради долгосрочных, родовых. Начатый в Европе около 500 лет назад процесс секуляризации означал последовательное ослабление этой способности. Тотально секуляризированный человек – это существо, жертвующее родовым ради индивидуального, долгосрочными интересами – ради сиюминутного успеха.

Как только человек разучился жить долговременными родовыми целями, рождается европейский технологический миф. В технике видят способ, посредством которого человек надеется реализовать стратегию краткосрочного успеха – при жизни данного поколения. Чем меньше

способностей к аскезе и жертвенности, тем больше надежд возлагается на технику. Технический прогресс – это осуществление социального заказа потребительско-гедонистического общества. В качестве потерпевшего, на которого возлагается расплата за эту стратегию быстрого успеха, выступает природа: техника угождает прихотям человека, уничтожая природу. Экологические преступления – не случайная девиация, они заложены в самой мотивационной структуре потребительской личности.

Другой разновидностью техники, сокращающей сроки удовлетворения желаний, является прогрессизм. Он является разновидностью машинного мифа эпохи Модерн: мифа об истории как машине времени, которую можно ускорить, приблизив час удовлетворения наших чаяний.

Все инициаторы революционных переворотов, эпохальных сдвигов, крутых исторических перемен соблазняют народы мифом ускорения – обещанием перевести машину времени на чрезвычайные обороты, приближающие установление «золотого века» к сроку жизни сегодняшнего поколения. Чем дальше зашел процесс секуляризации и утраты аскезы – тем больше надежд возлагается на историю. Секуляризированный человек заключает мефистофельский договор с Историей: он обязуется осквернить все прежние святыни, разрушить вековые порядки, совершить неслыханные преступления для того, чтобы сообщить машине времени чудодейственные обороты.

Теперь мы знаем, чем подогревается исторический энтузиазм – он питается энергетикой нетерпения. Поймем мы теперь и фанатический нигилизм отрицателей традиционной веры, менталитета и обычаев. Они поддерживали состояние человека в долгосрочном времени и потому мешают насаждению климата великого исторического нетерпения. Мера включения масс в «катастрофки» истории – это мера их нетерпения. Европейский модерн выработал особую технологию разжигания исторического нетерпения. Для этого конструируются манихейские пары: друзья и враги народа, авангард и реакция. Вековечные тяготы жизни ставятся под знак устранимого субъективного препятствия: указываются конкретные похитители рая, подавив которых, мы немедленно окажемся в раю.

Свое объяснение получает и фанатичная вера в Учение. Для того, чтобы жить в традиционной повседневности, нужно терпение, а не энтузиазм. Но для того, чтобы подвигнуть людей на авантюру прогрессизма – слома вековых порядков – требуется вера в гарантированный успех, причем такой, какой может нарисовать только разгоряченное воображение мифотворцев. Ради малых улучшений на авантюру историцизма не пускаются: азарт такой игры подогревается только неслыханными ставками. Что же мы имеем в результате?

Исторический прогресс, как и прогресс научно-технический, в конечном счете, оказывается «игрой с нулевой суммой». В случае технологического прогресса в роли потерпевшего выступает природа. В случае исторического прогресса тоже действует механизм переложения тягот. Например, жертвой социалистической индустриализации оказалось российское крестьянство: ценой его полного закабаления осуществили ускоренное строительство социализма. Второй «эпохальный» переворот произошел на наших глазах и он потребовал не меньшей заместительной жертвы: чудодейственное превращение партноменклатуры в новых собственников и мультимиллионеров произошло за счет опустошения многолетних сбережений всего населения России и многократного снижения уровня жизни народа.

И как только большинство обнаруживает, что именно оно оказывается жертвой «ускорения истории», новому строю требуется диктатура. Диктатура есть режим, устанавливаемый после того, как Мефистофель потребует расплаты за свои колдовские чудеса. Чем выше было подогрето историческое нетерпение, тем радикальнее процесс «революционного разрушения старого» и тем горше расплата. Мера свирепости диктатуры определяется тяжестью народного разочарования в результатах очередного эпохального скачка. За благозвучными названиями дело не станет: диктатуру назовут средством защиты социалистических завоеваний от посягательств контрреволюции или – демократических завоеваний от посягательств красно-коричневых.

Мы можем теперь раскрыть структуру исторического процесса: в основе его лежит субъект-объектный принцип, когда за действия, инициируемые авангардом, расплачивается молчаливое большинство, превращенное в безгласный объект. Состоялись ли бы все эпопеи исторического ускорения, если бы оказалось, что не на кого перекладывать тяготы этой «игры с нулевой суммой»?

Разумеется, нет. Чудо социалистических темпов роста стало исчезать по мере того, как таял объект – крестьянство, превращающееся из большинства в меньшинство: стало не на кого перекладывать тяготы индустриализации. Чудо первоначального накопления на Западе произошло в результате того, что после великих географических открытий и колонизации в объект стал превращаться весь незападный мир. Маркс определял капиталистические издержки производства формулой: $C + V$, где C – стоимость сырья и оборудования, V – цена рабочей силы.

Эта формула раскрывает только издержки, заявленные на уровне субъекта: оборудование и сырье надо купить на рынке у суверенных владельцев соответствующего товара, рабочую силу – тоже. Но есть и безгласный

объект, издержки которого не оплачиваются: это издержки, которые несет разрушаемая природа. Если бы стоимость их возмещения вошла в цену товаров, массовое производство, как и массовое потребление, вряд ли было бы возможно.

Аналогичную формулу издержек можно было бы предложить и для исторического «производства» нового общества. Здесь тоже есть свой безгласный объект, потери которого не принимаются во внимание и не оплачиваются реформаторами. Пора поставить вопрос: что будет происходить с историческим процессом, когда масштабы социальной массы, соглашающейся выступать в роли безгласного объекта, станут непрерывно сокращаться?

Мы видим, что затратный характер исторического процесса не обнаруживает тенденций к уменьшению. С одной стороны, разрушение традиционной веры и обычаев усиливает историческое нетерпение масс. С другой – падает их способность выносить издержки прогресса, соглашаясь со статусом объекта. Будущей формационной теории предстоит ответить на ряд трудных вопросов:

1. Будет ли преодолена психология исторического нетерпения и какими средствами этого можно было бы достичь? По-видимому, речь пойдет о судьбах процесса секуляризации: можно ли обратить его вспять с помощью какой-то новой духовной реформации, возвращающей человечеству способность жить в долговременной перспективе, в противоположность нынешней безответственной «морали успеха».

2. Если процесс секуляризации на самом деле уже необратим, то как прореагируют новые и старые объекты прогресса на приглашение стать очередной жертвой? Эпохальные сдвиги до сих пор совершались потому, что люди не разгадали мефистофельское коварство прогресса: необходимость расплаты за ускорение машины времени. [...]

В частности, вопрос стоит так: будут ли и впредь возможны скачки исторических ускорений, если станет ясно, что отныне издержки предстоит нести всем – избранных любимцев истории не будет? Если и в национальном масштабе и в масштабе планеты «молчаливое большинство» перестанет играть роль терпеливого объекта – Среды, куда сбрасывается энтропия прогресса, то не утратят ли авантюры историцизма всякий смысл? Это означало бы, что сутью грядущего формационного сдвига стал бы конец Модерна – возвращение человечества к стабильному способу производства, делающему бессмысленной индивидуалистическую «революцию притязаний». [...]

НА ПОРОГЕ ЗРЕЛОСТИ

Монахиня Александра (Захарченко)

Тема Международных Рождественских образовательных чтений 2019 года: «Молодежь: свобода и ответственность». Не буду говорить о молодёжи как о социальной группе. Эта социальная группа создана искусственно и разговор о ней следует вести особо.

Буду говорить о том особом возрастном периоде, который наступает после юности. В возрастной периодизации его называют «молодость», но еще лучше использовать понятие, которое употребил протоиерей Василий Зеньковский в своей замечательной книге, которая называется «На пороге зрелости».

Молодым называют человека, который, расставаясь с юностью, вступает во взрослую жизнь. Молодость – это возрастной кризис, который наступает после юности. Юность в возрастной периодизации – спокойный период. Учителя очень хорошо знают, что после возрастных бурь 7, 8, а иногда и 9 классов, ученики 10 – 11 классов – это замечательные дети, с ними просто в радость работать, они очень хотят учиться, и причём не всегда под плетью ЕГЭ, особенно десятиклассники. С ними можно говорить уже как с равными, ставить серьезные вопросы, давать им большие сложные задания, и они с удовольствием трудятся, делают исследовательские работы, социальные проекты, доклады на конференциях. Единственное их условие – чтобы эта большая работа была для них интересна, значима, они требуют самостоятельности, и самостоятельность эта содержательна. Вот такой это возраст.

А потом они приходят в вуз, – и вдруг перестают учиться. Начинается жизнь «от сессии до сессии живут студенты весело», возникает некото-

---

Захарченко Марина Владимировна, профессор кафедры социально-педагогического образования Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования, доктор философских наук. Осенью 2017 года приняла монашеский постриг с именем Александра в честь святой страстотерпицы императрицы Александры Федоровны.

рая такая вот вольница студенческая, и им совсем не интересна их будущая специальность. А дальше всем преподавателям вуза знаком эффект третьекурсника, когда перед студентом уже явно обозначается предметность и рутина будущей профессии, и тут-то они и оставляют вуз.

Покидая школу, человек оказывается на пороге взрослой жизни. Рассмотрим этот этап – выбор вуза. Это важный этап самоопределения. Уберем все конъюнктурные моменты, связанные с финансами, с дальностью поездки, с возможностями родителей и так далее. Важно удержать момент внутреннего выбора человека: что здесь должно происходить и что происходит в душе молодого человека на пороге зрелости, когда он размышляет о своём дальнейшем пути.

И вот здесь необходимо одно понятие, глубоко укорененное в отечественной педагогической традиции, а сегодня исчезнувшее из педагогического лексикона.

В выступлении на Всемирном Русском Соборе Святейший Патриарх Кирилл говорил о том, что в России за века сложилась собственная педагогическая традиция. И нам сегодня хорошо бы не заимствовать безумно и бездумно различные управленческие схемы из иных культур и цивилизаций, а обратиться к этой традиции, опереться на неё и создать современную школу в этой традиции. И тогда, возможно, мы обретем мировое сокровище такого же уровня, как русская литература или русский балет.

В русской педагогической традиции есть такое понятие: призвание. Следуя призванию, человек обретает смысл своей деятельности на всю жизнь. Осуществление свободы – особенно в молодости – совершается, если человек следует призванию. И тогда очень понятно, как свобода сочетается с ответственностью. Потому что призвание – это когда зовут, а ответственность – это когда я отвечаю.

Отвечая на призыв, следуя Призванию, человек совершает главное открытие своей жизни: он начинает ощущать свой, только ему предназначенный неукорный жизненный путь, «путь к себе», – как истину, против которой нельзя погрешить, которой невозможно изменить. В нем начинает звучать личностное начало. Даже если он сознательно еще не готов исповедовать личность Сына, Который *есть путь и истина и жизнь* (Откр. 21, 6), *Альфа и Омега* (Откр. 22, 13) личностного бытия.

На пути Призвания нам открывается сокровенная тайна служения и послушания, обнаруживается предмет приложения таланта. Все дети талантливы – мы, педагоги, часто говорим это, и это не ложь: призыв на служение каждого из нас, человеков, Бог каждого снабдил средствами, которые позволят совершать служение с совершенством. Это

Среди учителей. Худ. В. Д. Polenov. 1896 г.

таланты. Но как быстро рассеиваются таланты детства! Рассыпаются и меркнут в мирской суете. Современные идеи педагогики, увлеченной развитием способностей безотносительно к духовному становлению личности, еще усиливают эту беспощадную суету: «Драмкружок, кружок по фото, хоркружок – мне петь охота» (А. Барто)... Господь дал нам таланты не для увлечений и развлечений, но для служения Ему, служение же требует сосредоточения на одном, единственном Пути. Призвание указывает выход на дорогу служения. В служении Делу, ощущаемому как предметность более ценная, чем страсти нашего «эго», талант осуществляет себя как гений, открывающий новые пути в науках, искусствах, ремеслах, спорте, инженерном и предпринимательском, военном и государственно-служилом, врачебном и учительском деле, – во всех областях человеческой практики. Ибо это Божие дело на земле – творить все новое, совершенное, благое, спасающее людей красотой и добротой от глады, хлады, от малодушия и от бури. В совершенном служении человек послушен Богу, он раскрывает Божий замысел о предмете своего дела, движет его вперед, раздвигая границы возможного.

Призвание невозможно выдумать, «захотеть», навязать, руководствуясь соображениями престижа или тщеславия. Оно является в безстрастии и пробуждает страх и трепет благоговения: *Работайте Господеви со страхом, и радуйтесь Ему со трепетом* (Пс. 2, 11). И сам человек и его близкие извещаются о призвании от Отца. Призвание – это воля Отца Небесного, и возвещается она человеку весьма рано. О «возрасте призвания» свидетельствует Евангелие. Апостол и еванге-

лист Лука повествует о событии призвания отрока Иисуса и об извещении Его Пречистой Матери о призвании Сына: *И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник. Когда же, по окончании дней праздника, возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его, но думали, что Он идет с другими. Пройдя же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его. Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его. И, увидев Его, удивились; и Матерь Его сказала Ему: Чадо! что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя. Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов. И Он пошел с ними и пришел в Назарет; и был в повиновении у них. И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем (Лк. 2. 42 – 51).*

Быть в том, что принадлежит Отцу Моему (Лк. 2, 50) – традиция толкования Евангелия раскрывает эти слова, не понятые близкими: быть в воле Отца, исполнять Его дело на земле. Сын Божий ясно понимал слова Отца. Мы же, люди, зачастую их не понимаем, видим дали будущего как бы сквозь тусклое стекло, гадательно (1 Кор. 13, 12). Но Господь дает нам пример Своей Матери: *сохранять все слова сии в сердце Своем (Лк. 2, 51).*

В призвании осуществляется свобода. Понятие свободы раскрывают на трех уровнях: социальная свобода (свобода выбора, свобода достижения социальных целей и притязаний), духовная свобода (власть над страстями), метафизическая свобода (дар Бога, неотъемлемое свойство природы сотворенного человека). О призвании и ответственности тоже можно и нужно говорить на этих трех уровнях. Следование призванию – глубинная, метафизическая ответственность человека.

Слово метафизика мне как философу очень близко. Метафизика – слово греческое, у нас в русском языке, особенно в научном, очень много греческих слов. Метафизика буквально переводится как «после природы». В истории философии так случилось, что Аристотель написал книгу о природе – «Физику», и еще написал книгу о началах, без названия, а ученики поместили ее вслед за «Физикой» и поэтому назвали «После физики» – «Метафизика». Но в этой случайности есть промысл.

Метафизика – повествование о началах. В начале же Бог создал небо и землю. За шесть дней Он создал всё. Природа, которой мы так восхищаемся, которую так любим: звёздное небо над нами, поля, леса, ланд-

шафты, реки, моря и озера – это всё природа. А человек создан после природы, в завершение шестого дня.

Бог создал человека после природы. Он вдохнул в нас дыхание жизни, и стал человек – душа живая. И, вдохнув это дыхание жизни, Господь установил абсолютно неразрываемую, неколебимую связь между Собой и нами. Облик человека в грехопадении, когда он пал и был изгнан из Рая, исказился, но связь эта не прервалась. Она не прерывалась из века в век. Вся допотопная история, разность путей рода Каинитов и рода Сифитов, великий потоп и спасение Ноя, призвание Авраама и путь Богоизбранного народа Израиля, – вся Ветхозаветная история – это повествование о том, что связь Бога с человеком никогда не прерывалась, о том, как мощные силы греха, демонические силы, пытались разорвать эту связь, а она не прерывалась, потому что всегда кто-то был, кто был ответственен, кто отвечал на Божий призыв. «Авраам, Авраам!» – «Вот я, Господи». И в этом глубинное воспитательное значение ветхозаветной истории.

А потом Бог сошел к нам в человеческий мир и стал осязаем. Он вознес к Отцу воскресшую природу человека и остался с нами навсегда: *Вот, Я с вами... до скончания века*¹.

И нужно вместить эту Благоую Весть, Евангелие, и следовать ей. Отсюда – критерий готовности педагога к преподаванию православной культуры. Ты смог прочесть Новый Завет весь целиком – значит, готов. Не смог, претыкаешься на каждом слове, читаешь только детскую Библию и её пересказываешь – значит, не готов. Не слышишь призыва – не готов отвечать.

Вот в чем «метафизическая» глубина педагогического призвания – знать, где начало человека, вот в чем глубина ответственности педагога-наставника – «наставить на путь» к началу.

Это действительно очень серьезный внутренний критерий. Педагогическое призвание – все мы знаем классификацию специальности – это работа с человеком. Есть такая классификация профессий – работа со знаками, с машинами, с природой и с человеком. Педагогика – это работа с человеком. «Педагогика» так буквально и переводится с греческого: *παιδος ἄγω* – «детей веду». Если перед нами не дети, а взрослые (например, системы повышения квалификации или вуз) – это звучит как «андрагогика» (термин появился в XX веке).

Самое главное, мы должны знать – вести куда. И кого. И здесь современная педагогическая наука – великая мастерица запутывать. Читаем документы, и стандарт наш, и даже концепцию духовно-нравственного

---

¹ Мф. 28, 20: *се, Я с вами во все дни до скончания века.*

развития воспитания (неплохой, в целом, текст, именно там введены понятия духовно-нравственного развития и традиционных ценностей), и – везде о человеке говорится в каких-то технических категориях: модель выпускника, характеристики выпускника. Как будто человек не «кто», а «что», препарированный и разделенный по ведомствам разных наук. Вот психология – какие у него способности, как их формировать, какое поведение, как на него воздействовать. Вот социология и экономика – возникают понятия какие-то нелепые: человеческие ресурсы, человеческий материал, человеческий капитал. Это не из собственно человеческой области все слова, это не про человека, а про что-то другое. Не может же быть задачей педагога превратить в ресурс вот этого маленького человека с распахнутыми в доверии к нам глазами.

Но обратимся к Псалтири. Как и для многих других моих современников, Псалтирь не входила в круг моего образования. Впервые я взяла ее в руки, будучи уже не начинающим даже педагогом. Как громом поразил тогда вопрос псалмопевца: *Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь Его?*¹ (этот стих процитировал Кураев в своём учебнике ОПК для 4 класса). Я узнала свой Самый Главный вопрос. Только прочитала я: «Кто есть человек?» И только потом обнаружила, что в тексте стоит «Что есть человек?» Потому что в этом контексте разрываются границы «что»: Бог помнит и посещает человека, человек смеет говорить Ему «Ты» – единственный во всей природе, – и «что» становится чем-то иным, о чем вопрошаем с изумлением.

Что есть человек? Тело, эмоции, действия? Вот он ведет себя как-то – а он ли? «Это не я, это среда, это все так делают, я не хотел», – потому что действую не я, *а живущий во мне грех* (Рим. 7, 17).

И вот вопрос Давида. Господь посещает нас, помнит нас, приходит к нам. Может быть, этот момент и есть соприкосновение с тем, кто есть «Я», я сам. И только здесь человек начинает понимать: Господь пришел ко мне. Что я такое тогда? Зачем Он ко мне пришёл? Чтобы мне ещё денег дать? Чтобы я мог машину купить? Так дети часто говорят: «Я больше не буду молиться. Я просил велосипед у Бога, Он мне не дал». Но это дети. А на пороге зрелости уже ясно – может быть ясно, должно быть ясно, что Он пришел, чтобы позвать. Услышать, куда зовет, – значит ступить на путь Ученичества, последовать за Призвавшим.

Совсем недавно я услышала другую цитату в двадцатой кафисме. Псалтирь и все священные тексты так устроены, что можно несколько лет читать текст и не слышать сказанное, – и вдруг услышать.

¹ Пс. 8, 5.

*Что есть человек, яко познался еси ему? или сын человекь, яко вменяеши его?*¹, – это дальнейший вопрос, продолжение первого. Он не только приходит, но и открывает Себя. Познался – значит дал нам Себя познать: «Кто Он такой, Бог?» А вот Бог уже точно не «что». Хотя иногда, к сожалению, даже от лиц с духовным образованием можно услышать: «Что есть Христос?» Мы помним из Евангелия, как Господь стоит перед Пилатом, и Пилат Его спрашивает: *Что есть истина?* – а Он не отвечает. Он молчит. В комментариях на эти слова богословы говорят о том, что перед Пилатом стоял Он, Кто есть Сущий от начала, Сама Истина стояла. Ведь Истина – это не что, Истина – это Кто. Господь познаётся нам, Он открывает Себя как Сущий, как Лицо. Через общение с Ним, через движение к Нему мы сами можем обрести свое лицо, стать личностью, стать «кем-то».

Что есть мы, если Господь вменяет нас? Что значит – быть вменяемым? Есть вменяемый человек и есть невменяемый человек. Вменяемый, – значит он способен размышлять о добре и зле, способен различить добро и зло. Вот ребёнок напроказил, ему говорят: «Что ты сделал? Что теперь?» И он говорит: «Мне стыдно». И если мы видим, что ему действительно стыдно, то это вменяемый человек. А если он отмахнулся и побежал или ничего не говорит, или скажет: «Все так делают» или «я так хочу», – то это невменяемый человек.

Это не люди вменяют, это Бог вменяет нас. Вменяет через заповеди. Это вменение обращено к нашему внутреннему «Я», к нашему человеческому «кто». В исполнении заповедей мы познаем Бога и становимся «кто».

Нам сегодня необходима педагогическая антропология. Антропология – это про человека, для которого значимо «движение вверх», – это о человеке, стремящемся к совершенству, о человеке растущем, о человеке прямоходящем, о человеке, у которого есть вертикаль. Недаром мы в молитве всё время стоим. Стать человеком – это всегда усилие. Царствие Божие, оно внутри нас², но оно нудится³, и только те, которые употребляют усилие (по-церковнославянски «нуждницы»), восхищают Царствие Божие, обретают его в восхождении.

В педагогической антропологии мы должны раскрыть «начала» нашей педагогической реальности, где мы имеем дело с человеком. Нужны антропологические основания – не модели выпускников, а по-

¹ Пс. 143, 3: *вменяеши его* (ц-слав.) – обращаешь на него внимание.

² Лк. 17, 21: *Царствие Божие внутри вас есть*.

³ Мф. 11, 12: *Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е*.

нимание таинственной внутренней природы личности, о которой не только мы спрашиваем: «кто ты?», но и она сама спрашивает о себе: «кто я?».

На пороге зрелости человек начинает себя всерьез спрашивать: «Кто я?» – и ему начинает отвечать тот внутренний человек, который сокровенным образом связан с Богом.

У апостола Петра есть такие слова: *Сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа* (1Пет. 3, 4). *Сокровенный сердца человек*, – вот то, что мы называем внутренний мир, внутреннее я. Это не буря, не порыв, не мятеж, – это тишина

в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Господом. «Достучаться до небес» – это значит открыть дверь в тишину и суметь сберечь ее нетленный свет в буйных ветрах молодого возраста.

Это открытие сокровенного сердца человека оказывается бесконечно важным для человека на пороге зрелости. Для меня весь смысл преподавания вероучительных, религиозно-познавательных предметов, и вообще всей воспитательной работы с прилагательным «духовно-нравственная» состоит в том, чтобы помочь детям услышать этого сокровенного сердца человека – сокровище своего духа – в грохоте мира, создать ту зону тишины, где они смогут его услышать.

Технология здесь на четвёртом месте. Она понадобится нам потом, когда появится эта зона молчания, где возможно слышание самого себя в Господе. В школе ли это произойдет, в семье или в приходе – это отдельный вопрос. Но нужно думать в этом направлении, иначе мы не продвинемся в сторону того, чтобы осознать себя снова как русских людей и начать строить православную цивилизацию.

Сегодня же мы как лебедь, рак и щука. Сопоставьте концепцию духовно-нравственного воспитания личности гражданина России и Федеральную целевую программу развития образования – разные категории, разные целевые ориентиры и разное понимание человека.

Константин Дмитриевич Ушинский

*Сотворение Адама. Фреска Микеланджело Буонарроти. Ок. 1511.
Сикстинская капелла, Ватикан*

В одном документе разговор о духовных ценностях и традициях, в другом – «человеческий капитал» и «человеческий ресурс» – такая инженерия социальная, но никак не антропология.

Педагогическая антропология существует только в двух педагогических традициях – в немецкой и в русской, возникших практически одновременно в середине XIX века. Сам термин принадлежит немцам, у нас систематическую работу написал Ушинский¹. Немецкая культура и сегодня стремится хоть как-то сохранить зону тишины в общественном пространстве. В Германии в воскресенье гипермаркеты не работают – хочешь не хочешь, но либо церковь, либо семья, или гуляй на природе. В торгово-развлекательный центр ты не пойдёшь в воскресенье, не сможешь принести седьмой день в жертву шопингу, этому идолу современного мира.

Еще важная тема педагогической антропологии связана с библейским смыслом о том, что *нехорошо быть человеку одному*.

Педагогика редко использует слово «человек» – чаще «личность», «индивидуум», «индивидуальность», «субъект», в документах – «обучающийся».

По умолчанию предполагается, что всегда речь идет об «одном человеке». И о педагоге – «один педагог». Так же как «по умолчанию» человек произошел от обезьяны, по умолчанию он – один. Это уже потом он вступает в отношения, образует коллективы, начинается

¹ Константин Дмитриевич Ушинский – основатель научной педагогики в России, автор труда «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии».

интерсубъективность. Но сначала – один как перст. Так устроены все педагогические модели.

Но наше начало не таково. Человек никогда не был и не бывает один. В самом акте творения есть человек и Бог (вспомним гениальную фреску Микеланджело, где взаимно тяготеют друг к другу персты Бога и Адама). А потом Бог сказал: *нехорошо быть человеку одному и создал... из ребра, взятого у человека, жену* (Быт. 2, 18, 22). Начало человеческого бытия в сообществе, или по-церковнославянски – в соборности. Церковное слово «соборность» – это единство собранных во имя Господне: *где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них* (Мф. 18, 20).

Человек – не индивидуум, он – соборный человек. Без Бога ни до порога. На этом строится вся русская педагогическая традиция. Воспитательный «рассол» у Макаренки, где человек «просаливается» своим человеческим естеством, – это детско-взрослое разновозрастное сообщество, где много педагогов и детей.

Сегодня в педагогике популярно понятие образовательной среды. Что под этим мыслится? Среда – это то, что вокруг. Начинаем среду создавать – ремонт, компьютеры, оснащение, – всё замечательно. Если у нас денег нет на хорошую среду – просим, государство даёт деньги. Но есть и другой смысл у этого слова в русском языке. Среда – это то, что посреди нас. Самое же важное, что рождается посреди нас, – взаимное доверие и любовь. Любовь – это, наверное, главное слово в русской педагогической традиции. Когда раскрывают нравственный облик учителя, всегда говорят о том, что он любит своих учеников. Не просто соблюдает общественные нормы, подает нравственный пример, но любит своих учеников. Любовь – это понятие достаточно драматичное, часто бывает, что ради любви приходится чем-то жертвовать.

Когда мы создаём православные сообщества, православные школы, начинаем вводить православный компонент в наше образование, мы, прежде всего, должны думать о том, как мы друг с другом общаемся. И здесь нам могут дать живой пример некоторые современные монастыри. В воспитании важнее всего отношения, основанные на любви. В такой только среде происходит медленное выковывание-выкристаллизовывание из «ветхого» человека, поработаемого своими желаниями, «нового», следующего закону любви.

Сегодня молодому человеку предлагается понимание свободы даже не на социальном уровне, как свобода выбора, – а как возможность следовать своим хотениям. Я свободен, если могу делать то, что хочу, – вот что предлагает массовая культура. Но для обозначения

этого существует другое понятие: не свобода, а по-хотение, похоть. Действовать по хотениям – значит быть похотливым человеком. Не свободным, но похотливым, рабом похоти.

А свобода же вещь совершенно другая. Дарованная нам Богом вместе с разумом и словесной речью, она так же конкретна, как разум и словесная речь. Есть закон свободы. Формулировка кажется парадоксальной – ведь закон часто представляют как набор внешних ограничений, а свободу связывают со спонтанностью. Но закон свободы – это не набор правил поведения, как что-то внешнее, чему должна быть подчинена наша свобода – это внутренний закон. И если мы не будем жить, подчиняясь этому закону, мы свободу потеряем. Это парадокс, но это так. Следование заповедям Божиим – вот закон свободы. В молитвах мы благодарим Богородицу: «Если бы не Ты предстояла молящи, кто бы нас... сохранил донныне свободны»¹. Она предстоит за нас, чтобы нам сохраниться и жить по этому закону, соблюдать заповеди. Высшая же заповедь – заповедь о любви к Богу и ближним. Закон свободы – это еще и закон любви, которая *долготерпит, милосердствует., не превозносится., не ищет своего., не радуется неправде, а сорадуется истине* (1 Кор. 13, 4 – 7).

Иммануил Кант через формулу закона свободы определил нравственный закон и сравнивал его с законом движения светил: «Есть две вещи, – говорил он, – они наполняют меня всегда новым и всё большим удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительней мы размышляем о них, – это звёздное небо над нами и нравственный закон внутри нас».

Закон свободы есть еще и закон самопознания. О нем говорит апостол Иаков в послании: *всякий, кто вникнет в закон совершенный, закон свободы., блажен будет в своём действии* (Иак. 1, 25). Следуя заповедям, человек познает себя: *будьте не слышателями забытливости, но творцами дела* (см. Иак. 1,25). Не просто слушайте заповеди, повторяйте их, а пытайтесь жить по этим заповедям. Потому что всякий, кто только слушает, но ничего не исполняет, подобен человеку, который увидел своё отражение в зеркале, отошёл и тут же забыл, каков он (см. Иак. 1, 23 – 24). Следуя же закону, будешь точно знать, кто ты, и достигнешь блага в своих действиях. Говоря современным языком – достигнешь успеха. Глубинное понятие успеха тоже раскрывает нам Библия. Вот первый псалом: *Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и на пути грешных не встал, и на седалище губи-*

¹ Канон молебный ко Пресвятой Богородице.

Притча о талантах. Худ. Фредерик Джеймс Шилдс

телей не сидел, но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и ночь. И будет яко древо, насажденное у истока вод, которое плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет, и все, что творит, успеет (см. Пс. 1, 1 – 3).

Вот в чем глубинный смысл успеха. Сделать то, к чему призван. Услышать призвание. Понять, какие таланты тебе дал Господь и как их пустить в дело. Притча о талантах открывает логику взросления. Пустить свои таланты в дело необходимо на пороге зрелости, а к тридцати-тридцати трем годам (в психологии этот период именуется «кризисом молодости») неизбежно приходится дать отчет, как ты их приумножил. Действительно, в обществе до тридцати лет нас принимают как молодых, отпускают определенные авансы на будущее, а вот с тридцати трех лет – предъявляют требования в полную меру зрелости.

Если ты закопал таланты в землю и нечего предъявить Господину – изгнан будешь с дороги жизни. Приумножил таланты, получил плод вдвойне – отдай плоды своих трудов Господу, и услышишь: *дobre, рабе, благий и верный. В малом ты был верен, над многим тебя поставлю (Мф. 25, 23).*

Услышать призвание и последовать ему – значит направить свой путь навстречу Истине и Жизни: *Открой ко Господу путь свой и уповай на Него, и Той сотворит. И изведет яко свет правду твою и судьбу твою яко полудне (Пс. 36. 5 – 6).*

«СЕРДЦЕ БОЛИТ»

БЕСЕДА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «ДС»
АРХИМАНДРИТА ГЕОРГИЯ (ШЕСТУНА)

С ПИСАТЕЛЕМ И КИНОДРАМАТУРГОМ
АЛЕКСЕЕМ АЛЕКСЕЕВИЧЕМ СОЛОНИЦЫНЫМ

Хотелось бы поговорить с вами, Алексей Алексеевич, о тех явлениях в искусстве, которые и к искусству-то имеют весьма опосредованное отношение. Мы привыкли считать, что искусство, к какому бы виду творческой деятельности оно ни относилось, работает на какую-то идею, создает новые смыслы. Но в последнее время мы сталкиваемся с такими явлениями, которые не просто паразитируют на созданном до них, но всячески искажают и обезсмысливают известные всем произведения искусства.

– Что ж, за примерами далеко ходить не приходится. На основной сцене МХАТа идет спектакль «Серёжа»: это импровизация Дмитрия Крымова¹ по «Анне Карениной». Серёжа – гуттаперчевый манекен, мальчик на шарнирах. Каренин ходит с рогами оленя, а когда Анна собирает вещи, то летит в разные стороны нижнее белье. И телеведущий передачи «Главная роль» Юлиан Макаров на канале «Культура», встречаясь с режиссёром Крымовым, выдаёт как высочайшее достижение сегодняшнего театрального искусства и главную премьеру сезона этот спектакль «Серёжа». Представить трудно, чтобы наш МХАТ дошел

Солоницын Алексей Алексеевич, писатель, кинодраматург, режиссер-документалист. Родился 22 марта 1938 года в г. Богородске Горьковской области. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета в Свердловске (ныне Екатеринбург) в 1960. Много ездил по стране, работал в газетах, на телевидении. Последние сорок лет живет в Самаре. С 1972 г. – член Союза писателей России, с 1984 – член Союза кинематографистов России. За более чем полвека творческой деятельности в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Нижнем Новгороде, Рязани и других городах страны и зарубежья издано, включая переиздания, тридцать книг писателя. По его сценариям снято около сорока документальных фильмов. С 1994 года по благословению митрополита Самарского и Тольяттинского Сергея возглавил созданную в Самаре общественную организацию «Самара Православная» и руководил ею до 2005 г. На одной из независимых телерадиокомпаний России СКАТ готовил к эфиру и вел одну из первых в России православных телепрограмм «Путь». Продолжает православную просветительскую работу. Дипломант Патриаршей литературной премии свв. Кирилла и Мефодия 2012 года, лауреат первых Всероссийских литературных премий им. Александра Невского (Санкт-Петербург), Ивана Ильина (Екатеринбург), Серафима Саровского (Нижний Новгород), Международного кинофестиваля «Золотой витязь» (Москва). Имеет правительственные, Патриаршие и другие награды.

¹ Крымов Дмитрий Анатольевич – российский художник, сценограф, театральный режиссер и педагог. Член Союза художников России и Союза театральных деятелей РФ.

до такого, которое называется «настоящим постмодернизмом», и Макаров так восторженно говорит об этом спектакле!

– **Но это настоящий постмодернизм и есть.**

– Поэтому проблемы сегодняшнего творчества, его сущности, остаются суперактуальными, главными, ведь если в основе искусства не лежит христианское мировоззрение, если нет в сердце Христа, о чём можно говорить, о какой красоте, которая спасёт мир. Ведь Достоевский совсем не о внешней красоте говорил, он говорил о красоте духовной, о красоте, где есть Христос, – вот что такое красота.

– **Он говорил, что красота лика Христова спасёт мир.**

– В наше время Бергман и Антониони были главными кумирами кинематографа, и сейчас видно, что семена порока, воспетого ими, посеяны уже тогда. Ведь основная идея Бергмана, который повлиял на весь ход мирового кинематографа и на литературу, в том числе, – бессмысленность жизни, двойственность человеческой природы, порок, который в человеке есть главное. Порок скрыт, и выявить его – вот настоящая задача художника. Тогда это считалось необыкновенной смелостью. В фильме «Персона» показывают милую, чудесную Биби Андерссон, которая и в «Молчании» играет у него, с Лив Уильман в роли её сестры-антипода. В подвалах души у них скрывается порок, он свойственен обеим сестрам. И этот фильм «Персона» был тогда поднят в искусстве как знамя.

Так в литературе, в театре, в кино, постепенно вместо добра, вместо утверждения светлого человеческого начала всё больше и больше изображается порок. Он соблазнителен своей кажущейся тайной, он выдаётся за нечто новое.

– **А вы сами так думать давно начали? Когда у вас этот поворот в сердце и в голове произошёл, мировоззрение изменилось. И почему?**

– Дело в том, что современное искусство, начиная с 90-х годов, с перестройки, когда открылись все шлюзы, когда свобода была понята как вседозволенность, наша литература резко приняла оборотную сторону. С показа «Маленькой Веры», которая стала неким символом раскрепощения, порок начал входить в наше искусство, в литературу. И чем дальше, тем сильнее следовало резкое размежевание между добром и злом, между литературой, которая несёт добро, и так называемой постмодернистской литературой, которая на первое место ставит порок и его воспевание. А семена эти были посеяны в 60-е годы.

– **Алексей Алексеевич, я лично о вас. Вы сейчас анализируете, как развивалась наша литература. Но ведь литература – это произ-**

ведения, которые выходят из-под пера конкретного человека. И чем его душа озабочена, то и на бумаге запечатлевается.

– Да.

– Вот вы лично сейчас уже точно стоите на православных позициях, отличаете добро от зла. Помните ли вы тот период своей жизни, когда вы к этому пришли?

– Понимаете, при советской власти ориентир был всё-таки на добро, на положительный идеал, он был коммунистический, но ведь мы знаем, что положено в основу кодекса строителя коммунизма. Я всегда писал, понимая, что главное в литературе – это человек. И в человеке меня интересовал прежде всего его нравственный выбор. Мне говорили: «Что твои герои? Пьют, сомневаются, место в жизни ищут», – а это было моё внутреннее состояние. Мне говорили, чтобы я поехал в Тольятти, посмотрел «Куйбышевгидрострой», «ВАЗ», где настоящие герои, а я, дескать, иду по обочине жизни. Первый мой рассказ назывался «Сердце болит». Тогда я не понимал, что сердце моё стихийно верно определило направление моего творчества, что когда сердце болит за другого, значит это здоровое сердце. Мой герой – кондуктор, он замечает, что какая-то девочка в трамвае всё время ездит, подходит к ней и говорит: «Ты что едешь тут всё время?», – а она отвечает: «Папа мой на заводе работает, он от нас ушёл». И этот кондуктор, старый, грузный, с больным сердцем, идёт к её отцу, директору завода, говорить об этой девочке. Эта тема меня затронула, потому что я наблюдал такое, это все на самом деле происходило. Но мне сказали, что слишком это печальный рассказ, потому что герой мой, кондуктор, так переживал, что у него не выдержало сердце. И рассказ мой был напечатан в другой редакции – со счастливым концом. Сейчас составляю юбилейную книжку и верну всё на свое место.

Тема моего творчества, конечно, была стихийно определена с самого начала, то есть те идеалы, которые были заложены в моральном кодексе строителя коммунизма, они были мне близки, ведь это были те самые десять евангельских заповедей, пусть секуляризованные, усечённые, без упоминания Того, Кем они даны человеку – без Бога. Но я, сам того не понимая, шёл верной дорогой и постепенно пришёл к тому, что истинная красота, истинная высота, она проявляется в устремлённости к Богу, и если этого нет, то нет художественного произведения.

Поворотным моментом, конечно, для меня стал фильм «Андрей Рублёв». Когда я приехал к брату¹ и открыл для себя красоту Древ-

---

¹ Анатолий Алексеевич Солоницын (1934 – 1982) – актер театра и кино, воплотивший на экране образ преподобного Андрея Рублева в одноименном фильме Андрея Тарковского.

Анатолий и Алексей Солоницыны с родителями – Алексеем Фёдоровичем и Ниной Кузьминичной. 1953 год

ней Руси, её иконопись, зодчество, меня это всё потрясло до основания. И я думаю, что Тарковский стихийно это понимал. В своей книге о съёмке фильма «Андрей Рублёв» я постарался рассказать, что к истинному пониманию назначения творчества они шли стихийно, но промысл Божий вёл их. Так и со мной случилось. Постепенно, шаг за шагом, я поднимался в стремлении к какому-то идеалу и в конце концов понял, что этот идеал воплотился только во Христе. Конечно, сейчас все клянутся Достоевским, и почти каждый говорит, что благодаря ему пришёл к Богу. Могу сказать, что да, конечно, Достоевский ошеломил и меня, и я, например, до сих пор считаю, что конца, лучшего, чем в «Идиоте», и более трагичного, во всей мировой литературе нет. И мой любимый роман не «Братья Карамазовы», а «Идиот». Помню себя студентом второго или третьего курса, когда я вышел из читального зала, ошеломлённый прочитанным. А потом посмотрел поставленный Товстоноговым спектакль в БДТ, где мне посчастливилось увидеть Смоктуновского в роли Мышкина, потом получилось так, что жена моя¹ дебютировала в самарском драмтеатре

¹ Раиса Михайловна Лунёва (1938 – 2003) – актриса Куйбышевского театра драмы с 1973 по 1987 гг.

в «Настасье Филипповне», – так назывался спектакль Монастырского¹, поставленный им по роману Достоевского.

Один критик сравнил Достоевского с вулканической лавой. Да и некого рядом с ним поставить, конечно. Но я не скажу, что он сильно на меня повлиял как на писателя. Гораздо ближе мне Чехов и по стилистике, и по пониманию жизни – по всему ближе. Хотя я, конечно, люблю Достоевского и понимаю, что он как человек, который несёт в мир Евангелие, не только в нашей, но и во всей мировой литературе не имеет себе равных. К этому я шёл, конечно, постепенно, от стихийно верующего, от человека, который увидел, что моральный кодекс строителя коммунизма является лишь частью, маленькой, но только частью настоящего, а сердцевина его открылась мне благодаря вам, когда я стал ходить в храм, всё больше и больше окунаясь в Православие, изучать, какие идеи оно несёт. И так постепенно стали открываться мне и смысл, и назначение творчества. Когда Пушкин говорит:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам,
<.....>
Животворящая святыня!
Без них земля была б мертва,
Без них наш тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без божества, –

то он совершенно точно определяет, что есть для нас любовь к отеческим гробам, к родному пепелищу, то есть к нашей истории, ко всему драгоценному, что есть у России. Почему же сейчас такое размежевание? Вот постмодернисты, которые воспевают порок и позволяют себе невесть что, и вот наша традиция. Пастернак писал: «Талант – единственная новость, которая всегда нова». Я бы сказал: «Христос – единственная новость, которая всегда нова», – именно Христос, это основа, которая держит не только литературу, не только искусство, но и всю страну. Понимаете? Ведь если внешний сегодняшний камуфляж России демократический по всем статьям, то ментальность нашу, нашу суть не изменить.

– Да, дело в том, что весь XX век пытались создать нового героя, поставить новые цели. Вот роман Николая Островского «Как закаля-

¹ Петр Львович Монастырский (1915 – 2013) – театральный режиссер, актер, публицист. Народный артист СССР. В период с 1955 по 1997 гг. режиссер, художественный руководитель и главный режиссер Куйбышевского театра драмы.

лась сталь», вроде бы там хорошие люди, жертвенные, только чему жертвовали? Главная их беда в том, что они были оторваны от своих корней: уничтожались документы, рассыпались, разбрасывались по всему миру семьи. Эмиграция, ссылки, лагеря... И человек оставался один, без корней, без рода без племени. А ведь на самом деле, как вы сейчас сказали, любовь к родным пенелищам, к отечественной истории, к собственному роду, к тем, кто жил до нас, – это и есть та животворящая святыня, почувствовав которую, люди стали наполняться силой своих корней и рода, и у них всё стало на место вставать и в голове, и в сердце, и в творчестве... Постмодернистов у нас сейчас в России много, и они на виду. Какие-то поступки девиантные, будем так говорить, да, их видно сразу. Вот хулиган идёт, и его сразу видно, а мимо незамеченными идут десятки, тысячи добрых людей. И не стоит, думаю, выдавать какие-то частные явления за систему. Это всего лишь попытка стать системой, и она не приживется в России. У нас и театральное искусство, и кинематограф, и художественная литература живут по своим законам.

Вы, конечно, ближе к писательскому цеху. Каких современных авторов вы можете выделить? Думаю, что русская литература XXI века начинается на наших глазах.

– Если говорить о себе, то меня как личность с детства формировали в одинаковой степени и литература, и книги, и кино. Вот посмотрите, сейчас выделяют каких-то писателей, отмечают самыми престижными премиями, а затем эти авторы бесследно растворяются. Ни экранизаций, ни театральных постановок по их произведениям нет.

– Могу привести пример автора, произведения которого меня действительно затронули, это Евгений Водолазкин¹, ученик Д. С. Лихачёва, доктор филологических наук, лауреат множества премий. Его житийный роман «Лавр» – это уникальная художественная интерпретация жития святых. А его роман «Авиатор» – это вообще просвет какой-то новой русской литературы лихачёвской школы, в которой восстанавливается связь времён. Героя романа, ровесника XX века, разморозили после 60-летнего сна. Это такое интересное путешествие во времени, фантастический сюжет, но настолько точно показана реальность того времени. И здесь возникает такое понятие, как люди одного времени: возраст у людей разный, даже поколения разные, а всё равно мы живём в один временной период, и поэтому мы похожи.

– Меня больше впечатлил «Лавр». Поразило глубокое, тонкое знание житийной литературы, воплощенное в великолепную художе-

¹ Водолазкин Евгений Германович – российский писатель и литературовед. Лауреат литературных премий «Большая книга», «Ясная Поляна», «Русский Рим» и других.

ственную форму. Но мои собратья-литераторы, когда я стал говорить им о романе, – посмотрите, какая появилась литература! – отмахнулись: «Да что ты, там ничего кроме житий нет...» И я убедился, что такая литература не понята даже профессионалами.

– Даже среди современных писателей-патриотов всё же таких, как вы и Водолазкин, единицы – людей воцерковлённых, которые не только знают историю нашей страны, всё доброе, что в ней есть, наши корни, но и её духовную историю, историю Руси, принявшей Христа, описанную в житиях святых. Встречался со многими самарскими писателями, но они...

– Я вам скажу, что говорил об этом с редактором одного журнала: «Напечатай отрывки из “Лавра”, посмотри какая глубина, какие взаимоотношения героя с любимой!» – «Да что ты, Лёша, это же никому не интересно...» Говорю: «Ну хорошо, а “Обитель” Прилепина ты читал? Этот роман на меня произвёл большое впечатление». Отвечает: «Вот Прилепин, это да».

Почему я постарался сделать детективный сюжет, чтобы как-то увлечь читателя. И отец Николай Агафонов¹ тоже говорит мне: «Надо сразу брать быка за рога, начало должно быть захватывающим». Возражаю: «Отец Николай, откройте вы, пожалуйста, Достоевского, посмотрите какие прологи, какое описание рода Карамазовых...»

– Алексей Алексеевич, я уже говорил про понятие «люди одного времени». У читателей, живших в одно время с Достоевским, была неспешная жизнь, они иначе смотрели на мир, а сейчас такая суета, и поэтому уже даже не детектив захватывает внимание, а остросюжетный роман или повесть. Тайна, которая появляется с самого начала, и которую хочется раскрыть. И вот тайна тебя манит – как это всё будет разворачиваться и чем же всё это закончится.

Вот это интересно. Почему я и выделил Водолазкина. У Прилепина² тоже много искусственной остросюжетности, скажем так.

– Хемингуэйвщина такая: надо обязательно на войну поехать, найти какой-то конфликт... Вот почему мне ближе Чехов, – в своих произведениях он разбирает, казалось бы, простые бытовые вещи,

---

¹ Протоиерей Николай Агафонов – православный писатель, член Союза писателей России. Автор нескольких сборников рассказов и исторических романов. Лауреат всероссийских литературных премий «Хрустальная роза Виктора Розова», «Святого благоверного князя Александра Невского» и Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

² Захар Прилепин (настоящее имя Евгений Николаевич Прилепин) – писатель, филолог, публицист, общественный и политический деятель. Лауреат литературных премий «Ясная Поляна», «Супер-Надбест», «Большая книга» и многих других.

взять хотя бы его пьесу «Дядя Ваня» или рассказ «Анна на шее», а какая глубина, какая сила. За этим стоят огромные пласты жизни. Но я живу в это время, и хочется, чтобы тебя читали, поэтому большие вещи приходится строить с таким сюжетом, который бы был интересен читателю.

– Меня немного смущает такой ориентир на читателя. Ведь многие авторы писали в стол, зная, что читателя у них не будет, потому что их никогда не опубликуют, по крайней мере в ближайшее время. Может быть, эта ориентация на современного читателя и порождает такие искусственные, выдуманные сюжеты. Вроде бы, на первый взгляд, и православные, и духовные, а как сказал бы Станиславский: «Не верю!» Думаю, живое сердце должно подсказывать писателю, что ему надо писать: понравится ли его произведение не человеку, а Христу. У автора сразу возникает желание, чтобы его книгу читали и продавали. Тиражи говорят сами за себя: и «Лавр», и «Авиатор», и ваши, и прилепинские книги печатаются и расходятся. Деньгами люди голосуют за это творчество. Конечно, может быть, страстная литература имеет большие тиражи, но я говорю о настоящей художественной литературе, которую сейчас читают, покупают и переиздают. Можно спросить в книжных магазинах: «Есть такая книга?» «Нет, – ответят, – раскупили, но скоро ещё один тираж выйдет, мы заказали».

– Конечно, в это хочется верить, и знаю, что такой читатель есть. Часто приходится самому продавать свои книги, выступать и на выставках, и в библиотеках, и в студенческих аудиториях, я никогда не отказываюсь, если приглашают, потому что считаю, что живое общение необходимо. Как ты умеешь говорить, так тебя и воспринимают. Бывает, что приходишь в студенческую аудиторию, видишь пустые глаза, и понимаешь, что то, что ты говоришь, их не трогает. Но вдруг к тебе подходят молодые люди, и оказывается, что есть ребята, которые читали и Кафку, и Хемингуэя, и Фолкнера, и вообще хорошо знают современную литературу. Спрашиваю: «А вы читали Спаркса? Знаете его “Дневник памяти”?» Николас Спаркс – католик, очень хороший американский писатель. «Да, – отвечают, – читали и фильм видели».

Если в Америке набирает популярность какое-то литературное произведение, тот же «Дневник памяти», по нему сразу снимают фильм, Голливуд борется за то, чтобы купить экранизацию. У нас же существует клановость московская и петербургская, и туда не пробиться... Может, и к этому надо относиться спокойно, но досадно,

что есть у нас писатели, которые получают Патриаршие премии, создают хорошую литературу, но её замечают только наши читатели...

– Здесь дело, думаю, не в этом, Алексей Алексеевич.

– А в чём?

– Просто перед некоторыми руководителями сейчас стоят другие задачи: наоборот развратить молодёжь, оторвать её от корней, не дать ей стать лучше. Все понимают, какой на самом деле большой идеологический потенциал имеет кино. Сейчас и в фильмах, и в телепередачах реализуется отрицательный потенциал творчества. Вот Дмитрия Быкова¹ выставляют – с таким умным видом что-то говорит, стихи пишет. Но пустота она и есть пустота, развлекательная литература.

– Или биографии Мандельштама, Пастернака, изданные в серии «Жизнь замечательных людей»...

– Но дело в том, что цель и задача у них какая? Творчество все равно обо всём скажет, по творчеству можно узнать и творца.

– Да.

– Творца и со-творца. Когда Господь творил мир, то говорил: это хорошо². Может ли человек сказать: да, всё, что я сделал, – всё благо, всё весьма хорошо? Книги характеризуют самих людей, их страсти.

И потом существует экономика, продаваемость. К сожалению, разврат, гламур, попытка исказить человека – хорошо продаются. Это говорит о духовном состоянии общества.

– Ещё с советских времён я заметил эту тенденцию, она продолжается и сейчас. Жаль только наши сторонники, православные люди, в мастерстве своём уступают. По ту сторону у них все красиво завернуто, обложки прекрасны, я имею в виду форму, и литературной формой они здорово овладели. Православным писателям часто говорят: хорошая идея, но посмотри, как она у тебя выражена примитивно, нет хода интересного, нет мастерства, а лидеры коммерческой литературы, как правило, мастерством обладают высоким.

– Да, да. Литература, словесность – это прежде всего слово. Помню, в молодые годы, когда я много читал, вдруг понял, что главное-то в книге не сюжет, главное – слово. Как это написано, как это

---

¹ Быков Дмитрий Львович – российский писатель, поэт, публицист, литературный критик, радио и телеведущий, журналист, кинокритик и преподаватель, политический деятель.

² *И увидел Бог все, что Он создал, и вот хорошо весьма* (Быт. 1, 31).

показано... Теперь могу отличить настоящую литературу не по сюжету, а по слову. Слово на самом деле – редчайший дар, и мало кто им обладает. Вы правы, что обладание мастерством живописания словом – это и есть классика.

– Посмотрите, сейчас очень большой пласт так называемой иерейской литературы, но ведь всё-таки основана она на реальных фактах. Митрополит Тихон (Шевкунов), он же нигде себя писателем не называет, хотя его «Несвятые святые» продаются оглушительными тиражами, уже несколько миллионов экземпляров вышло. «Почему, владыка, не пишете продолжение?» – спрашивают его. – «Да и не буду писать, я уже сказал, что знал». Всё уже сказано. А сейчас каждый стал писать.

– Это очень интересно, потому что вдруг в обществе появилось большое внимание к церковной жизни, жизни монастырей, священников, к личности этих людей, к их быту вне службы. Думаю, что это литература нашего времени.

– Это верно, но уже прошло почти 30 лет. Почему я взялся за «Красные родники»? Мне захотелось самое главное показать, как люди, пострадавшие за Христа, были в лагерях, прошли войну, и что сейчас эта золотая цепочка следующих за Христом не прервалась, она есть, и на крови мучеников благодатные семена-то и взошли. Ведь посмотрите, что эта сытость, этот комфорт сделали с Европой? Всё, всё выродилось. У главного собора рядом с Карловым мостом в Праге на паперти стоит музыкант и джаз играет...

– Но всё равно в храм-то их тянет: не где-нибудь играет, а на паперти храма, как нищий духом...

– А храмы все равно пустые.

– Думаю, что хорошо бы, чтобы и у нас было тоже немножко комфортнее, удобнее жить. Вот вам, например, на четвертый этаж трудно подниматься, а там и четырехэтажные дома с лифтами тоже есть.

– Думаю, что чем тяжелее, чем ночь темней, тем ярче звёзды.

– Может быть, мы себя так утешаем. Думаю, что не надо это возводить в аксиому. Дело в том, что не только бедные спасаются, но и богатые тоже могут не погибнуть. Говорят, что дело-то не в этом: не богатство губит, не нищета спасает, спасает призвание Божие, и как человек этим призванием распорядится. Вот это точно важно. Думаю, что и в Европе есть аскеты и молитвенники, и люди, которые верны Христу, как показывает и литература, и практика.

И святые места там есть, всё там есть. Может быть, это не так востребовано в обществе, может быть, людей от Церкви отвлекают искусственно. Но всё же считаю, что вы сейчас на правильном пути. Вот был фильм «Левиафан», говорили, что у нас на Безымянке¹ ещё хуже, ещё безнадежнее, чем показано в этом фильме. Но любое произведение, изображая конкретную ситуацию, обобщает ее и показывает, что вообще всё везде так: и в душе, и в жизни, и люди такие.

Поэтому надо показывать типологию святого человека, который попадает в экстремальные ситуации: на войне, в лагере. Франкл² – психолог, прошедший немецкие концлагеря, говорил, что восемьдесят процентов людей в таких условиях теряют человеческий образ, превращаются в животных: за кусок хлеба готовы убить. И лишь небольшая часть людей сохраняет человеческий образ благодаря своей вере. Только верующий человек способен сохранить человеческий образ в любых ситуациях: и в богатстве, и в бедности, и в заключении. И задача искусства показать, что условия жизни могут нам помогать, а могут нас испытывать, но главное, всё же, – один ты или со Христом.

– Да, это верно. В августе 2018 года скончался близкий мне человек, Игорь Александрович Найвалт, основатель «Балтийской строительной компании», дочерним предприятием которой является наш «Волгатранстрой». Он знал, куда деньги девать, – финансировал восстановление и строительство более семидесяти храмов, памятника Александру Невскому в Александро-Невской лавре и многие другие проекты. Особенно последний проект меня тронул – памятник Андрею Тарковскому и фильму «Андрей Рублев» в Суздале: пятиметровый колокол, слева Бурляев в образе Бориски, справа Анатолий в образе Рублёва, а впереди Тарковский. Скульптор – молодая девчонка³ сделала все бесплатно: отливка, установка – от начала и до конца. Игорю Александровичу большое спасибо, памятник замечательный. Сколько я его помню: на нём чёрная рубашка, джинсы, какая-то шапочка...

¹ Безымянка – крупный промышленный и жилой массив, расположенный в юго-восточной части города Самара, недалеко от железнодорожной станции Безымянка. Как крупный промышленный узел получила развитие в 1940 году, в связи с началом строительства здесь авиационных заводов и Безымянской ТЭЦ, а также созданием вблизи станции Управления особого строительства НКВД СССР и Безымянлага. Летом 1941 г., после начала Великой Отечественной войны, на территорию Безымянки были эвакуированы заводы и другие промышленные предприятия из городов центральной и западной части СССР. Город принял свыше 250 000 эвакуированных, в этой связи с начала 1940-х гг. здесь велось массовое жилищное строительство.

² Франкл Виктор Эмиль (1905 – 1997) – австрийский психиатр, психолог и невролог, бывший узник нацистского концлагеря.

³ Тихонова Мария Юрьевна – художник монументалист, скульптор, член Московского Союза Художников.

– **Образ русского купца такого.**

– Пришли мы в храм Игоря Черниговского, построенный стараниями Найвальта, и Нина Шумкова предлагает: «Давай сделаем фильм о нём?» Я говорю: «Давай, это стоит того»¹. Награждает его Патриарх орденом «Слава и Честь» первой степени, а он пришел в чёрной рубашке с короткими рукавами. Слава Богу, орден на ленте, так и одели ему. Внешне Найвальт очень похож на Савву Морозова, на наших русских богатырей. Такие богатыри, я думаю, и сейчас есть, но хотелось бы, чтобы было больше. Вот таких богатырей духа, как архимандрит Павел Груздев², которого я безконечно люблю, или как Игорь Найвальт с его статью, характером, силой.

К слову, посёлок Богатырь на берегу Волги, рядом с Ширяево³, и вот там была стремнина, бурлаки на этом месте сбрасывали бечеву и звали местных молодцов, которые выгребали, где бурлакам было не под силу. Потому и посёлок называли Богатырь. Это богатыри были и статью своей, и силой, замечательные люди, но были и другие, например, как наш митрополит Мануил (Лемешевский) – сам невелик, но богатырь духа.

В своём романе мне хотелось показать, как мученики за Христа, которые и есть соль нашей земли, спасли Русь, подняли нас из грязи этого хрущёвско-сталинского безбожия, дикости. Казалось бы, уже всё мы потеряли, одичали уже окончательно, но нет, родники пробилась, и вот есть и Шукшин, и Валентин Распутин, и Владимир Крупин, и современные писатели, тот же Водолазкин, Прилепин. И уже сейчас рождается литература XXI века.

– **Русская классическая литература.**

– Да, я считаю четыре составляющих должны быть в литературе: бытовая правда, социальная правда, психологическая правда и духов-

¹ «Тетива» – документальный фильм о жизни Игоря Найвальта. Автор сценария – Алексей Солоницын, режиссер – Нина Шумкова.

² Архимандрит Павел (Груздев) (1910 – 1996) – старец Русской Православной Церкви. С малых лет жил при монастыре, служил и трудился на благо Церкви. С 1938 г. как «социально опасный элемент» скитался по тюрьмам и ссылкам. В 1958 г. после реабилитации принял священный сан, а в 1961 г. – монашество. С 1962 г. иеромонах, с 1966 г. – игумен, с 1966 г. – архимандрит. Люди со всех концов страны ехали к нему за благодатным утешением и решением жизненных вопросов, – он учил христианской любви притчами и рассказами из жизни. Даже в конце пути, несмотря на полную слепоту и тяжелую болезнь, продолжал служить, проповедовать и принимать народ. Похоронен на Леонтьевском кладбище Тутаева, место погребения подвижника пользуется народным почитанием.

³ Ширяево – село в Самарской области на правом берегу Волги, расположенное в пределах Жигулевского заповедника в широкой долине у подножия Жигулевских гор.

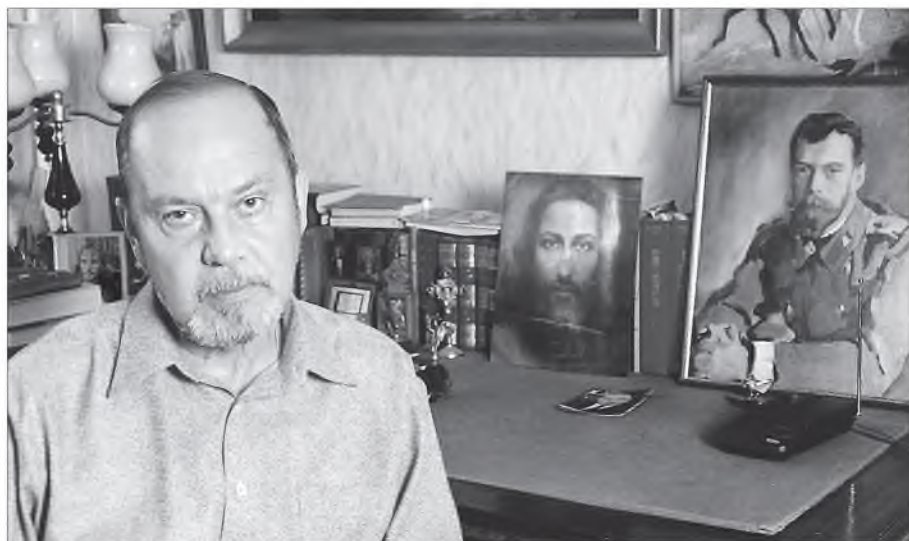
ное начало. Если нет этого перста, указующего на Христа, как у Иоанна Крестителя на картине Леонардо да Винчи, то и великой литературы нет. Когда же эти четыре составляющие есть, тогда есть и великая русская литература.

– Алексей Алексеевич, вы сейчас говорили, и у меня возникла такая мысль, что весь XX век ругают Сталина за репрессии, ругают Хрущёва, но самое непростительное, что они совершили и за что будут отвечать перед Богом, это за то, что они русский народ пытались оторвать от веры. И хоть налаживалась какая-то социальная жизнь, была сохранена империя, но в войне всё равно победили православные русские люди, те пятьдесят миллионов человек, которые ещё при царе родились. Самое большое преступление руководителей советского времени – это богоборчество, в которое они вовлекли огромное количество наших соотечественников, оторвав от веры, от Христа. Это есть геноцид русского народа. И Хрущёв был ещё тот продолжатель воинствующего атеизма, он разрушил те храмы, которые до него не взорвали и не уничтожили, потому что остановились перед их красотой, просто рука не поднималась, – а у него поднялась. Думаю, самое главное преступление против народа – это убийство души русского человека, и это преступление даже более серьёзное и ужасное, чем лагеря. Лагеря – это один из способов превратить человека в животное, сломать его. Но весь XX век происходило убийство человеческой души. И про это мало кто говорит. А это преступление, у которого нет срока давности, и нам оно ещё долго будет аукаться. В душах человеческих эта сила бесовская до сих пор живёт. Это можно назвать смыслом постмодернизма: попытка реванша безбожия, стремление загубить человеческие души, которое началось с революции, с Троцкого и Ленина, со Сталина и Хрущёва, и вот сейчас продолжается...

– Согласен с вами, рано говорить о том, что мы победили, видимая и невидимая борьба так же остро идёт и сегодня. А что делать? А надо делать то же самое, что ты и делаешь. Вот есть твоё дело на земле, которое тебе Господь определил, и надо своё дело делать несмотря ни на что. По-моему, единственное, что держит лично меня, несмотря на все болезни, это уверенность в том, что моё дело я должен завершить до конца, и я буду его продолжать. Потому и живу уже 80 лет, и чувствую, что силы ещё есть, хотя мне очень трудно ходить, но тем не менее силы ещё есть, и может быть, я еще что-нибудь напишу.

– Мы желаем вам многая лета, сколько Господь благословит, не будем называть сроки, не будем вмешиваться в милость Божию. Как одному человеку пожелали: «Дожить вам до ста лет», а он говорит:

Алексей Алексеевич Солоницын

«Зачем умалять милость Божию? Может Он и больше даст». И чтобы у вас была сила духа, чтобы вы не унывали ни при каких обстоятельствах.

– Апостол Иоанн сколько прожил, сто лет, да? Сегодня день его памяти. А почему он столько прожил? Потому что Христос для него был светом, который он нёс в себе. Он говорил, что если в тебе есть любовь и незлобие, тогда и силы будут.

– Да дело даже не в этом. Многие выдающиеся люди жили недолго, просто «исполнили повеленное», как говорили апостолы, и Господь их призвал от трудов праведных. А пока мы делаем то, что Господь нам поручил, как вы правильно сказали, пока мы нужны людям, Он нас будет терпеть.

Здравия вам, дорогой Алексей Алексеевич, долголетия, крепости духа и оптимизма!

– Спасибо!

СПАСТИ ЧЕЛОВЕКА

Двадцатый век... Владимир Соколов, поэт этого века, тончайший лирик, в конце своей жизни написал:

*Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек,
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек.*

Расчеловечивание шло так целенаправленно, так сильно, что иного пути, как только к коммунизму, казалось, и представить было невозможно.

Но среди отравленных, окровавленных рек все-таки били и чистые родники – родники нашей веры Православной, которая и спасла Россию.

О том, как это было, написано немало. Но каждому, кто берется за перо, все равно кажется, что он первооткрыватель. И что пишет он о том, что до него не говорили и не писали. И это действительно так, потому что каждая жизнь, каждый личный опыт уникален.

Тем более, что нераскрытых страниц в жизни нашей Русской Православной Церкви столько, что о них будут писать и писать, и каждый раз удивляться неслыханной стойкости наших подвижников и исповедников, их чудотворному дару, врученному им Господом за то, что они пошли на страдания и смерть во имя Христа Спасителя.

В этой повести рассказана реальная история, достоверная по фактам, но, подчеркну, есть здесь и литературный домысел, без которого не может быть полноценного художественного произведения.

Я основывался и на личном опыте, и на рассказанном разными людьми, от митрополитов до прихожан Православной Церкви, которых мне посчастливилось знать, а с некоторыми и дружить. И я предпринял попытку создать некий обобщенный образ иерарха Церкви.

Разумеется, у прообразов моего героя разные характеры, разные обстоятельства жизни, в которых они жили и умирали, но неизменно одно – верность Христу до последнего вздоха. Они те самые герои, которые претерпели до конца, как говорил Господь о тех, кто войдет в Его Царствие Небесное. И если читатель все-таки спросит: «А было ли это на самом деле?» Я отвечу: «Да, было». Но чтобы автора не обвинили в неправильном изложении фактов, я, повторюсь, изменил фамилии реальных героев, которые здесь описаны. Кроме того, я использовал прием, когда пове-

---

Публикуем журнальный вариант первой повести книги Алексея Солоницына «Красные родники».

ствование ведется как бы не самим автором, а рассказчиком, который тоже является литературным персонажем. Этот прием использовался в нашей классической литературе неоднократно – вспомните, к примеру, «Повести Белкина» Александра Сергеевича Пушкина.

Стихотворение, с которого я начал это вступление, заканчивается так:

*Я давно уже ангел, наверно,
Потому что, печалью томим,
Не прошу, чтоб меня легковерно
От земли, что так выглядит скверно,
Шестикрылый унёс серафим.*

Да, поэт прав в том, что верные Христу – Ангелы Церкви. И просьбу поэта, как теперь, уже в двадцать первом веке, стало очевидно, надо бы произнести – ибо шестикрылый Серафим унес земных Ангелов к Небу. Потому что, благодаря именно им, пробилась чистые родники, которые мы можем по праву называть красными, ибо их святая чистота освящена кровью мучеников и исповедников нашей обезображенной, но выжившей и взявшей курс на возрождение Русской Земли.

Алексей Солоницын

И приступило к Нему множество народа, имея с собою хромых, слепых, немых, увечных и иных многих, и повергли их к ногам Иисусовым; и Он исцелил их.

Мф. 15, 30

Враспахнутые двери деревянного сарая, который находился неподалеку от дома, я увидел владыку, стоящего у верстака. Не выпуская из рук рубанок, которым он обтесывал доску, владыка глянул на меня, кивнул, пригласив войти. Заканчивая работу, он открутил винты, которыми доска держалась на верстаке. Затем приладил доску к поперечине и развернул изделие лицом ко мне. Лишь теперь я понял, что он сделал, увидев, как ладно складывается и раскладывается узкая столешница из холстины на четырех ножках.

– Вот, неплохо получилось, – он проверял, ровно ли стоит на полу его изделие. – Осталось ножки покрасить, и будет аналойчик¹.

– Замечательно. Но вы утомились.

– Утомляет безделье, а работа силы дает. – Он вытер пот со лба и присел на скамейку у стены. На нем льняной светло-серый подрясник, седые

¹ Аналой – столик с покатым верхом, на который в церкви кладут иконы, книги, крест.

волосы схвачены узкой черной лентой, как у мастерового. Высокий, худой, он не казался больным, но я точно знал, что ему предписано лежать в постели. – Садитесь рядышком. Здесь прохладно, дышится хорошо. Что пишете? Рассказывайте.

– Да ничего особенного. Все какая-то текучка, никак до главного не могу добраться.

– Да? И мне это чувство знакомо... Сегодня, пожалуй, одну тетрадку вам отдам, дорогой Владимир Иванович. А может, и не одну. Чувствую, пора. Вот пришел сюда раненько, да столько возился, прежде чем за работу взяться. Это о многом говорит. Ну да ладно.

В сарайчике, где владыка плотничал, мы сидели недолго. Пришла его помощница Прасковья, позвала к завтраку. И вот уже в доме, за трапезой, владыка рассказал мне о подробностях биографии своего духовного руководителя и воспитателя Макария, о которых я знал немного или совсем не знал.

– Выскажу вам одно мое соображение, – сказал владыка. – Вы, надеюсь, меня поймете. Когда я писал, мне хотелось, чтобы мои записи были разнообразны что ли, понимаете? Поэтому рассказы владыки Макария о себе я решил изложить от первого лица. Подумал, что так мои записи будут лучше восприниматься читателем... Ну да ладно. Как получилось – так и получилось.

Он вздохнул, посмотрел на меня несколько смущенно. Видимо, и сейчас сомневался, все ли он сумел сказать о самом дорогом для него человеке так, как надо.

– Но вот что: прежде всего, укажите, Владимир Иванович, краткие сведения о моем духовном отце. Я их записал в предисловии. Впрочем, мы же с вами договорились: вы можете после прочтения представить читателю мои записи и в другом виде...

Он вручил мне тетрадь с доброй улыбкой.

Я поблагодарил владыку как можно сердечнее за его доверие ко мне и поспешил к себе домой. Мне не терпелось поскорее усесться за чтение.

Первая тетрадь начиналась с краткого обзора биографии владыки Макария.

«Вырос будущий митрополит в конце девятнадцатого – начале двадцатого века в семье профессора Василия Сергеевича Гвоздева. Там все дышало воздухом книжности, учености и искусств. Отец его преподавал в университете историю, мать, пианистка, однажды даже победила на международном конкурсе в Париже. В доме у них бывали не только ученые мужи, но и художники, писатели, музыканты. Так что юный и любимый всеми Вячеслав, которого в семье звали Славиком, сын из-

вестных в Москве родителей, по рождению и воспитанию принадлежал к элите российского общества. Поступив в университет на медицинский, он, увлекшись философией, ответы на главные вопросы жизни стал искать в философии, затем в богословии. К немалому удивлению родителей, державшихся прогрессивных убеждений и скептически настроенных к Православию, Славик, которому прочили успехи если не в медицине, от которой он постепенно отошел, то в философии, стал предпочитать встречи не в доме родителей, а в обществе одного из известных в Москве архиереев. Там составилась своеобразный кружок из священнослужителей, где обсуждались как самые горячие новости тех страшных дней, так и вопросы богословские. И вот в этой-то высшей священнической среде оказался один мирской человек – будущий митрополит Макарий.

Когда случился октябрьский переворот семнадцатого года, он принял священнический сан. В 1922 году жертвой власти, объявившей себя непримиримым врагом Церкви, пал митрополит Санкт-Петербургский и Гдовский Вениамин. Вместе с ним были убиты его сподвижники-священники и богословы-миряне. После их расстрела протоиерей Вячеслав Гвоздев принимает монашество с именем Макарий, владыка Тихон, избранный Патриархом, возводит его в сан архимандрита, а затем епископа и благословляет на борьбу с обновленцами, которые заняли в северной столице главенствующее положение.

Внешне владыка Макарий производил впечатление слабого, болезненного человека. Невысокого роста, худощавый, он новой власти казался не представляющим никакой опасности.

Хватились власти через год, когда обновленцы один за другим стали терять свои приходы, прежде нагло захваченные. И всему виной, как выяснилось, явился вот этот невзрачный на вид архиерей, слово которого оказалось столь сильным и убедительным, что ни один из новоявленных деятелей «живой церкви» не мог устоять перед сильным и праведным обличением этого служителя Господня, которому, казалось, были вручены глаголы Истины. И ученые мужи, и самые простые люди сразу увидели в молодом владыке посланника Христова.

Спohватившись, чекисты быстро отправили владыку в ссылку, потом в только что образованный лагерь особого назначения. Начались скитания владыки по тюрьмам и лагерям, откуда он то освобождался, то вновь брался под стражу.

У худенького, невысокого ростом и, по всей видимости, слабого здоровьем священника оказались несгибаемая воля и крепкое здоровье. Тяготы жизни он переносил стойко и внешне, казалось, легко. Но что было

особенно видно всем, так это его ум, логика, аргументы, против которых вынуждены были отступать даже самые опытные чекисты.

Потом, опомнившись, они просто силой, без всяких доказательств, вновь заталкивали владыку в тюрьму или лагерь. Но и там он умел найти доводы и даже показать свою полезность тюремщикам. Поэтому его не расстреливали «до поры», как они говорили.

Событий такого порядка владыка поведал несколько. В тетради описано лишь одно из них, потому что оно показалось ему самым существенным».

Когда я прочел тетрадь, я понял, почему именно это событие из жизни владыки Макария легло в основу повести его ученика...

ПОВЕСТЬ ЕПИСКОПА N

Какое это счастье – слышать дыхание леса летней порой! Он прогрет солнцем, по которому истосковались и деревья, и кустарник, и травы, и каждая былинка в этих северных краях. Здесь лето короткое, но вот же, теплое, и напоминает мне счастливые дни в Подмоскovie. Там в лесу была наша дача, где мной исхожены все тропинки до самых заповедных мест. Там я любил растянуться на траве под березой или под кленом и смотреть в небо, следить, как плывут облака или как ведет себя какая-нибудь птица, которая сядет на ветку неподалеку. И вот тогда войдут в тебя запахи трав, деревьев, запахи леса, которые сливаются в единое

дыхание этого живого существа, близкого, родного тебе. Да, именно так я всегда воспринимал лес.

Конечно, северный лес отличается от нашего, здесь больше хвойных, хотя попадаются и лиственные деревья. Но все равно это лес, и когда я иду здесь, мне почти так же хорошо, как в детстве и юности. Я был и остался не праздношатающим, а познающим тайны, которые лес, как старший товарищ и друг, постепенно мне открывает. Мое увлечение медициной началось именно с познания леса. Открывая свойства трав, деревьев, листьев, коры и корней, я постепенно овладевал тайнами леса, узнавая, как можно лечить многие болезни всем этим богатством, дарованным людям всецелым Господом. Пожалуйста, бери, радуйся, набирайся сил на всю твою жизнь, которая будет тем долговечней и безболезненней, чем больше ты откроешь тайн леса, данного тебе Богом во здравие тела и души.

О здоровье души я задумался еще подростком. Я был похож, пожалуй, на того отрока Варфоломея, которому явился в облике схимника-монаха посланец небесный. Такой Ангел во плоти мне явлен не был, но уже в ранней юности я понял, что дыхание леса есть дыхание небес, дыхание Господне, которое и пробудило во мне знание присутствия Божьего. Я понял, что Он везде, растворен во всем, что окружает меня. И особенно остро я ощущаю Его вот здесь, когда иду долгой лесной тропой.

«Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу». – Я знал эту первую песнь «Божественной комедии» Данте, которая уже тогда наводила меня на противоположные размышления. Ведь у него как говорится:

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Но я-то в своей душе ощущал как раз противоположные чувства! Я не утратил правый путь, хотя и находился в аду. Наоборот, мне казалось, что именно здесь я отчетливо понял, что нашел его. И потому лес был не сумрачным, а солнечным, пронизанным ангеловыми лучами.

В гимназии «Божественную комедию» мы обязаны были знать. И я понимал, что он пишет про сумрачный лес, потому что дорога его ведет в ад. А моя тропа вела меня, как я уповал и о чем непрерывно молился, к Небу, ко Христу. Но в то утро, когда я шел из лагеря лесной тропой, мое светлое чувство внезапно исчезло. Потому что я услышал дыхание зверя.

Расскажу, почему меня выпускали из лагеря без охраны. К лагерю вела узкоколейка, по которой на вагонетках подвозили уголь, продукты, одежду для заключенных. Меня определили путевым обходчиком. Не сразу, конечно, а только после того, как я вылечил начальника лагеря, товарища Цапко Митрофана Прохоровича. Этот раб Божий вовсе не соответствовал по своему имени незабвенному Митрофанушке из «Недоросля» Фонвизина: он обладал природной сметкой и умением распознать суть человека. Именно эти качества и вывели его в начальники. В графе «происхождение» он всегда писал: «из бедных крестьян». Воевал на фронтах гражданской войны, выбился в командиры. К чертам его характера следует добавить медлительность, с которой он подходил к решению дел: молча обдумывал, прежде чем предпринять что-то. Но если уж принимал решение, сдвинуть его с принятой позиции представлялось делом очень трудным. Вид он имел угрюмый, властный, но на самом деле в глубине души жесткие решения давались ему с трудом. Это мне стало понятно, когда я присмотрелся к нему.

К слабостям Митрофана Прохоровича следует отнести пьянство, о чем свидетельствовал его розовый толстый нос на круглой широкой физиономии. Когда он выпивал, на мясистых розовых губах появлялась блуждающая улыбка, по которой легко определялось его состояние. Но если кто-то намекал на это, то немедленно получал от товарища Цапко гневную отповедь, а то и суровое наказание. Стать его была крупной, внушительной. Широкая спина сутуловата, руки и ноги крепки, хотя уже и ослаблены водкой.

Цапко, конечно, знал, кто я таков и за что подвергся очередной посадке. Ему было приказано не особенно стараться выбивать из меня «поповский дух». Указывалось, что я имею медицинские и другие познания, которые следует применять в лагерной жизни. Но учесть, что я могу совершать некие таинственные поступки, которые, конечно же, есть медицинские факты, которые «ученый поп» может выдать за чудеса. В подобных случаях можно применять и строгие наказания. Все это позже я узнал от Кротова Михаила Ивановича, заместителя начальника лагеря «по политической части».

Так вот, печень Митрофана Прохоровича стала сигнализировать владельцу, что нельзя ее так насиловать водкой, а то и «денатуркой», особенно в зимнюю пору, когда узкоколейку заносило снегом и снабжение лагеря затруднялось. В один из таких метельных дней и вызвали меня к Митрофану Прохоровичу.

Он лежал в спальне на кровати в своем кирпичном доме, хорошо обжитом, с прихожей и гостиной, обставленной мебелью, сделанной

умельцами-заключенными. В спальню меня провела сожительница Цапко, Светлана Тимофеевна, привлекательная дородная женщина из вольнонаемных: небольшой курносый нос, мягкий овал лица, густые светлые волосы, уложенные на голове в тугой узел, производили приятное впечатление. Но если повнимательней присмотреться, в глазах ее можно было заметить тщательно скрываемую хитрость и властность. Они обнаруживались редко, в особенных случаях, но именно эти черты характера оказались главными – и хорошо, что я их разглядел с первых же дней знакомства со Светланой Тимофеевной. Заключенные относились к ней внешне почтительно, но без всякого уважения. Звали между собой Цапухой и еще другими неприличными именами, которые прозносить нельзя.

– Вы уж его вразумите, – просила меня по дороге Светлана Тимофеевна. – Пьет без удержу. Особенно сейчас, метелью. Надежда на вас, как на человека единственно здесь медицински образованного.

Цапуха относилась к интеллигентскому сословию, оттого и обращалась ко мне на «вы».

– А Виктор Сидорович? – спросил я про врача лагерной больницы.

– У него тоже запой.

Виктор Сидорович Свиблов «зашибал» вместе с Цапко, об этом в лагере хорошо знали. Свои врачебные обязанности Свиблов исполнял формально, лишь бы поскорее отвязаться от больных, которые все для него, как и для остального начальства, были сволочи, мразь, отбросы – словом, «враги народа». Лечение он назначал в зависимости от тех лекарств, которые были у него под рукой, то есть самое примитивное.

Когда мы вошли в спальню, перед нами предстало довольно печальное зрелище. На высокой перине и на пуховых подушках лежало громадное тело, сейчас совершенно безсильное. Рядом с кроватью стоял таз с водой: Цапко выворачивало наизнанку уже почти сутки. Как пояснила Светлана Тимофеевна, рвоту останавливали очередным стаканчиком водки. Облегчение наступало ненадолго, а потом снова начиналась изнурительная рвота.

Цапко посмотрел на меня мутным печальным взглядом смертельно усталого человека. Впервые я увидел грозного начальника лагеря в таком состоянии. Надо заметить, что при громадности тела и физической силе голос у Цапко был теноровый, тоненький. И когда он отдавал приказы или распекал кого-то, то не говорил, а визжал.

Я сел на услужливо подставленный мне стул возле кровати, откинул пуховое одеяло, поднял рубашку и осмотрел живот. Он хоть и опал, но

все равно был внушительных размеров, – Цапко не только любил выпить, но и хорошо поесть.

– Печень увеличена сверх всякой меры, Митрофан Прохорович. Если не перестанете пить, вас может хватить удар, апоплексия называется. Или наступит другая смертельная болезнь, цирроз.

Взгляд Цапко стал осмысленным, в нем появился испуг.

– Скажите, что делать, – плачущим голосом сказала Цапуха.

– Для начала промоем желудок. Уберите одеяло, застелите перину – будет много грязи.

Светлана Тимофеевна поспешно убрала пуховые постельные принадлежности. Цапко был заядлый охотник, а в этих северных местах водились куропатки, утки, гуси. Пух птиц и шел на перины и подушки начальствующим.

Поворачивали Цапко мы вдвоем со Светланой Тимофеевной. После основательной промывки желудка он совсем обезсилел и заснул.

Я наказал Светлане Тимофеевне спрятать водку от Цапко понадежнее, Виктора Сидоровича в дом не пускать. Его лечение сводилось к опохмелке, которой он довел Цапко до изнурения. Успокоительных мы не нашли. И вот тогда я из подручных средств составил микстуру, которая и успокоила, наконец, печенку Цапко. Рвота прекратилась, постепенно Митрофан Прохорович стал приходить в себя. Добавлю, что Светлана Тимофеевна убедила заместителя начальника оставить меня при больном, так что я три дня и три ночи провел в доме Цапко. И, пользуясь случаем, стал рассказывать Светлане Тимофеевне про целебные свойства трав, которые можно собирать в лесу сразу же за «колючкой». Вот тогда можно поправить здоровье и безценного Митрофана Прохоровича, и Светланы Тимофеевны. И не держать в больнице столько людей, которые мрут, как мухи. Если же их подлечить, то они будут работоспособны, вырастет производительность труда, и будет выполнен и даже перевыполнен план по строительству моста через реку, а также по возведению нового здания администрации.

Эти мои доводы внимательно выслушал товарищ Кротов Михаил Иванович, наш политический руководитель. Он и предложил сделать меня путевым обходчиком с правом выхода из лагеря без охраны, чтобы я заодно с основной работой собирал травы, раз уж они так полезны. Так я стал бывать в лесу. Какая же мне была дарована радость! Слава Тебе, Господи!

Во-первых, лес оказался грибной и ягодный. Я сделал в лесу схрон: выкопал яму, выложил ее камнями и обмазал глиной. У меня получилась чудесная кладовая. В ней я хранил грибы и ягоды, а также сборы

целебных трав, которых оказалось в этих местах немалое количество. И все эти безценные дары Господа я приносил в лагерь. Что-то открыто, лично для Цапков и для больницы, что-то для особо тяжелых больных, пряча под одежкой в мешочках.

Замечу, что после того, как я поднял на ноги Митрофана Прохоровича, он стал относиться ко мне иначе, чем в те дни, когда я только поступил в лагерь. Сейчас, когда я подходил к пропускному пункту, выходя из лагеря, охранники не проверяли меня, а лишь говорили: «А, это Блажной. Проходи».

Конечно, они не знали, что меня постригли в монахи с именем Макарий в честь Макария Великого. А Макарий в переводе с греческого означает «блаженный». Так что на «Блажной», к удивлению лагерных, я откликался без всяких обид.

Лязгали тяжелые металлические засовы, дверь открывалась, и я оказывался за высокой стеной, поверху которой тянулась в три ряда колючая проволока. Перекрестившись, я шел вдоль узкоколейки туда, где темнел лес.

Я начал с того, что мое молитвенное состояние на лесной полянке, залитой неярким северным солнцем, прервал звериный запах, который донес летний ветер. Должен сказать, что в тюрьмах и лагерях обоняние у меня обострилось – особенно при резком переходе от барачной вони к свежему лесному воздуху. И если к дыханию леса примешивался какой-то иной запах, я его сразу улавливал.

На этот раз запах шел барачный: давно нестиранной, пропахшей потом одежды и той затхлости, какую не спутаешь ни с какой другой. Она исчезает, если всю лагерную одежду выкинешь, а сам как следует пропаришься в бане. Но от лагерного беглеца несло еще и парашей, видно, одолел бедолагу понос. К тому же хрустнула ветка под тяжелым лагерным ботинком, хотя владелец этих башмаков ступал осторожно.

Я не оглянулся, продолжая расчищать палкой траву и палую листву под осиной, где обнаружилась семейка грибов. Они выросли на загляденье – ладные, крупные, со светло-коричневыми боками.

– Гляди, какие, – сказал я, срезая железкой, которая у меня была вместо ножа, одну грибную ножку за другой и складывая грибы в сумку. – Славная будет жареха, а, Петр Петрович? О, да тут еще одна семейка, давайте-ка ко мне в сумку, родимые.

Я продолжал собирать грибы, не оглядываясь. Знал, что уже пошла вторая неделя, как «рванул» из лагеря Петр Петрович Фонарев, по кличке Фонарь, авторитет, «урка», «мокрушник» по лагерному. Его ловили, но безуспешно – Фонарь запутал следы, забрался в глухомань, в которую

пройти мог только человек, хорошо знающий здешние места. К таким людям стал относиться и я.

Отсюда надо идти к перевалу, перейдя который, дальше, через тайгу, можно выйти к станции Узловая. Но Фонарь затаился здесь, хорошо зная, что на Узловой его поджидают. Видимо, он решил хорониться в тайге до осени, чтобы затихла погоня. Слякотной порой легче забраться на проходящий товарняк и добраться до ближайшего городка Северска. А там, насколько мне известно, у него «корешки», то есть сотоварищи по разбойным делам. Они-то и должны дать все необходимое Фонарю, чтобы он доехал до города покрупнее, чем Северск, где можно затеряться.

О предполагаемых планах Фонаря и поимке беглеца я знал из лагерных разговоров и в больнице, и в бараке. Предупреждал меня о возможной встрече с Фонарем и Митрофан Прохорович. Говорил, что днями доставят особо обученных собак, тогда Фонарю каюк. А пока надо его остерегаться.

По шагам и запаху я определил, что Фонарь остановился за моей спиной. В руке у него нож. Он раздумывает, как меня убить, – сразу или повременить.

– Убивать меня сейчас не следует, Петр Петрович. Во-первых, я тебя могу накормить. А во-вторых, и это самое главное, помогу тебе как врач. Понос-то у тебя такой сильный, что за версту от тебя несет.

Я собрал все грибы, что росли под этими осинками, и только тогда выпрямился и повернулся лицом к Фонареву.

– Ну здравствуй, Фонарев Петр Петрович. Как ты тут? С Михаилом Ивановичем не встречался?

– При чем тут Кротов?

– Да не про политработника я. Про хозяина тайги, который по запаху на тебя может выйти. Финку-то спрячь. Сейчас она тебе не понадобится.

Фонарь ухмыльнулся. Но защелку нажал, и острое длинное лезвие вдвинулось в рукоятку.

– И правда, Блажной, резать тебя пока не резон.

Выглядел Фонарь скверно: черно-рыжая щетина на лице, телогрейка и лагерные стеганные штаны замызганы, местами порваны, под правым коленом нога перетянута грязной тряпкой. На голове зимняя шапка, уши которой подняты наверх. Видны черно-белые лохмы. Взгляд твердый, смотрит долго, не мигая.

– Одичал ты, Петр Петрович. Как же в таком виде думаешь на люди выйти? Тебя сразу застукают.

Он не ответил, лишь опять оскалился. Зверь, да и только.

– Вот что, Петр Петрович. Идем-ка, покажу мою сторожку. Там тебя хоть немного в порядок приведу.

Помимо схрона для заготовок у меня было еще два тайника – один ближний, другой – дальний. В них я постепенно накапливал все, что удавалось вынести из лагеря – кружку, ложку, тарелку (все жестяное), мешочки для трав, соль, спички, тряпки для разных нужд. Из железяки сделал себе ножичек, о котором упоминал. В общем, как Робинзон Крузо обживался, только не на южном острове, а в северной тайге. И вместо Пятницы появился у меня спутник – Фонарь. Ближний тайник я устроил неподалеку от узкоколейки, а дальний – как раз рядом с той полянкой, где встретил Петра Петровича.

Прежде всего заставил его снять нижнюю одежду и повесить просушить. Скормил беглецу сухари, которые запас, заварил настой дуба и дал выпить. Пока варился грибной супчик, я ходил к озерцу, принес воды и промыл, насколько возможно, рану на ноге Фонаря. Она начала гноиться, и при первом же осмотре стало понятно, что дела у Петра Петровича плохи. Но я не сказал ему об этом и, приложив листья подорожника, забинтовал рану чистой тряпицей. Прикинул, что если не сделать операцию, то может начаться гангрена.

– Где ж ты так?

– Бежал быстро. Упал.

– Надо было рану промыть.

– Некогда.

– А теперь придется лечить тебя не один день.

– Ерунда. Заживет.

Мне осталось лишь вздохнуть, в надежде, что гангрена не начнется быстро.

Лежку Фонаря я уговорил перенести к моему тайнику – здесь место благодатное, удобное, скрытное. Вода рядом. Густые лапы ели прикрывают мой тайник, так что здесь вполне можно устраивать жилье.

Во второй мой приход к Фонареву я понял, что худшие мои предположения подтвердились.

– Вот что, Петр Петрович, – сказал я, перевязав ему рану. – Выбирай: или возвращаться в лагерь, где я смогу сделать операцию, либо остаться здесь, но потерять ногу. Причем здесь ее придется пилить без наркоза. Решай.

Мы сидели на полянке около его лежки. Светило осеннее солнышко, проглядывая между серыми облаками. Скоро ударят дожди, в лесу жить станет совсем тяжело. А двигается Фонарев по-прежнему с трудом, на долгую дорогу сил у него не хватит.

Он сидел набычившись, угрюмо глядя на меня.

– Если вернусь, меня сразу под расстрел.

– Не совсем так. Я скажу Цапко, что ты готов явиться с повинной и искупить свою вину, ударно трудясь, как только заживет нога. Да и отдавать тебя расстреливать у него нет резона. Во-первых, ему будет в заслугу, что он нашел беглеца и перевоспитал его. Так представить дело совсем не трудно. А во-вторых, с твоей помощью, Петр Петрович, ему легче будет управлять блатными, потому что тебя они слушаются. И этот аргумент очень существенный. Он говорит о том, что тебя полезней оставить в лагере, а не отдать в расстрельную команду.

– Это еще бабка надвое сказала. Потому как верхнее начальство может рассудить иначе.

– Согласен. Но я и об этом подумал. – Я снял котелок с палки, висящей над костерком, отлил немного грибного супчика себе в миску, а котелок передал Фонареву. – Ешь. Вот, сухарики тебе принес. Бери, тебе они нужнее.

Он все еще подозрительно глядел на меня, никак не мог взять в толк, почему я вожусь с ним. Я видел, что он раздумывает над тем, не хочу ли я, сдав его, извлечь для себя выгоду. И он прямо спросил об этом:

– Тебе-то какой навар от этого расклада?

– Ответ очень простой, Петр Петрович. Поможешь болящему, поможешь и Мне, говорит Христос. Я привык так поступать. – Он перестал хлебать супчик, смотрел на меня, как будто не он больной, а я.

– Вроде не глупый ты человек, Блажной, а лепишь дурнуху.

– Дурнуха, как ты говоришь, да не совсем. Сам рассуди, Петр Петрович. Здесь я смогу тебе отрезать ногу по колено. И неизвестно, остановится ли гангрена. Другое дело в лагерной больнице.

– Да кто со мной будет цацкаться? В больницу! Еще скажи, в город повезут, к профессорам!

– Незачем им к профессорам тебя везти, когда у них свой есть.

– Алкаш Свибло, что ль?

– Нет, не Виктор Сидорович. Я.

– Ты профессор? – рот Фонарева приоткрылся, я увидел желтые, но крепкие зубы. Лицо Фонарева порядочно заросло волосами, но теперь они не топорщились, а лежали окладистой бородой и густыми усами. Впрочем, от этого Фонарев не утратил своего разбойничьего вида. Он хохотнул.

– Да, Петр Петрович. Я профессор Московского университета. Доктор философских наук, и в медицине имею достаточные знания и прак-

тику. Даже когда стал служить в храме, оперировать время от времени приходилось, особенно в годы войны. А звать меня в миру Вячеслав Васильевич Гвоздев, а в Церкви – митрополит Макарий.

Фонарев продолжал ухмыляться. Впрочем, ухмылка теперь стала несколько растерянной.

– Я думал, тебе об этом доложили, Петр Петрович. Да ты ешь, пока суп горяченький, он вкуснее.

– Надо же, – наконец сказал он. – Вот так поп. Придурь-то профессорская.

– Что ж, может и так. Впрочем, пора мне, – а то к поверке, не приведи Господь, не успею. Решай, Петр Петрович. Я дня через три приду. Не бойся, никого с собой не приведу.

– Гляди, – и он погрозил мне толстым указательным пальцем с ногтем, теперь похожим на коготь.

Наш приход в лагерь оказался столь неожиданным, что привел в оторопь и многих заключенных, и начальство. Я шел за конвойным мимо барачков к одноэтажному срубому дому, в котором были кабинеты Цапко и Кротова. За мной, хромая, опираясь на клюку, сделанную им самим, шагал Петр Петрович. Получалось, что это я веду беглеца, хотя решение-то принимал он добровольно. Рассудил, что отпиливать полные ноги без водки все же не стоит.

Заключенные здоровались с Фонаревым, некоторые кланялись ему, а Цапко, когда конвойный ввел нас в его кабинет, встал из-за стола и выдвинул голову вперед, не зная, что и сказать. В лагерь должна была приехать инспекция в связи с побегом и некоторыми другими обстоятельствами, которые требовали проверки, так что Цапко с Кротовым готовили отчетность. О порядках в лагере можно было и отговориться, все безобразия списав на борьбу с контрреволюционной бандой, которая продолжает вести свою работу даже и среди уголовного элемента. А потому строгие меры необходимы. Но вот как открутиться от побега заключенного, к тому же особо опасного, представлялось для Цапко и Кротова неразрешимой задачей.

И вдруг он является сам!

– Позвольте обратиться, гражданин начальник, – прервал я молчание. – Собирая травы для лечения больных по вашему разрешению, встретил заключенного Фонарева. Предложил ему вернуться с повинной, и он принял это предложение.

– Так сразу и принял? – Кротов тоже встал, оправив кожаный ремень, перетягивающий гимнастерку. Военную выправку Кротов не утратил, а наоборот, всячески ее поддерживал, занимаясь физкультурой и тщательно следя за обмундированием. Своим внешним видом он подчеркивал разницу между собой и толстым Цапко, как бы показывая, кто на самом деле должен командовать в лагере. Соперничество с Митрофаном Прохоровичем он прикрывал внешним согласием с действиями Цапко, хотя в период запоев начальника принимал свои решения и тем подчеркивал превосходство. Что уж говорить о красноречии Кротова, – тут в громогласной революционной риторике еще надо было поискать равных ему.

– Заключенный Фонарев принял такое решение самостоятельно, я лишь сказал ему, что разумней искупить вину ударным трудом, как только он залечит рану.

– А, вот в чем дело! – Кротов подошел ближе к Фонареву, разглядывая его раненную ногу. – Что там у тебя? Пуля? Бежать не мог?

– Нет, гражданин начальник, не пуля, – опять за Фонарева ответил я. – Поранил, упав на острый сук. Вполне мог отлежаться до дождей и добраться до Узловой, пока вы искать его устанете и решите, что он сгинул. Но в беседе со мной выразил надежду, что если я изложу его намерение полностью раскаться в содеянном, то он готов принять самые тяжкие наказания, лишь бы его простили. Поскольку он знал о моем профессорском прошлом и знакомстве с юридическим правом, потому и попросил меня объяснить создавшееся положение.

– Значит, ты вроде адвоката, Блажной. – Кротов усмехнулся. – И что же ты думаешь, что советская власть все простит уголовнику, совершившему побег? Думаешь, я поверю, что вор в законе согласен ссучиться¹?

Лицо Кротова перекосила гримаса праведного гнева. Оно было приятным на вид – голубые глаза, прямой нос, продолговатое, волевое. Но когда он начинал говорить о революции, о задачах партии и борьбе с буржуазными и прочими преступными элементами, лицо его становилось другим. Желваки на скулах играли, взгляд голубых глаз становился стальным, губы нехорошо кривились. Сказывались ранения, полученные во время гражданской, а потом несправедливость, проявленная к нему, когда его как не совсем годного к несению воинской службы направили на работу в лагере для заключенных. Он воспринял это назначение как обязанность коммуниста выполнять свой долг, ведь кто-то должен нести и такую ношу. Но в глубине души Кротов считал себя несправедливо обойденным и, в довершение всего, оказаться под началом такого человека, как Цапко, было для него прямым оскорблением.

– Советская власть взяла курс на перевоспитание человека, – ответил я, поскольку познакомился с последними распоряжениями по лагерям для заключенных. Газеты мы могли читать в комнате отдыха. – Не унижать человека жалостью, а помнить, что человек – это звучит гордо, как написал пролетарский писатель Максим Горький.

– Хватит! – вмешался наконец в разборку Цапко. – Сам скажи, Фонарев.

Петр Петрович поднял голову – до того стоял, по привычке набычавшись.

– Чего тут базарить. Блажной все доложил.

– То есть, ты готов к искуплению? – почти крикнул Кротов.

Фонарь кивнул своей заросшей головой.

Цапко окликнул конвойного.

– Ладно, пока в «холодную» его. И ты иди, Гвоздев.

Я уже пошел вслед за Петром Петровичем, как Кротов остановил меня:

– Постой. Ты еще должен все изложить письменно.

Я безпрекословно выполнил распоряжение Кротова, потому что по дороге в лагерь уже сложил в уме свое объяснение поступков и Фонарева, и моих. Цапко долго читал мое послание власти предержавшим, а Кротов, быстро прочитав, тут же накинулся на меня:

---

¹ Ссучиться – на воровском жаргоне означало перейти на сторону начальства. Таких людей на зоне воры убивали.

– Думаешь обвести нас, буржуйская сволочь? Думаешь, мы поверим твоему поганому крючкотворству? – Он подошел ко мне и с размаху дал по зубам. Я свалился.

– Говори, что было на самом деле! О чем вы сговорились?

Я поднялся. Выплюнул на ладонь выбитые зубы. Тряпицей, которую носил в кармане для трав, вытер окровавленный рот.

– Сами рассудите, гражданин начальник, – как можно спокойнее ответил я. – Ну какой резон мне вас вводить в заблуждение? Что я совершил преступного?

– Не верю я, что Фонарь просто так сдался!

Он снова хотел «звездануть меня по физии», как выражались заключенные, но Цапко поймал его за руку:

– Охолонись, Михал Иванович.

Он крепко держал Кротова, хотя тот старался вырвать руку. Его трясло от злобы и сознания, что Цапко сильнее его.

– Отпусти! – крикнул он, глядя с нескрываемым презрением на начальника. – Это тебе он запудрил мозги, потому как ты... ты...

– Охолонись, – твердо повторил Цапко и отпустил руку Кротова.

Потом прошел за свой начальственный стол, повернулся лицом ко мне:

– Есть что еще сказать, заключенный Гвоздев?

– Два слова, – сказал я, почувствовав, что говорю как-то необычно, видимо, губы мои распухли от удара Кротова. – Прошу учесть авторитет Фонарева среди заключенных.

Конвойный увел меня. Не знаю, о чем говорили без нас начальники, но только после вечерней поверки в барак ко мне явился заключенный по прозвищу Красненок и приказал идти к Цапко.

Этот Красненок, ловкий и юркий карманник, теперь служил у Цапков на побегушках. Вид у него броский: черная кудлатая голова, тело тренированное, крепкое. Черты лица у этого паренька лет шестнадцати были на удивление правильные, тонкие, прямо хоть портрет с него пиши. Кто его отец, он не знал, да и мать едва знал. Лет в пять-шесть, как он потом мне рассказывал, попал к цыганам. Научили его воровать, сделали умелым «щипачем», то есть вором-карманником. Конечно, попался, бежал из детской колонии. Второй раз попался уже на «групповухе» – краже с ограблением и убийством. Так оказался в нашем лагере.

Цапуха использовала его не только для исполнения приказаний Митрофана Прохоровича, но и по своим хозяйственным делам. Видимо, ей льстило, что у нее в прислуге красивый и ловкий юноша. Когда я вошел

в комнату, которая у Митрофана Прохоровича служила гостиной, он сидел за самоваром, а Светлана Тимофеевна стояла за его спиной.

– Проходи, – устало сказал Цапко. – Садись.

Я сел на скамейку, что стояла вдоль стены.

– Чаек будешь?

Не дожидаясь ответа, Светлана Тимофеевна налила мне в стакан с подстаканником чай, поднесла. Чай приготовлен по моему рецепту, с душицей и мятой. Прекрасный чаек, как не порадоваться. Но пить его пришлось мелкими глотками, потому что опухшие губы я не успел полечить.

– Позвал тебя, чтобы посоветоваться, – сказал Цапко. – Ты уж прости Кротова. Сам знаешь, он контуженный на голову.

Я видел, что Митрофану трудно начать разговор со мной как бы на равных. Конечно, тут сразу увиделась инициатива Светланы Тимофеевны, потому что она взяла разговор в свои руки:

– Скоро придет инспекция с проверкой. Как Митрофану Прохоровичу объяснить, что он не расстрелял Фонаря, как того требует инструкция? И Михаил Иванович настаивает на приведении приговора в исполнение.

Я знал, что Светлана Тимофеевна имеет влияние не только на Митрофана Прохоровича. В те дни, когда выводил Цапко из запоя, я заметил, что между Светланой Тимофеевной и Кротовым налажены отношения, которые они тщательно скрывают. Значит, Цапуха не смогла убедить Кротова, что Фонаря расстреливать не следует, раз вызвали меня на разговор.

Понять Митрофана Прохоровича я смог – мое «послание», в котором я высказал аргументы в пользу того решения, что Фонарева надо оставить в живых в назидание остальным заключенным, возымело действие.

– Спасибо, Светлана Тимофеевна, – она взяла мой стакан и снова налила туда чайку, а в придачу дала еще и сдобную плюшку. Я забыл сказать, что она прекрасно готовила, пекла пироги, сдобу, за что ее особенно ценил Цапко. – У меня есть одно предложение. Если позволите, я его выскажу.

– Говори.

– Можно привлечь к делу редактора нашей газеты «За доблестный труд» – Шулика. Пусть он подготовит статью, в которой опишет признания Петра Петровича Фонарева: как он пришел к тому, что надо раскаяться в своем преступном прошлом и, ступив на тропу исправления, встать на трудовую вахту и достичь новых рекордов производительности труда. Это может стать примером даже во всесоюзном масштабе.

Цапко внимательно слушал, а Светлана Тимофеевна сразу все поняла и всплеснула руками:

– Ой, как вы придумали! – вскрикнула она.

– Придумали! – передразнил Цапко. – А Фонарь согласие даст? Ты понимаешь, Гвоздев, что это для него значит?

Я знал, что по воровским законам это значит перейти на сторону начальства. А если это, к тому же, «вор в законе», то воры на «сходке» приговаривают его к смерти.

– Да, знаю, – ответил я. – У Фонарева ранение. Рана загноилась, грозит гангрена. Я обещал его прооперировать, и поэтому он согласился явиться в лагерь. Это истинная причина. Но есть и вторая. Она касается не только тела. Если вы назначите меня в больницу, я, пока сделаю операцию и буду следить за Фонаревым после нее, получу возможность беседовать с ним. И подготовлю его, по возможности, к покаянию. По советским нормам – к перемене взглядов на труд как на средство исправления. Можно особо не нажимать на «социалистический труд» – тут я берусь подготовить товарища Шулика. Но для этого вы меня командируете на Узловую, как бы для исправления неполадок на путях, – так можно дело обставить. Но это, конечно, если замысел удастся. Фонарев может объяснить заключенным, что блефует, то есть притворяется, что взял вашу сторону до тех пор, пока не заживет нога после операции, а потом снова совершит побег. А у меня будет время убедить его, чтобы он действительно покался.

Митрофан Прохорович размышлял. Мясистое лицо его выглядело сейчас не таким угрюмым, как обычно. Тем более, что уже несколько месяцев он не пил, и нос его приобрел нормальный цвет. Благодаря Светлане Тимофеевне он крепился. Но не знал, можно ли довериться мне.

– Вот скажи, Гвоздев, зачем ты ради убийцы Фонарева так стараешься? – Так же спрашивал меня и Петр Петрович, почти слово в слово.

– Видите ли, Митрофан Прохорович, есть одно обстоятельство, по которому считают, что коммунистические идеи близки христианским. На самом деле это, конечно же, ложный взгляд. Но что в нем верно, так это борьба за человека. Только вы его стремитесь исправить для жизни сегодняшней, земной. А религия, христианство, спасает человека для жизни вечной, в которую вы, разумеется, не верите. Но раз мы сходимся на том, что спасать человека все же нужно, то позвольте и мне принять участие в этом деле. Я священник, ваш идейный враг. Но ведь и врага вы можете использовать в своих интересах.

– Выходит, и у тебя свой интерес есть?

– Конечно.

– Так что ж, посмотрим, чья возьмет?

– Нет, я не соревноваться с вами хочу. Я просто выполняю свой долг.

– И не хитришь, как Кротов считает?

– Нет, не хитрю.

– Да если бы и хитрил! Вы же, Митрофан Прохорович, имеете власть над ним! В любую минуту можете ее употребить! – вмешалась в разговор Светлана Тимофеевна.

Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе, – вспомнилось мне из Евангелия¹. Но я, конечно, не произнес эти слова вслух. Да и были бы они следствием моей неуместной гордыни. Так что я тут же пресек себя и встал, потому что и Цапко встал, показывая, что разговор окончен.

На время лечения Фонарева Митрофан Прохорович распорядился выделить для меня комнатку в помещении больницы. Виктор Сидорович отнесся к этому распоряжению равнодушно, а вот у Кротова оно вызвало раздражение.

– Потакаете преступникам, – сказал он Цапко, когда они вместе с Кротовым пришли посмотреть, как прошла операция и как я разместился в больнице. Сказал он это в моей комнатке, в которую меня определил Свиблов.

Комнатка угловая, на солнечной стороне, теплая, мне она очень понравилась. Самое главное, конечно, заключалось в том, что я мог оставаться один, и не только ночью, но и днем, когда выдавалось немного времени отдохнуть от попечения Фонарева и других больных, которых, конечно же, Свиблов не преминул поручить моему врачебному вниманию.

В больнице было три палаты – одна общая, на двадцать коек, другая на десять, для особо тяжелых больных, и третья – для отходящих ко Господу, «безнадежных», как определил Свиблов.

Операционная располагалась рядом с моей комнаткой, и я мог сразу же после операции уединиться, что мне нравилось. Свиблов уходил к себе, курил, прикладывался к бутылке, которая стояла у него в шкафу между лекарствами в разнообразных бутылочках, так что заветную бутылочку со спиртом трудно было выделить среди многочисленных склянок, зато хорошо знал ее сам Свиблов и еще санитарка Марфа, которая помогала Виктору Сидоровичу не только по врачебным делам, но и по хозяйству.

---

¹ Ин. 19, 11.

Была она женщиной неопределенных лет, мощной стати, умеющая, казалось, делать все, даже ассистировать Свиблову при операциях, так как с детских лет помогала своему отцу, сельскому врачу, расстрелянному то ли белыми, то ли красными, – она не уточняла, лишь сообщала об этом тем, кто интересовался, откуда она знает врачебную практику:

– Меня покойный батюшка с детства обучил. А пострадал он безвинно, поскольку лечил всех, кто попадал в больницу. И откуда ему было ведать, какой генерал к нему попал? Для батюшки он был просто раненый, а его за это и отправили на тот свет, Царство ему небесное. – Марфа вздыхала, поправляла платок на голове, крестилась, хотя это ей запрещалось, и шла дальше перевязывать раненых, давать лекарства выздоравливающим, кормить их и поить, мыть полы в палатах, выносить ампутированные части тел несчастных.

Марфа сразу приняла меня и старалась во всем угодить. Она поняла, что я как хирург посильнее Свиблова, а главное, трезвый и охочий до работы.

Когда я оперировал Фонарева, Свиблов смог лишь наблюдать, как я обрабатываю рану, в том числе и кость, уже тронутую гниением. Операция закончилась, Свиблов заторопился к шкафчику с лекарствами, выпил спирт, слегка его разбавив, устало опустился на стул.

– Удивляюсь я, коллега, – сказал он, протирая запотевшие очки и подслеповато щурясь, – и зачем вам понадобился этот Фонарев? Для чего вы столько с ним возились? Надо было ногу ниже колена ампутировать, вот и все.

– А вам бы только резать, – резко ответила Марфа. Она мыла крепкие руки под краном. – Человек не калекой остался, спаси вас Господи, – она повернулась лицом ко мне, – скажите, как вас надо называть, добрый вы, настоящий доктор, вот что.

– Так и зовите доктором, а результат операции увидим месяца через два, а то и три. Хотя и сейчас можно сказать, что ногу ему мы с вами спасли.

– А зачем? – похмелившись, Свиблов уже не выглядел таким вялым, как во время операции, которой явно тяготился. – Станет Фонарь на свои крепкие ножки, опять пойдет резать людей налево и направо, как и раньше резал. И вас, уважаемый, если ему не угодите, зарежет. И не думайте, что у него дрогнет рука, и что он вас в благодетели записал. Знаете вы, коллега, что он, например, всех перерезал, которые его раскулачили? Нашел всех до одного, понимаете? Тщательно, долго искал, и пока всех не перерезал, не успокоился. Вот такой наш русский Монте-Кристо.

Виктор Сидорович полез за табакеркой, раскрыл ее, вынул шепотку табака и стал сворачивать папироску, набивая табак в пустые гильзы, которые у него лежали в другой коробочке.

– Я слышал краем уха, что вы, коллега, намереваетесь нашего уважаемого головореза взять на перевоспитание, – продолжал Свиблов, прикурив папироску. – Это серьезно? Или у вас другие намерения? Да не хотите ли рюмашку после трудов праведных? Правда, у меня лишь спиритус нормалиус. Но пьется славно, смею вас заверить. Принесла бы чего-нибудь закусить, Марфа.

– Могу шанежки разогреть, вчера пекла.

– Шанежки – это прекрасно. Согласны, коллега? Марфа печет несколько не хуже уважаемой Светланы Тимофеевны, хотя та слывет у нас непревзойдённой мастерицей.

– Вот я вам на Рождество Богородицы пирог испеку с сушеными яблоками. Они у меня к праздничку припасены. Это уж точно у меня лучше всяких Светлан Тимофеевных получается. Вот увидите, доктор.

И она ушла на кухню за шаньгами, которые у нее лежали на противне в печке, сложенной по строгим сибирским образцам. А кухню она запирала на всячий замок. Ключ от замка висел у нее на шейном шнурке, чтобы не потерялся и, не дай Бог, не украли.

– Ну так как же, коллега? Проясните вашу позицию.

Свиблов курил, постукивая пальцем по бумажному мундштуку папиросы, глубоко затягиваясь.

– Вот вы, кажется, интеллигентный человек, – сказал я, отдышавшись после операции и рассматривая Свиблова. Он курил, развалился на стуле и снисходительно посматривая на меня.

Свиблов был похож на многих интеллигентов из тех, кого я встречал в молодости. Они больше других кричали о революции, некоторые из них стали террористами, убивали. Те, что не уехали в Европу, а остались в России, превратились вот в таких провинциальных докторишек. Они тяготеют своей профессией, ставшей для них постылым ремеслом, но не могут и бросить ее, идут работать даже вот в такие лагеря, как наш, лишь бы заработать кусок хлеба.

– Скажите, Виктор Сидорович, вот если бы вам советская власть дала нормальное обеспечение, квартиру в городе – не в Узловой, а где-нибудь приличней. Ну хотя бы в Северске или в Петербурге, теперь Ленинграде. Что бы вы стали делать? Чем бы занялись? Чего требует ваша душа?

– Душа? А она разве существует?

– А вы сомневаетесь? Тогда почему же по ночам не спите? Почему не можете прожить и дня без своего спиритус нормалиус? Не душу ли

свою вы заливаете алкоголем, чтобы она не стонала, не вопрошала, не кричала даже: «Да когда же ты опомнишься, Виктор Сидорович? Ведь ты был хорошим хирургом! Ты надежды подавал, да еще какие! Ах, Виктор Сидорович, Виктор Сидорович...»

Свиблов выпрямился в кресле, загасил папиросу в блюдце. Тут пришла Марфа, принесла разогретые шанежки. Суровое лицо ее, морщинистое, вытянутое, с большим подбородком, излучало добродушие, она улыбалась теплой материнской улыбкой:

– Ешьте на здоровье.

– Спаси Господи тебя, Марфа, – ответил я.

– Ой, как давно я этих слов не слыхала. Во славу Божию, ешьте, добрый доктор.

– Ну что же вы, Виктор Сидорович? Наливайте ваш спиритус нормалиус. Под такие аппетитные шанежки не грех и выпить. – И Виктор Сидорович пошел к своему шкафчику.

Рану на ноге Фонарева я закрыл специально сделанными по моему чертежу деревянными лангетами (гипса не было), и ему, собственно, оставалось только лежать и набираться сил. Но Свиблов не хотел отпустить меня на обход узкоколейки, полагаясь на надежного помощника. Я был у него за хирурга, терапевта и санитаря в больнице. Заключение с приближением холодов мерли от непосильного труда и от истощения – кормили в лагере отвратительно. Особо тяжелых больных я выручал грибными супами, морошкой, клюквой и другими ягодами, которые запас в своих схранах. Но теперь путь в лес закрылся, а довериться новому путевому обходчику, который заступил на мое место, не мог – на лице этого человека была печать иудина греха.

Мне оставалось лишь применять мои медицинские познания и способности, чтобы облегчить страдания больных, и я делал все возможное, что было в моих силах. При каждом удобном случае я обращался к Цапко с напоминанием о нехватке самых необходимых медикаментов. Он направлял мои списки в Северск, там давали распоряжения на Узловую, а в пункте, где велось распределение лекарств, действовали «по своему усмотрению»: воровали наиболее ценные из лекарств (спирт, морфий, и др.) или выменивали их на пушнину и дичь у охотников. Так что до лагеря доходили лишь крохи в виде самых примитивных лекарств, которым я предпочитал настои и отвары трав. Готовил их с помощью повара Федора Обрезкина, верующего заключенного, который во всем слушался меня, так как знал, что я митрополит и доктор. А теперь мне стала помогать и Марфа. Она узнала о моем священническом сане от Обрезкина, который несколько раз приходил ко мне в больницу и тайно при-

носил хлебушек. Это сразу же вычислила Марфа, увидев у «тяжелых» дополнительные куски хлебушка, которые я им отдавал. Таким образом, у меня появилось два надежных помощника – повар и санитарка, два верующих человека, а это уже немало.

Инспекция из Северска почему-то задерживалась, и это меня немного успокаивало, потому что выдалось время подготовиться к встрече с чекистами, которых теперь звали «энкавэдэшниками», так как «чрезвычайная комиссия» преобразовалась в «народный комиссариат внутренних дел».

В особенности меня беспокоила встреча со Скудрой Мартином Эдуардовичем, которого знали по всему Северу как очень умного и сурового начальника всех лагерей нашего края. Меры он принимал жесткие, часто крайние, вплоть до расстрела, как к своим сотрудникам, провинившимся или совершившим другие служебные преступления, так и к заключенным, нарушившим лагерный режим.

В эти последние дни осени, когда вот-вот должны были ударить холода, произошло событие, сильно повлиявшее на дальнейшую жизнь и мою, и моих лагерных товарищей.

Неподалеку от столовой, где нас кормили баландой и кашами, стояла деревянная емкость довольно большого размера, метров шесть в длину, метра четыре в ширину, метра три глубиной. Ее наполняли питьевой водой, поскольку река от лагеря находилась в нескольких километрах. Другого источника рядом не было, поэтому наша «бочка», как мы называли

эту емкость, служила нам и в теплое время, и зимой. Она была хорошо сработана, с достаточно толстыми боками, плотно закрывалась, так что если вода в ней и подмерзала, то мы ее пробивали ломами и наполняли ведра кусками льда, который потом оттаивал в жаркой кухне. Бочку наполняли водой из реки заключенные по особому расписанию: первый барак, за ним второй и третий.

И вот когда выпала очередь носить воду нашему бараку, бочка дала течь. Вода сочилась из-под днища, так что предстояло или всё слить, чтобы найти дыру, или латать прямо под водой. Вода сочилась узенькой струйкой, образуя небольшой ручеек.

Тотчас собрались у бочки «эксперты», высказывая предположения, как следует поступить. Наступало время ужина. Из отрядов, шедших в столовую, отделялись заключенные, которые давали советы «заведующему бочкой», то есть ответственному за ее наполнение заключенному по прозвищу Костыль. Может, это его настоящая фамилия, не знаю, но его я хорошо запомнил, потому что он был подручным Светланы Тимофеевны и Митрофана Прохоровича.

Никакого костыля он не имел. Наоборот, быстро ходил и даже бегал, если давались ему особые поручения. Костылем его, скорее всего, прозвали потому, что он всегда был готов исполнить приказания начальствующих, то есть служил им подпоркой, костылем. Костыль, выслушав советы зеков, побежал с докладом к Цапко. Вечера установились холодные, вода в бочке стала ледяной.

По дороге к Митрофану Прохоровичу Костыль перехватил Кротов. Они вернулись к бочке, и Михаил Иванович, быстро оценив сложившуюся ситуацию, принял решение:

– Так, – он оглядел зеков, стоящих у бочки. – Ты, Мурзин, – обратился он к заключенному, – плотник, верно?

– Да. Плотничаю, – ответил долговязый, унылого вида зек, жалея уже, что не прошел в столовую, а остановился у бочки, чтобы узнать, в чем тут дело.

– Вот как поступим, Мурзин. Полезай в бочку и посмотри, где течь и что надо предпринять. Костыль, беги за фонарем. Под водой и посмотришь, Мурзин.

Лицо Мурзина, исхудавшее, с впалыми щеками, потому что рот его остался почти без зубов, сморщилось:

– Так это... гражданин начальник, вода-то ледяная.

– Ну и что? Ждать, пока здесь болото образуются, а ночью все замерзнет?

– Прикажете воду вычерпать. Ведра принесем, корыта есть.

– Сказанул! Тут тебе не прачечная! Ты, – он ткнул в ближайшего зека, – принеси лестницу, она у Обрезкина имеется.

Явился с фонарем Костыль, принесли и лестницу. Я стоял неподалеку, смотрел на Мурзина: впалая грудь, сухое, в морщинах лицо. Скорее всего, нездоровые легкие, может, уже чахотка.

Мурзин сбросил тяжелые, изрядно побитые ботинки, снял телогрейку. Раздумывал, снимать ли ватные штаны.

– Разрешите обратиться, гражданин начальник, – я подошел к Кротову. – Заключенный Мурзин высокого роста, ему трудно будет искать трещину в днище. К тому же надо держать фонарь, а действовать придется одной рукой. Так как он плотник, его сподручней будет использовать для изготовления затычки. А какая именно потребуется, я ему объясню.

Кротов внимательно смотрел на меня.

– Так что, ты в бочку полезешь?

– Если скамандуете, гражданин начальник. Роста я небольшого, быстро все определю.

– Ну что ж, Гвоздев, твоя инициатива, не моя.

– Совершенно верно, моя, – и я взял фонарь из рук Костыля.

– Блажной, – сказал кто-то из зеков.

Я снял телогрейку, забрался по лестнице наверх, заглянул в черноту бочки.

– Братцы, давайте лестницу сюда!

Тут же нашлись помощники. Незнакомый мне коренастый дядька поднялся ко мне и помог спустить лестницу в воду. К счастью, она достала до дна.

– Господи, благослови, – сказал я и стал спускаться по ступенькам лестницы.

Вода обожгла, когда нырнул,хватило дух. Но я успел добраться до дна и, пока хватало воздуха, разглядел в тусклом свете фонаря небольшую дырку в днище. Больше терпеть не мог и вынырнул. Тяжело дыша, я продолжал про себя молиться:

– Господи, спаси и укрепи! Господи, буди милостив мне, грешному!

Дядька с черными как смоль глазами смотрел на меня сверху:

– Вылазь! Для первого раза хватит!

Я отрицательно покачал головой. Дыша как можно глубже, сдерживая дрожь, сказал:

– Дыру измеряю!

Нырнул снова, добрался до дна, прикинул на глазок и пальцы сложил вокруг пробоины. Ладно, запомню. Вынырнул. Дядька помог мне выбраться из бочки и лестницу перекинул на внешнюю сторону. Когда

я спускался по ней, с меня ручьями стекала вода. Вот я уже на земле. Сейчас надо к Обрезкину, у него на кухне жарко...

– Гражданин начальник, разрешите на кухне подсушиться? А Мурзину я объясню, какого размера надо сделать затычку.

– Разрешаю, – сказал Кротов.

Я позвал за собой Мурзина, и мы вместе с ним прошли на кухню.

Надо сказать, что Федя Обрезкин не был поваром, какими мы обычно представляем людей этой профессии. Не толстяк с румяными щеками – в лагере толстяков, кроме Цапко, вообще не водилось. Наш Федор являл собой обычного зека. Правда, не доходягу, а вполне здорового человека, примечательного только разве что серьезными, умными глазами, черными, как у того дядьки, что помог мне управиться с лестницей и теперь прошел со мной к Федору, помог раздеться, снял с себя ботинки и отдал мне теплые носки. Штаны дал Федор, телогрейка моя осталась сухой, так что я довольно быстро обсушился, сидя у печи на корточках, но внутри остался холод.

Мурзину я показал размеры затычки, Федор дал ему нож, дядька, имя которого я так и не узнал, отыскал чурку, из которой Мурзин и смастерил затычку.

Явился Кротов.

– Ну-ну, – то ли одобрил, то ли засомневался он. – Чтобы довели дело до конца, – и ушел. Мне снова предстояло лезть в бочку. Я облачился в свою мокрую одежду.

– Может, полезу я? – предложил дядька.

– Нет. Тебе надо искать дыру, а я помню, где она, да и зачем двоим мучиться.

– Ваше высокопреподобие, разрешите мне? – сказал Федор, буравя меня своими глазами.

– Не беспокойся, Федя. Я закаленный, с молодых лет обливался холодной водой.

– Так ведь годы ваши теперь не молодые! – вскричал Федор, но я уже шел из кухни к бочке, а дядька шагал за мной, как оруженосец.

Мы забрались на бочку, и снова глянула на меня ее чернота. Федор дал мне деревянный молоток, которым он отбивал мясо, если оно у него случалось. Я засунул молоток с затычкой за пояс, нырнул, держа фонарь в левой руке. К счастью, глазомер меня не подвел, и затычку Мурзин сделал отличную. Молоток Феди оказался очень кстати, так что течь я ликвидировал с первого нырка.

Молитву я не прекращал ни на минуту. Молился и под водой, и выбравшись из бочки, и у Феди на кухне, переоблачаясь в сухую одежду,

и когда пил крепкий горячий чай из Фединой кружки, тоже продолжал молиться и благодарить Господа, что Он помог мне выполнить это не легкое дело. Добравшись до своей койки в больничной комнатке, я почувствовал, что меня бьет мелкая дрожь. Я закутался как можно плотнее в одеяло, накинул сверху все, что было у меня из верхней одежды, но дрожь не проходила. Я понял, что заболел.

Теперь мы поменялись ролями с Фонаревым: не я выхаживал его, а он меня. Старалась и Марфа. Она несколько раз ставила мне банки, поила моим отваром, и я, пропотев до нитки, с ее помощью менял исподнее. Впадал в забытие, а когда наступила кризисная ночь, приходя в сознание, видел то Марфу, то Фонарева. Они круглосуточно дежурили у моей постели, как выяснилось потом. Кризис миновал, и я остался жить, благодаря Господа, что Он не оставил меня, грешного.

Марфа кормила меня горячим бульончиком. Мясо распорядился выделитель Цапко. Раза два за время болезни он заглядывал в мою каморку. Вид имел не такой, как прежде. По его лицу я видел, что с ним что-то произошло. Массивные щеки опали, в голубых глазах поселилась печаль. Но не такая, как во время выхода из тяжелого запоя, а совсем иного свойства. Что-то произошло в душе Митрофана Прохоровича, и это читалось в его глазах. Они теперь стали глубже, муть исчезла, уступив место непонятно откуда взявшейся синеве.

– Не знаешь, что с ним? – спросил я Марфу, когда она кормила меня.

– Страдает, – Марфа смотрела, не надо ли мне принести добавки. Я с удовольствием доедал суп с лапшой. Бульон, похоже, был утиный. Опять Марфа где-то добыла птицу. Я сидел в кровати, привалившись спиной к подушке, Марфа рядом на табуретке.

– Уж не из-за Светланы ли Тимофеевны? – предположил я, памятуя их перегляды с Кротовым. Однажды я видел, как они сидят, тесно прижавшись друг к другу, когда Цапко мучался от запойного пьянства. В этот момент я зашел в спальню, прокашлялся, и они поспешно отстранились друг от друга.

– От вас разве что утаишь, – Марфа взяла у меня тарелку. – Добавочки?

– Нет, Марфа. Покорми кого-нибудь из тяжелых, хоть Фонарева.

– Еще чего. Ему, бугаю, все ниючем. Уже прыгает, на костыль опираясь.

– Он и тебе помогал, что же ты к нему так строго.

– Нельзя иначе, владыка. К нему тут разные хмыри шастают. Свиблов и Митрофан не видят, а я вижу.

– Ладно тебе – у них свои дела. Лучше про Цапко поясни.

– Она с Кротовым свалялась, а Митрофану кто-то доложил.

– Рано или поздно он бы и сам узнал.

– Уж конечно, шила в мешке не утаишь. Они тут на днях сцепились. Вроде из-за вас. Митрофан стал Кротова отчитывать, зачем он разрешил вам в бочку лезть, а Кротов ему сдачи: мол, ты, тряпка, зека пожалел, а он – то есть вы – преступник опасней, чем Фонарев.

– И чем закончилось?

– Слава Богу, не стрельбой. До приезда ихнего начальника затаились.

– А что же Тимофеевна, из-за которой весь сыр-бор?

– А ничего. Ходит как ни в чем не бывало, от Митрофана не съехала. Как они там разобрались, одному Богу ведомо.

Я понял, что надвигается гроза, вот-вот она разразится, и весь лагерь знает об этом. Но я и предположить не мог, насколько глубок конфликт, и что Светлана Тимофеевна лишь пешка в этой большой игре. Ожидания беды меня не обманули. Подтвердились в эти же дни, когда меня пришел навестить Петр Петрович Фонарев.

Вид у него стал благообразнее, подстрижен, выбрит. Обозначились острые скулы, лицо стало как будто спокойней, болезнь и перенесенные страдания смягчили его, но взгляд зоркий и твердый, как и прежде.

– Ну как ты, Васильич? – спросил он. Запомнил мое отчество, но имя Вячеслав все же не назвал. Впрочем, Васильич звучит проще, по-домашнему, и я откликнулся, как на приветствие товарища:

– Слава Богу, Петрович. Выздоровливаю.

– И я поправляюсь. Только благодаря не Богу, а тебе.

– Может, придет время, и ты поймешь, Петрович, что неслучайно мы с тобой в лесу встретились, что Господь нас свел для того, чтобы я помог тебе, а ты мне. Потому что Он заботится о наших душах одинаково, – что о моей, что о твоей, – и хочет, чтобы мы все спаслись. – Он улыбнулся. Не хищно, как тогда в лесу, а человеческой, доброй улыбкой.

– Насчет души не знаю, – это по твоим понятиям, Васильич. А по моим – спасать надо свою шкуру, хоть она и подпорченная. Решил поговорить с тобой начистоту, потому как узнал тебя достаточно. Уважаю, хоть ты и поповского звания. Слушай меня внимательно.

– Слушаю.

– Насчет моего перевоспитания. Это все понты.

– Поясни, что такое «понты».

– Ну, прикид. Игра, – чтобы тебе понятней было.

– Понимаю.

– На самом деле расклад наш, воровской. Мы игру взяли в свои руки.

– Кто это – мы?

– Ну я. И такие, как я. Но уже не в нашем лагере.

– О, у вас и с другими лагерями связь налажена?

– А ты думал. Слушай дальше. Момент сейчас фартовый. Все в нашу пользу. Сходняк уже был, пока ты болел. Решили в лагере власть взять и идти к соседней братве. Там тоже возьмем власть, и у нас будет боевой отряд. Доходяг и больных не берем, только воров и мужиков, которые с нами пойдут. Вооружены будем хорошо, так что можем принять бой, когда за нами пошлют солдат.

Говорил он спокойно, уверенно, лишь иногда поглядывая на дверь. Один раз она приоткрылась, и показалась кудлатая голова человека, которую нельзя было не узнать. Красенок, верный помощник Цапко и Светланы Тимофеевны! Фонарев выставил вперед ладонь, показывая, чтобы Красенок продолжал стоять у двери, никого не пуская ко мне в комнату.

– Вот так, Васильич. Хочу взять тебя с нами. Рассуди: пощады тебе от начальства не будет, пройдешь как пособник, расстреляют, с удовольствием даже. Кротов давно бы тебя кончил, да Цапко не отдает. А тут такая масть. Сечешь?

– Да, понимаю. – Я знал, что Фонарев опытный уголовник, главарь среди воров. Но предположить, что он толковый организатор, что власть его так велика – не мог.

– Но послушай, Петр Петрович, – начал я высказывать свои аргументы. – Допустим, вы власть в лагере возьмете. Действительно, сейчас подходящий момент. Цапко и Кротов в лютой вражде, ненавидят друг друга. Возьмете вы оружие, охранников убьете. А дальше? Допустим, что и в соседнем лагере у вас все получится. Вызовут войска. Дальше куда пойдете? По тайге? Все равно вас настигнут. У них же самолеты, автомобили. Перебьют вас всех до одного.

– Это еще посмотрим. У нас опытные ребята, стрелять и драться умеют. А у них одни вертухаи да пацаны необстрелянные. И заметь: пока по деревням будем идти, наш отряд вырастет, потому как раскулачиванием многие люто озлоблены. Глаза его хищно горели, на скулах двигались желваки.

– Подумай, Васильич. Ночь тебе на размышление. Мы должны инспекторов встретить, как полагается. Они завтра здесь будут. И этого Скудру мы возьмем, сечешь? Он нам и поможет.

Переубеждать Фонарева бессмысленно. У них все уже продумано. Есть связные, вроде Красненка, прямо под носом у Цапко. Красненок, конечно, в курсе всех новостей. Петр Петрович встал.

– Как знаешь – дело твое. А я пришел, чтобы тебя отблагодарить. Хороший ты человек, Васильич. Жалко, если тебя расстреляют.

– Спасибо и тебе, Петрович. Может, последний раз видимся. Благословить тебя не могу, не обессудь.

Он на минуту замешкался.

– Значит, не идешь с нами?

– Не иду.

Он минуту молчал, глядя мне в глаза не моргая.

– Вот думаю: почему ты не боишься смерти?

– Потому что православные хотят быть похожими на Христа. Жаль, что я не смог как следует объяснить тебе это.

– Не надо ничего объяснять. Живи пока. – И он ушел.

Ночью, когда в больнице наступила тишина, я затеплил лампадку, которую смастерил из жестяной банки, и встал на молитву. Молиться предстояло о многих. О начальниках лагеря и их подчиненных, о заключенных: ворах, убийцах, невинно осужденных, смертельно болящих и выздоравливающих, – обо всем населении лагеря, который сейчас представился мне сетью, поднятой Ангелами из людского океана. С сетки стекает вода, в ней барахтаются Цапко и Кротов, Красненок и Светлана Тимофеевна, Свиблов, болящие и все остальное население нашего лагеря. Они беззвучно что-то кричат, сеть поднимается выше, она уже над огнедышащей бездной. Из сети выпадают по одному люди, летят по воздуху, кувыркаясь, исчезают в раселинах гор – там, откуда выбиваются наружу сполохи пламени. Я продолжал молиться, видя, как из сетки выпадают и летят вниз люди. Стали слышны крики оставшихся в сетке – все отчетливей, громче...

Послышался стук сапог, как будто кто-то бежит по больничному коридору, как будто открываются двери палат, вскрикивают болящие... Вот и моя дверь с шумом отворилась, я оглянулся. В проеме двери стояли вооруженные люди. Я понял, что вижу их наяву. Значит, восстание в лагере началось. Но что это, почему заключенные в солдатских шинелях? Вот один из них поднял фонарь над головой, чтобы лучше видеть меня.

– Э тот? – спросил один из ворвавшихся в мою комнату.

Вперед выступил человек в кожаном пальто, в командирской фуражке. Слегка припадая на левую ногу, он подошел ко мне ближе, с интересом вглядываясь в мое лицо:

– Так вот ты какой, Вячеслав Васильевич Гвоздев, он же митрополит Макарий!

Командиру в кожаном пальто посветили другим фонарем, чтобы он получше разглядел меня. Я поднялся с колен, внимательно оглядывая незнакомцев.

– Да, я митрополит Макарий, в миру Вячеслав Васильевич Гвоздев. Вы не ошиблись.

– Так-так. Хилый ты какой-то. Я тебя другим представлял, неуважаемый.

– Да уж какой есть.

– В «холодную» его, – скомандовал он и повернулся к двери. Солдаты расступились, пропуская его вперед. Красноармейцы хотели увести меня в исподнем белье.

– Гражданин начальник! – успел крикнуть я в спину уходящему командиру. – Позвольте хоть одеться, я все же митрополит, как вы верно заметили.

Командир остановился:

– Пусть оденется, – ядовито сказал он.

«Холодная» у нас в лагере представляла большой каменный подвал, где содержались нарушители лагерного режима и приговоренные

к расстрелу. Подвал соответствовал своему названию, в нем действительно всегда лютовал холод, особенно зимой. Довольно просторный, метров восемь в длину, несколько метров в ширину, подвал приспособили и для прибывающих в лагерь особо опасных преступников, и для местных бунтарей. Даже летом здесь стояла знобящая сырость, которая убивала людей не хуже, чем мороз. Так что я не зря озаботился одеждой. Мне пришлось однажды испить сполна действие этой ледяной души пещеры, которая усыпляла всех, кто не вступал с ней в борьбу. Испытанный метод – постоянная ходьба взад-вперед, пока не падаешь на землю в изнеможении. Я же спасался молитвой: прочитывал Псалтирь, которую знал наизусть, а также молитвы, сопровождающие меня по жизни. «Холодную» между собой заключенные называли «пещерой». Здесь оказались те, кого я и предполагал встретить. Фонарев, его подручный Дергач, исполнитель самых жестоких приказаний главаря лагерных воров и убийц. Подвал освещался подвешенным к потолку фонарем, и я увидел еще и того человека, который помогал мне закрыть течь в бочке. Он подошел ко мне, сложив ладони:

– Благословите, владыко.

Я выполнил его просьбу.

– Не успел вам представиться, владыко. Протодиакон Илья Коробов. Служил до ареста и ссылки в Луге. Ваши проповеди слушал с восторгом, когда вы служили на петербургской кафедре. Нарочно приезжал вас послушать. А однажды, на Рождество, посчастливилось с вами сослужить.

– Вот оно что, – сказал я, крепко пожимая его руки. – А я, как вы тогда на бочку залезли, еще подумал, что где-то видел вас, но не припомнил. Спасибо вам, отец Илья. Помогли.

– Да я счастлив был помочь. Как ваше здоровье? Вы ведь не совсем поправились? – Я улыбнулся.

– Чего уж нам теперь о здоровье заботиться, отец Илья. Другие заботы теперь должны быть у нас.

– Верно, дорогой владыко. Садитесь вот сюда, здесь что-то тряпичное лежит. – Я разместился на драной телогрейке, кем-то брошенной на земляной пол. Наверное, это была одежда расстрелянного до нас.

Наступила тишина. Воздух в подвале был спрессован, наэлектризован, как перед грозой. Чувствовалось, что она вот-вот разразится. Из «холодной» нас по очереди вызывали на допросы. Управились с нами довольно быстро, за два дня. Все подписали протоколы, составленные, видимо, опытными в этих делах помощниками Мартина

Эдуардовича Скудры. Кто не хотел подписывать, получал зуботычины, без которых, как правило, не обходилось. Знаю это по собственному опыту. Со мной разобраться было не особенно трудно, потому что «тройку» представлял Скудра, он и решал нашу участь, а протоколы, как я узнал позже, заочно подписывали первый секретарь губкома партии и прокурор в Северске.

Такова была ситуация в Сибири в памятном тысяча девятьсот тридцать седьмом году, когда крестьянский народ России стал восставать против раскулачивания. Тогда в нашей стране был подписан одобренный Политбюро ЦК ВКП(б) приказ НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», в котором определялась задача разгрома «антисоветских элементов» и состав «оперативных троек» по ускоренному рассмотрению дел такого рода.

Не знаю, как велись допросы Цапко и Кротова, потому что их поместили от нас отдельно. Но с ними разобрались быстро. Факты, которые привели к заговору заключенных и подготовке к побегу, были слишком очевидны. До последнего часа ни я, ни другие заключенные не знали, к какой мере наказания приговорили Цапко и Кротова. Участь Светланы Тимофеевны сложилась более-менее благополучно – как вольнонаемную ее отпустили с миром. Сейчас, в «холодной», о ней вспомнил Дергач.

– От Скудра! – зло усмехнулся он. – От начальник! Фраерочков посадил, а подстилку себе приберет!

Лицо Дергача, обычно мрачное и сосредоточенное, как у волка, высматривающего добычу, сейчас выражало удовлетворение, будто на обед ему попались сразу несколько крупных зверьков. Ему не дал договорить Фонарев:

– Хватит! – властно сказал он. – Все же интересно, кто наседкой был? – Он вроде бы равнодушно посмотрел в сторону Красненка, который сидел в дальнем углу, обхватив колени руками.

Над подростком нависла угроза расправы, – подозрение, что у начальства лагеря он связной – «редиска», «наседка» на воровском жаргоне, падало на него. Но Красненок, востепенувшись, бойко, даже с каким-то отчаянием, крикнул:

– Не я! Я сам бы ни в жисть не догадался! Это Свиблов, мне Светлана сказала!

Фонарь выдержал паузу.

– Ну, говори, – шипя, как это делают блатные перед расправой, сказал он.

– Они переиграли нас, – все так же, почти крича, продолжил Красненок. – Она сказала, ночью Свиблов стал стучаться. Думала, он пришел, потому что ему опять не спится по причине тоски. А он говорит: срочно звони в Северск, в управление, у нас бунт готов к действию. Я говорит, подслушал: Фонарь со своими обсуждают, как нас надо ликвидировать. Совершенно случайно, говорит, просто не спалось!

Дергач рванулся к Красненку:

– Туфту гонишь, тварь!

Но ловкий и быстрый подросток бросился ко мне, плотно прижавшись к моей груди. Я обнял парнишку, обхватив его руками:

– Дергачев, дай ему сказать!

– Сядь, Дергач! – выплюнул слова Фонарь.

Дергачев не сразу опустил свои большие руки, которые тянулись к горлу подростка, а Красненок продолжал защищаться изо всех сил:

– Честно! Век свободы не видать! Светлана утром нашла меня, но было уже поздно! Уже всех повязали! Да спросите хоть у Цапко, а там пожалуйста, режьте! – Говорил это Красненок с такой убежденностью, что ему поверили. Больше других, по-моему, слова подростка поразили Дергачева.

– Свиблов... Алкаш! Тварь... Ладно, все равно до тебя доберемся! Не сойдет тебе подлянка с грязной душонки!

Воспользовавшись заминкой, я сказал:

– Сейчас не о душе Свиблова думать надо, а прежде о своей позаботиться.

Дергачев с презрением смотрел на меня.

– Опять о душе заговорил, поповское твое отродье! Где она, душа? У Крота, что ли, который своего же начальника жену в постель к себе уложил? Или у этого шакаленка, который и нашим, и вашим стучал? Душа! Шкура у человека, а не душа! Вот о чем его беспокойство! Шкура! Думаешь, Цапуха теперь к этому Скудре не побежит, если он помнит? Еще как побежит, юбки свои подхватив!

Я понимал, что мне надо ответить Дергачеву.

– Скажи, Дергачев, как твое имя-отчество?

– Это еще зачем?

– Прошу тебя, скажи.

– Ну Николай.

– А по отчеству?

– Емельяныч! – рявкнул он.

– Вот видишь, Николай Емельянович, какая славная у тебя родня. И какие славные у тебя защитники. Николай – это скорый помощник

в бедах и горестях наших. Не найдешь ты по России ни одного дома, где бы прежде не стояли иконы Николая Угодника, да и сейчас они остались, только припрятаны надежно. И у твоей родни обязательно сохранена иконка, пусть хоть маленькая, этого великого святого. И что, скажешь, у вас в деревне, у соседа вашего или у вас в доме не было случая, когда бы Николай Чудотворец не пришел на помощь, не выручил, не спас? А? Вспомни? – Я на минуту умолк.

Все ждали ответа Дергачева.

– Ну и что? К чему ты косишь? – недовольно спросил он.

– А к тому, дорогой Николай Емельянович, что если б не было у человека души, разве стал бы он хранить иконы и тайно молиться о тебе, как молится твоя мать Всевышнему и Его Матери, просит спасти твою душу грешную, даже прегрешную! Ведь она верит, что Господь Всемиловит, что даже тебя, разбойника, Он помилует, как помиловал того, который висел рядом с Ним на кресте по правую руку, потому что он сказал разбойнику, что висел по левую руку от Христа: *мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю*¹. Так в Евангелии сказано, и твоя мать хорошо об этом знает. Потому она и молится за душу твою.

– Не трогай мою мать! – заорал Дергач и хотел кинуться на меня, но тут уже поднялся Фонарев:

– Умолкни, Дергач.

Дергачев сел.

– Ладно, оставим теперь мать твою, Николай Емельянович. Вспомним отца, Емельяна. Разве он был плохим крестьянином, а значит и христианином? Разве плохо сеял, пахал, выхаживал скотину? А о вас, детках, разве плохо заботился? Думаешь, он не знал, кто такой святой Емельян, в память которого его нарекли? Не знал, что в народе говорят: «Емельян – Божьим светом осиян»? Ведь твой отец Емилиан зимний, не так ли? И к вам на его именины разве не приходили гости? Разве не приносили пироги, другие угощенья, как это принято на Руси?

Дергач хотел что-то выкрикнуть, но вдруг осекся, прохрипел:

– Замолкни...

– Нет, Николай Емельянович, не замолкну. Нам утром с этим светом прощаться. И надо к встрече с Господом Вседержителем подгото-

---

¹ Лк. 23, 41 – 42.

виться. Потому что Он есть. И ты это хорошо знаешь. Просто забыл, выкинул Его из своей души, которая у каждого из нас, конечно же, есть. Потому что такими Он нас сотворил. Вот и Петр Петрович тоже о душе со мной говорил. И, похоже, согласился, что душа у нас есть. Вот и ты согласишься. – Только теперь я замолчал.

Чуть позже, повернувшись лицом ко мне, Фонарев сказал:

– Вот ты меня спас... а зачем? Утром ведь расстреляют.

Я тоже повернулся лицом к Фонареву, отстранив от себя Красненка.

– Понимаешь, Петр Петрович... Я ведь не только тебя спасал, но и самого себя. Когда мы любим ближнего, тогда и чувствуем себя хорошо. По-нашему, по-церковному, это называется благодатью.

– Мудрено как-то, – ответил Фонарев, но взгляд его изменился. – Не понимаю я тебя, Вячеслав Васильевич... Впервые он назвал меня по имени-отчеству.

– Это хорошо, что вы вспомнили, как звать владыку Макария, – вступил в разговор протодиакон Илья. – Но правильно его надо называть ваше высокопреосвященство. Вот так. Вы умеете молиться, Петр Петрович?

– Что?

– А вы вспомните. В детстве, в доме своем, с бабушкой или дедушкой... Что в детстве заучиваешь, всю жизнь помнишь. Владыко, что споем? «Ныне отпускаеши»? Или что иное? Может, «Херувимскую»?

– Можно... А знаешь что, отец Илья? Давай лучше «Тебе поем», а?

– Да, конечно! Я один распев заучил, очень красивый. Кажется, сочинение композитора Бортнянского. – И, выпрямившись, набрав в грудь воздуха, отец Илья запел: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи...»

Голос у отца Ильи оказался прекрасный, баритональный бас мягкого тембра, и акустика в «пещере» оказалась отличной, так что слова молитвенного пения прозвучали неожиданно громко и затронули ту самую душу, о которой только что спорил Дергачев со мной, говоря, что ее нет. «И молимтиса, и молимтиса, Боже наш...»

В «пещере» как будто исчез холод. Или все забыли о нем, потому что молитва согрела, растопила лед злобы и отчаяния. И само ожидание смерти куда-то ушло. Как будто молитва вывела всех заключенных из темницы, туда, к Небу, ко Господу, ко всем святым мученикам, пострадавшим за Христа, и к святому Емелиану из города Доростол на берегу реки Дунай, который во времена императора Юлиана Отступника ночью зашел в капище и разбил идолов языческих. А утром, когда это обнаружилось, стражники схватили

проходящего мимо человека и стали его бить, истязать. Емелиан служил своему градоначальнику, был вне подозрений. Но вышел и сказал, что это он разбил идолов. И стали его истязать жестоко, а затем хотели сжечь заживо. Но огонь охватил стоящих рядом и не тронул мученика. Тогда он сам лег на раскаленные угли костра, призывая и славя Христа Спасителя.

Пение смолкло. В тишине послышалось, как открылась дверь «холодной».

– Всем на выход! – скомандовал охранник.

Оказалось, уже наступило утро.

Нас вывели на лагерный плац, который заключенные называли «матюкальницей», поставили у высокого деревянного забора, поверх которого тянулись ряды «колючки». Напротив, за плацем, была контора, в которой находились комнаты начальства, дом Цапко. Дальше, на небольшом расстоянии, помещение для охраны. Слева столовая, «блок питания», «рыгаловка», как говорили заключенные. Около нее та самая бочка, в которую мне пришлось нырять. Справа начинались наши бараки, приземистые, сложенные из крепких сосновых бревен. Впрочем, и другие постройки, кроме дома начальника и конторы, построенных из кирпича, тоже были из сосновых бревен. Видимо, устроители лагеря построили его «на многия лета», как оказалось, на тридцать лет с небольшим.

Называть «сталинскими» лагеря, подобные нашему, неверно, потому что они были придуманы товарищем Троцким, идейным вождем сторонников перманентной, то есть мировой революции, которая последовательно вспыхивает по всем странам и континентам. И заградотряды во время гражданской войны тоже были введены «Львом революции», как называли товарища Троцкого. Эти отряды должны были из пулеметов косить своих же бойцов, если бы они вздумали отступить под натиском неприятеля.

Но в тот утренний час я, конечно же, не думал о товарище Троцком и о Сталине, «мудром, родном и любимом», как пелось в известной песне, тоже не думал. Я смотрел на товарища Скудру Мартина Эдуардовича, который прохаживался перед нашим расстрельным строем. В длиннополом кожаном пальто, перетянутом ремнями, в командирской фуражке, гладко выбритый, стройный, он являл собой тип того «красного командира», образ которого, как героя нового времени, уже вошел в сознание тысяч советских людей. Даже хромота не портила впечатление от этого образа «борца за светлое будущее». Наоборот, она подчеркивала его недавнее героическое прошлое.

За Скудрой стояло несколько его подчиненных. На них были кожаные куртки, черные суконные брюки, заправленные в сапоги. Говорили, что обмундирование для чекистов, а потом и сотрудников НКВД советское правительство закупало за границей. Ряд красноармейцев с ружьями, построенный за начальниками в кожанках, говорил сам за себя. Наша охрана находилась здесь же, позади и сбоку от всех лагерников, выстроенных на плацу.

Мартин Эдуардович сообщил о продолжающейся борьбе с наследием буржуазного прошлого, которая будет безошадной до тех пор, пока полностью не будет покончено с кулачеством, которое здесь, в Сибири, вновь поднимает голову.

– Но мы эту голову срубим! – грозно воскликнул Скудра. – Вспыхивают бунты, подобные вашему, но все они будут подавлены железной рукой советской власти! Недаром фамилия наркома внутренних дел – Ежов. И потому все бандиты и преступники знают, что если не встанут на путь перевоспитания, то попадут в ежовые рукавицы! Таков наш Николай Иванович! – Скудра остановил речь, улыбнулся, глядя, как мы восприняли его зловецкий каламбур, но не дождавшись ответных улыбок, продолжил.

– Не думайте, что железная рука советской власти не карает тех, кто потворствует бунтам и фактически тоже виновен в них. Мы не смотрим на должности самые высокие. Перед советской властью все равны. Халатность начальства лагеря сопровождалась и другими пороками, которые неизбежно следуют за разгильдяйством, – пьянством, злоупотреблением своим служебным положением, которое и привело к воровству продуктов, медикаментов, другого ценного государственного имущества. – Скудра выдержал паузу.

– Принимая во внимание все сказанное, учитывая сложившуюся чрезвычайную ситуацию, комиссия по расследованию преступлений в составе, – он вынул из внутреннего кармана пальто лист бумаги, развернув его, прочел имена и должности «тройки», а затем четко и громко огласил:

– Приговорить к высшей мере наказания – расстрелу – заключенных: Фонарева Петра Петровича, Дергачева Николая Емельяновича – организаторов в подготовке бунта. Их пособников... – Скудра стал называть незнакомые мне фамилии, среди которых я узнал лишь некоторые. Все, кого называли, по команде выходили из строя и становились в отдельный ряд.

А что же начальство лагеря? Цапко и Кротов? Их нет на плацу. Значит, дали им «привилегию»? Но какова она?

– Потерявших бдительность, совершивших тяжкие правонарушения, к высшей мере наказания – расстрелу – приговорить: бывшего начальника лагеря Цапко Митрофана Прохоровича, заместителя начальника лагеря Кротова Михаила Ивановича. – Скудра закончил читать и спрятал расстрельный лист в карман пальто.

– Заключенный Гвоздев! – громко, с прежней железной интонацией, продолжил Скудра. – Не думайте, что вы остались без наказания. За пособничество преступникам вам вменяются три года заключения дополнительно. – Он опять сделал паузу. Я воспользовался этим:

– Гражданин начальник! – выкрикнул я.

Он посмотрел в мою сторону. Видимо, подумал, что я хочу что-то сказать по решению «тройки». Но я попросил о другом:

– Гражданин начальник, разрешите проститься с осужденными?

Минуту он раздумывал. Неожиданно сказал:

– Разрешаю.

Я подошел к протоиерее Илье и обнял его. Мы троекратно поцеловались.

Подошел к Дергачеву.

– Ты прости меня, Николай Емельянович, если обидел тебя.

– Да чего там! Прощай!

Теперь осталось подойти к Фонареву. Он грустно улыбнулся:

– Прощай, Васильич. Обнимемся, что ль?

– Обнимемся.

Мы торопливо обнялись.

Осужденных повели к выходу из лагеря. Красенок кричал, переплясывая за ноги охранников. Его поднимали пинками, били прикладами. Лишь после тяжелых ударов он, спотыкаясь, пошел в расстрельном строю. Другие шли спокойно, как обычно шли на свои делянки, где валяли лес. Но только теперь вели их самих на особую делянку, где валят не деревья, а людей.

Утро следующего дня выдалось тихое, солнечное. Мы стояли на поверке. Выкликали, как обычно, наши фамилии, и все шло привычным чередом, так, как будто и не было вчерашней казни. В лагере уже все знали, что Цапко и Кротов расстреляны. Не вместе с заключенными, а отдельно. Рассказали мне и про Светлану Тимофеевну. Она узнала, что Митрофана Прохоровича и Михаила Ивановича посадили в «предварилловку», – как у нас называли камеры предварительного заключения. Так она ночью, тайком, задабривая охрану теплыми пирожками, упросила передать часть из них Цапко с Кротовым. Охранники выполнили просьбу Светланы Тимофеевны

и видели, как пирожки ели и Митрофан Прохорович, и смирившийся с наказанием Кротов.

Охрана на вышке, кого зовут «вертухаями», видела, как Цапко и Кротова вели к месту казни у лагерного кладбища. С некоторыми охранниками я был знаком, ведь они выпускали меня в лес, когда я имел такую возможность. Они мне и рассказали, что Цапко и Кротов расстреляны.

Утром после расстрела, когда мы снова стояли на плацу, наши фамилии выкрикивал другой замполит в кожанке, перепоюсанной кожаным ремнем, и в командирской фуражке со звездой. Будто не существовал нервный начальник по фамилии Кротов, место которого занял на плацу новый «политически грамотный» человек. И будто не существовал Митрофан Цапко, вместо которого стоял на плацу перед нами молодцеватый новый начальник, тоже в кожаной куртке, перепоюсанной кожаным ремнем, и в командирской фуражке со звездой.

Но перед моими глазами проплывали лица Цапко, Кротова, Фонарева, Дергачева, мальчишки Краснова, который так не хотел умирать. И лица других убиенных, которых я мало знал, тоже плыли перед моим внутренним взором. Я поднял взгляд от земли, тряхнул головой, чтобы прогнать видение.

Солнышко, по-осеннему неяркое, освещало ту же лагерную картину: дом, где будет жить новый начальник, блок питания, бараки, емкость для питьевой воды. Я стоял неподалеку от этой нашей «поилицы», в самом конце шеренги, так как меньше меня по росту заключенных не было, и вдруг заметил, что из-под бочки вытекает тонкий ручеек. Вода серебрилась на осеннем солнышке, вспыхивала искорками, посылая нашему унылому миру радостные лучики. Но радоваться веселому ручейку не приходилось. Значит, бочка дала новую течь, или наша затычка оказалась не совсем плотно пригнанной к промоине. Но ведь прошло уже больше месяца, как я нырял в ледяную черноту. Что же раньше-то вода не текла? Или образовалась новая трещина? Может, вообще днище прогнило, и бочку надо ликвидировать? Ладно, пусть новый начальник решает, как следует поступить.

– Что, Блажной, опять придется нырять? – спросил стоящий во второй шеренге позади меня. Ручеек заметили и другие заключенные.

После проверки пошли в столовую. Мимо бочки шли торопясь, – боялись, как бы их не остановил кто-нибудь из начальства, но начальство еще не видело течь. Обнаружилась она после обеда, когда нас поотрядно отправляли кого на стройку, кого на лесоповал.

Меня определили катать тачку с землей. Строительство моста находилось в самом разгаре. Уже делались подъездные пути, мерзлую землю били кирками, нагружали тачки, и мы, один за другим, отвозили землю. Потом менялись с землекопами. Они отвозили землю, а нам вручались кирки. Учетчики строго следили за сменой нашей работы.

К концу дня, когда вернулись в лагерь, я заметил, что у бочки толпится народ. Новый начальник ходил взад-вперед вокруг бочки, нагибался, пытаясь заглянуть под днище. Я подошел ближе, увидел, что ручеек превратился в ручей. Вода текла по прорытой канавке, довольно длинной, уходящей к яме, вырытой в конце плаца. Мне объяснили, что в бочку нырял Луков, крепкий парень из воров. Нырял за дополнительную пайку, которую начальник обещал выдавать ему в течение недели. Луков сказал, что никакой трещины нет, а старая дыра закрыта надежно, как и прежде. Новый начальник заставил нырять другого зека, Дроздова, тоже крепкого парня и тоже за дополнительную пайку. Дроздов сказал то же самое, что и Луков.

Я пошел вдоль канавки. В одном месте, где земля не поддавалась копальщику, образовался бугорок, и вода стекала с него маленьким прозрачным водопадиком. Он был так хорош, что я опустился на корточки, любуясь падающей гладкой дугой. Солнышко уходило за лесистые увалы, светило прощальными лучами. Вода, чистая как слеза, тихонько журчала. Иногда она чуть серебрилась, как утром, когда я впервые увидел ее. Я зачерпнул воду в ладонь и пригубил. Она оказалась такой приятной на вкус, что я, не в силах сдержать радостной улыбки, зачерпнул воду обеими ладонями и умыл лицо.

– Ты чего лыбишься, Блажной? – окликнул меня заключенный, имени которого я не знал. Я поднял голову, поглядел на человека с усталым лицом, похожим на сотни других лиц, которые стирает, делая одинаковыми, лагерь.

– А ты попробуй водичку, – сказал я.

Человек присел на корточки рядом со мной и ладонью зачерпнул водички. Выпил.

– Какая! – Он не находил слов, чтобы определить вкус воды. Выпил еще.

Морщины на его лице разгладились, он, как и я, плеснул воду себе на лицо, радостно улыбнулся.

– Что это? – спросил он.

Другие заключенные подошли к нам, тоже уселись у канавки и стали пробовать водичку на вкус.

– Что это? – повторил человек, который сидел на корточках рядом со мной.

– Родник, – ответил я.

– Да откуда он взялся?

– Не знаю. И никто не знает.

Заключенные смотрели на нас, думали.

– Вода-то в бочке не убывает, – сказал кто-то.

– И по вкусу другая.

– Да и чистая!

– Прозрачная!

И еще другие говорились слова, но я уже не слышал их. Встал на колени и осенил себя широким крестом. Поднял голову к небу.

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков. Наши страдания увидел Господь. И посылает нам утешение, братья. Многие из заключенных стали опускаться на колени и креститься. Но уже бежали к нам со всех ног новый Кротов и его помощники...

«Духовный Собеседник» в 2019 году

Судьба Царя – судьба народа. Публикации к 100-летию трагических событий в России.

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого.

Беседы главного редактора «ДС»:

с членом Союза писателей России, лауреатом Патриаршей литературной премии (2014) протоиереем Николаем Агафоновым;

с лауреатом Большой литературной премии России (2002), Патриаршей литературной премии (2012), ветераном боевых действий в Афганистане, кавалером ордена Красной Звезды Виктором Николаевым.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия, праведников, боголюбцев, исповедников российских из архива митрополита Мануила (Лемешевского).

Продолжение публикации трудов российского мыслителя, политолога и публициста Александра Сергеевича Панарина.

Лекция известного православного журналиста Юрия Воробьевского «Мистика мировой политики».

1-я стр. обложки: Митрополит Куйбышевский и Сызранский Мануил (Лемешевский). Портрет.

2-я стр. обложки: Священномученик Александр (Трапицын), архиепископ Самарский. Икона.

3-я стр. обложки: Место погребения митрополита Мануила (Лемешевского) в Покровском кафедральном соборе г. Самары. Фото Михаила Тимофеева.

Издание зарегистрировано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ГПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская Епархия Русской Православной Церкви.

№1(99). Отпечатано в типографии ООО «Экополис», адрес 443034, г. Самара, ул. Енисейская, д. 43.

Подписано в печать 06.12.2018 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 1-ое полугодие 2019 года.**

**Духовный
Собеседник**

- **В любом почтовом отделении России** – наши подписные индексы:
39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
П3160 – в электронном каталоге «Подписные издания. Официальный каталог Почта России»
3160 – в официальном каталоге Почты России «Подписные издания».
39582 – в каталоге РУП «Белпочта» (Беларусь).

Напрямую (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **290 рублей** за один экземпляр журнала с учетом доставки до адресата - только на территории России) **в редакцию по следующим реквизитам:**

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с 40702810003000022347 в Приволжском филиале ПАО «Промсвязьбанк» г. Самара
БИК 042202803 к/с 30101810700000000803

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 1-ое полугодие 2019 года.

на ___ номеров.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

Наложённым платежом, обсудив и оформив заказ по указанным телефонам.

**Духовный
Собеседник**